ДБ
58
Д-59
г. 2.

Къ тысячелѣтію договора Олега 911-го года.

КЪ ТЫСЯЧЕЛѢТІЮ ДОГОВОРА ОЛЕГА 911-ГО ГОДА.

1/93

ДОГОВОРЫ РУССКИХЪ СЪ ГРЕКАМИ И ПРЕДШЕСТВОВАВШІЕ ЗАКЛЮЧЕНІЮ ИХЪ ПОХОДЫ РУССКИХЪ НА ВИЗАНТІЮ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Время Игоря и Святослава

Изданіе Московскаго Археологическаго Института
подъ редакціей дѣйствительнаго члена Института Н. Маркса.

Москва. 1912.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ
БИБЛИОТЕКА
598885

Печатано по постановленію Совѣта Московскаго Археологическаго Института, 12 декабря 1911 года.

Директоръ Института *Александръ Успенскій.*

Печатня А.И.Снегиревой Москва.
1912.

Въ настоящей второй части нашего труда мы приводимъ текстъ договоровъ Русскихъ съ Греками и разсказа лѣтописи о предшествовавшихъ договорамъ походахъ Русскихъ на Византію при Игорѣ и Святославѣ. Текстъ приводимъ по тому же Ипатскому списку лѣтописи, по которому въ первой части изданы фототипически договоры и походы Олега.

Отказавшись отъ какихъ либо поясненій текста фототипическаго изданія, такъ какъ это изданіе предназначено для чтенія въ семинаріи, гдѣ всѣ необходимыя поясненія дастъ преподаватель, мы въ то же время считаемъ соотвѣтственнымъ по отношенію къ тексту, печатаемому во второй части, привести какъ необходимыя поясненія, такъ и высказанные въ литературѣ взгляды, кажущіеся намъ болѣе важными и обстоятельными. При этомъ чисто юридическіе комментаріи мы нѣсколько сокращаемъ, имѣя въ виду трудъ М. Владимірскаго-Буданова, Христоматію по исторіи русскаго права.

Въ приложеніи къ настоящей второй части, въ цѣляхъ возможно полнаго освѣщенія вопроса, помѣщаемъ: 1) текстъ Ипатской лѣтописи о походѣ Аскольда и Дира на Царьградъ; 2) извлеченіе изъ бесѣдъ патріарха Фотія на нашествіе Россовъ; 3) разсказъ о походѣ Россовъ по житію Василія Новаго; 4) разсказъ Продолжателя Амартола о походѣ Россовъ въ 941-мъ году; 5) извлеченіе о войнѣ Грековъ съ Святославомъ изъ исторіи Льва Діакона, а также изъ Кедрина и Зонары; 6) текстъ Ипатской лѣтописи о движеніи Руси на Грековъ при Владимірѣ; 7) текстъ Ипатской лѣтописи о походѣ на Грековъ при Ярославѣ. Наконецъ полагаемъ полезнымъ привести также, въ приложеніи: 8) замѣчаніе объ языкѣ и письмѣ издаваемаго текста Ипатской лѣтописи и 9) словарь къ издаваемому тексту.

При передачѣ текста лѣтописи мы соблюдали орѳографію подлинника, замѣнивъ лишь буквы ѧ, ѩ, ѿ, ѡ, оу соотвѣтствующими буквами

современнаго алфавита. Буквы, вынесенныя въ подлинникѣ надъ строку, въ изданіи обозначены курсивомъ; буквы въ словахъ съ сокращеніями поставлены въ скобкахъ; но относительно дѣленія словъ, знаковъ препинанія и заглавныхъ буквъ соблюдены правила современнаго письма въ видахъ удобства чтенія. На поляхъ текста отмѣчена нумерація листовъ подлинника, а въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ сдѣланы посылки на написанія рукописи.

Н. Марксъ.

Текстъ договоровъ Русскихъ съ Греками и разсказа лѣтописи о предшествовавшихъ договорамъ походахъ Русскихъ на Византію при Игорѣ и Святославѣ.

(По Ипатскому списку).

Походы Игоря на Грековъ.

В[ъ] лѣто 6449 [1]). Иде Игорь на Грѣкы. И яко послаша Болгаре л. 17.
вѣсть къ ц(е)с(а)рю, яко идуть Русь на Ц(е)с(а)рьград(ъ), скѣдии 10 тысящь [2]). Иже и попдоша, и приплуша, и почаша воевати Вифаньскыя страны, и плѣноваху по Понту до Ираклия и до Фофлагоньскы земля, и всю страну Никомидиискую пополониша, и Судъ в(е)сь пожьгоша [3]). Ихъ же емъше, [а]) овѣхъ растинаху, и || другия же сторожи по- л. 17 об.
ставьляюще, [б]) стрѣлами растрѣляху и изъламляху, опакы руцѣ связавше и гвозды желѣзны посредѣ головъ въбиваxуть има. Мьного же и с(вя)т(ы)хъ ц(е)ркви [б]) огьневи предаша, и имѣнье не мало обою сторону взяша. Потомъ же пришедшемъ воемъ от(ъ) въстока Панфиръ деместникъ съ четырми десятътысящъ, Фока же патрикии съ Македоны, Феодоръ же стратилатъ съ Фракы, и с(ъ) ними же и сановници боярьстии обидоша Русь около. И свѣщаша Русь, и изидоша противу въоружившеся [в]) на Грѣкы, и брани межю има бывши злѣ одва одолѣша Грѣци. Русь же възвратишася къ дружинѣ своей к(ъ) вечеру, и на ночь, [г]) влѣзъше въ лодья, отбѣгоша. Феофанъ же усрѣте я въ олядѣхъ [д]) съ огнемъ, и нача пущати огнь трубами на лодья Рускыя, и быс(ть) вiдѣти страшно чюдо. Русь же, видяще пламень, вмѣтахуся въ воду морьскую, хотяще убрѣсти, и тако прочии възвратишася въсвояси.

Тѣмь же, пришедъшимъ в(ъ) землю свою, повѣдаху кождо своимъ о бывшемъ и олядьнѣмъ огни,—якоже молонья, реч(е), иже на н(е)б(е)сихъ, Грѣци имутъ в(ъ) себе, и сию пущающе жьжаху насъ; и сего ради не одолѣхом(ъ) имъ [4]). Игорь же пришедъ, и нача съвокупити вои

Примѣчанія: [а]) ъ замыкаетъ строку при переносѣ. [б]) ь замыкаетъ строку при переносѣ. [в]) Буква ъ послѣ *в* переправлена изъ *з*. [г]) Буква *ч* переправлена изъ *ц*. [д]) послѣ *л* написанъ ѧ, передѣланный изъ ъ или наоборотъ.

многы, и посла по Вярягы за море вабя и на Грѣкы, пакы хотя поити на ня.

. . . . . .

В(ъ) лѣто 6452. Игорь совокупи воя многы [5]; Варягы, и Русь, и
л. 18. Поляны, || и Словѣны, и Кривичи, и Тиверци, и Печенѣгы [6]) наятъ [а] и тали в(ъ) нихъ поемъ, поиде на Грѣкы в(ъ) лодьяхъ и на конехъ, хотя мьстити себе [7]). Се слышавше Курсунци, послаша къ Роману, г(лаго)люще: —Се идуть Русь, покърыли [б] суть море корабли. Тако же и Болгаре послаша вѣсть, г(лаго)л(ю)ще:—Идутъ Русь, и Печенѣгы наяли суть к(ъ) собѣ. Се слышавъ, ц(е)с(а)рь посла къ Игореви лутьшии бояры, моля и г(лаго)ля:—Не ходи, но возьми дань, юже ималъ Олегъ, и придамъ еще къ тои дани. Тако же и Печенѣгомъ послаша паволокы и золото много. Игорь же, дошедъ Дуная, съзва дружину и *нача* думати, и повѣда имъ рѣчь ц(е)с(а)р(е)ву. Р(е)коша же дружина Игорева: —Да аще спце г(лаго)л(е)ть ц(е)с(а)рь, то что хощемъ боле того! Не бившис(я) имати злато, и серебро, и паволокы! Еда кто вѣсть, кто одолѣеть, мы ли, они ли? или с(ъ) моремъ кто свѣтенъ? Се бо не по земли ходимъ, но по глубинѣ морьстии; и обьча см(е)рть всѣмъ. И послуша ихъ Игорь, и повелѣ Печенѣгомъ воевати Болгарьскую землю, а самъ, вземъ у Грѣкъ злато и паволокы на вся воя, [б] възвратися въспять, и приде къ Киеву въсвояси [8]).

Миръ Игоря съ Греками [9]).

В(ъ) лѣто 6453 [10])). Присла Романъ, и Костянтинъ, и Стефанъ послы [в] къ Игореви построити мира пѣрваго [11]); Игорь же гл(агол)авъ с(ъ) ними(и) о мирѣ. Посла Игорь мужи свои къ Роману, Романъ же събра бояры и сановникы. И приведоша Рускыя *по*слы, [в] и повелѣша г(лаго)л(а)ти и писати обоихъ речи на харотью [12]).

Равно другаго свѣщания,, бывшаго при ц(е)с(а)ри Романѣ, и Костянтинѣ, Стефанѣ, хр(и)столюбивыхъ вл(а)д(ы)къ [13]).

Мы от(ъ) рода Рускаго *по*слы [в] и гостье, Иворъ, *по*солъ [в] Игоревъ, великаго князя Рускаго [14]), и обьчии [г] [15]) *по*сли [в]: Вуефастъ С(вя)тославль, с(ы)на Игорева [16]): Искусеви [17]) — Ольгы княгыня; Слуды Иго-

Примѣчанія: [а]) *тъ* приписано новымъ почеркомъ. [б]) *ъ* замыкаетъ строку при переносѣ. [в]) Слогъ *по* приписанъ другимъ почеркомъ. [г]) *ь* стоитъ въ концѣ строки.

ревъ, петии Игоревъ; У || лѣбъ Володиславль; Каницаръ Перъславинъ [18]); л. 18 об.
Шигобернъ Сфандръ [19]) — жены Улѣбовы; Прастенъ Турдуви; Либи Арьфастов(ъ); Гримъ Сфирковъ; Прастѣнъ Якунъ, нетии Игоревъ [20]); Кары Тудковъ; Каршевъ Тудоровъ; Егри Ерлисковъ; Воистовъ Иковъ; Истръ Ямиидовъ; Ятьвягъ Гунаревъ; Шибьридъ Алдань; Колъ Клековъ; Стегги Етоновъ, Сфирка; Алвадъ Гудовъ; Фудри Тулбовъ; Муторъ Утинъ; купѣць Адунь, Адолбъ, Ангивладъ, Улѣбъ, Фрутанъ, Гомолъ, Куци, Емигъ, Турьбридъ, Фурьстѣнъ, Бруны, Роальдъ, Гунастръ, Фрастѣнъ, Пиъгелдъ, Турберинъ и другии Турберинъ, Улѣбъ Турберинъ, Моны, Руалдъ, Свѣнь, Стиръ, Алданъ, Тилии, Апубкарь, Свѣнь, Вузелѣвъ, и Синько бричь, послании *от*(ъ) Игоря, великого князя Рускаго, и *от*(ъ) всея княжья, и *от*(ъ) всѣ*х*(ъ) людии Руское земли. И *от*(ъ) тѣхъ зановѣдано [б] объновити ветхыи миръ, и *от*(ъ) ненавидящаго добра, вьраждолюбца дьявола разорити [21]) *от*(ъ) многъ лѣ*т*(ъ) [22]), утвѣрдити любовь [23]) межю Грѣкы и Русью. И великыи нашь князь Игорь, и бояре его, и людие вси Рустии послаша ны къ Роману, и Стефану, и Костянтину, великымъ ц(е)*с*(а)ремъ Грѣцкымъ створити любовь самими ц(е)*с*(а)ри, и съ всѣмъ боярьствомъ, и съ всими людми Грѣцкими, на вся лѣта, доидеже с(о)лнце сияеть и в(е)сь миръ стоить [24]).

Ниже помыслить *от*(ъ) страны Рускыя раздрушити таковую любовь, и елико ихъ с(вя)щение прияли суть, да приимутъ мѣсть *от*(ъ) Б(ог)а Вседѣржителя, осужение [в] и на погибель и в(ъ) сии вѣкъ и в(ъ) будущии; а елико ихъ не кр(е)щено есть, да не имуть помощи *от*(ъ) Б(ог)а, ни *от*(ъ) Перуна, да [25]) не ущитятся щиты своими, и да посѣчени бу || дуть мечи своими, и *от*(ъ) стрѣлъ и *от*(ъ) иного оружья своего [26]), л. 19.
и да будутъ раби и в(ъ) сии вѣкъ и будущии [27]).

Великыи князь Рускыи и боярѣ его да посылаютъ на то въ Грѣкы к(ъ) великымъ ц(е)*с*(а)ремъ Грѣцкы*м*(ъ) корабля, елико хотять, съ послы своими и гостьми [28]), яко*жс*(е) имъ уставлено есть [29]).

Ношаху [г] *по*слы печати злат(ы), а гостие серебряны; нынѣ же увѣдалъ есть [30]) князь нашь посылати грамоту къ ц(е)*с*(а)р(с)тву [31]) вашему; ниже посылаеми бываютъ о(*т*)ъ нихъ послы и гостье, да приносять грамоту, ишюще [32]) сице: яко послах(ъ) корабль селико [33]). И *от*(ъ) тѣхъ да увѣмы и мы, оже с(ъ) миромъ приходя*т*(ь) [34]). Аще ли безъ грамоты придуть, и предани будуть намъ, дѣржимъ и хранимъ, дон-

---

Примѣчания: [а]) Второе *к* передѣлано изъ другой буквы. [б]) *ъ* стоитъ въ концѣ строки. [в]) *и*—лишнее или изъ *имъ*. [г]) Слогъ *по* приписанъ новымъ почеркомъ.

деже възвѣстимъ князю вашему; аще ли руку не дадят(ь) [35]) и противятся, да убьени будуть, и да не изыщеться см(е)рть ихъ от(ъ) князя вашег(о) [36]); аще ли убѣжавше придуть в(ъ) Русь, и мы напишемъ къ князю вашему, и яко имъ любо, тако створять. И аще придуть Русь безъ купля, да не взимають мѣсячины [37]).

И да запретить князь словомъ своимъ и приходящии Руси сде[38]), да не творять бещинья в(ъ) селѣхъ, ни въ странѣ нашеи. И приходящимъ имъ, да витають у с(вя)т(а)го Мамы [39]); да послеть ц(е)с(а)р(с)тво ваше, да испишеть имена ихъ, и тогда възмуть мѣсячьное[а)] свое, і *по*сли слѣбное [40]) свое, а гостье мѣсячное[а)] свое, пѣрвое от(ъ) града Киева, и пакы ис(ъ) Чернигова, и ис(ъ) Переяславля и прочии городи [41]). И да входять в(ъ) город(ъ) одиными вороты съ ц(е)с(а)р(ст)вомъ мужемъ, безъ оружья, 50 мужь [42]), и да творять куплю, якоже имъ надобѣ, и пакы да исходять; и мужь ц(е)с(а)рьства вашего да хранить я, да аще кто от(ъ) Руси
л. 19 об. или от(ъ) Грѣкъ створить криво, || да оправляетъ[б)]. Входя же Русь в(ъ) городъ, да не творят(ь) пакости [43]), и не имѣють власти купити паволокъ лише по пятидесятъ золотникъ; и от(ъ) тѣхъ паволокъ, аще кто купить, да показаетъ ц(е)с(а)р(ст)ву мужеви [44]), и ть я запечатаеть и дасть имъ [45]). И отходящи Руси отсюду взимають от(ъ) нас(ъ). еже надоби брашно на путь, и еже надобѣ лодьямъ, якоже уставлено есть пѣрвое. и да възъвращаются съ сп(а)с(е)ниемъ [46]) въ свою сторону, и да не и*му*ть[в)] волости зимовати у с(вя)т(а)го Мамы [47]).

И аще ускочить челядинъ от(ъ) Руси, понеже [48]) приидуть въ страну ц(е)с(а)р(с)тва нашего, и от(ъ) с(вя)т(а)го Мамы, и аще будеть и обрящеться, да поимуть и; аще ли не обрящется, да на роту идут(ь) наши, кр(е)стьяная Русь, а не хр(е)стьянии по закону своему:-ти тогда взимають от(ъ) нас(ъ) цѣну свою, якоже уставлено есть преже, 2 паволоцѣ за челядинъ [49]).

Аще ли кто от(ъ) людии ц(е)с(а)р(с)тва вашего, или от(ъ) рода вашего, или от(ъ) инѣхъ городъ ускочить челядинъ нашь къ вамъ [50]), и принесеть что, да в(о)зврватять е опять [51]), и еже что принеслъ будеть цѣло[д)] все, да воз(ь)мет(ь) от(ъ) него золотника два имѣчнаго [52]).

Аще ли покусится кто взяти от(ъ) Руси и от(ъ) людии ц(е)с(а)р(с)тва вашего, иже то створить, покажьненъ[е)] будеть вельми [53]); аще ли и

Примѣчанія: [а]) Буква *ч* написано по соскобленному. [б]) Надстрочное *т* подъ титломъ выскоблено. [в]) Слогъ *му* приписанъ новымъ почеркомъ. [г]) Буква *и* передѣлана изъ *ч*. [е]) *ь* стоитъ въ концѣ строки.

взялъ будеть, да заплатит(ь) сугубо. Аще ли створить тоже Грѣчинъ[а] Русину, да приме(ь) ту же казнь, якоже приялъ есть онъ.

Аще ли ключится украсти Русину от(ъ) Грѣкъ что, или Грѣчину от(ъ) Руси, достоино есть да възврать[б] е не точью едино, но и цѣну его; аще украденое обрящется продаемо, да вдасть цѣну его сугубу, и тъ покажненъ будеть по закону Грѣцкому, и по уставу[в] Грѣцкому и по закону Рускому [54]).

И елико хр(е)стиянъ от(ъ) власті || нашея пленена[г] [55]) приведут(ь) л. 2с Русь ту [56]), аще будеть уноша, или д(ѣ)в(и)ца добра[д], да въдадять золотникъ 10, и поим(у)ть и; аще ли есть средовѣчь[е], да вдасть золотникъ 8, и поиметъ и; аще ли будеть старъ, или дѣтичь, да вдасть золотникъ 5. Аще ли обьрящются Русь работающе у Грѣкъ, аще суть полоницы, да искупають а[ж] Русь по 10 золотникъ; аще ли купилъ и будедет(ь)[з] Грѣчинъ, под(ъ) кр(е)стомъ достоить ему[и], да възьметь[к] цѣну[л], елико же далъ будеть на нем(ь) [57]).

О Корсуньсции сторонѣ [58]).

Кол(ь)ко же есть городъ на тои часті, да не имуть власти князи Рускыи, да воюеть на тѣхъ сторонахъ, а та страна не покаряется вам(ъ) [59]); и тогда, аще просит(ь) вои от(ъ) насъ князь Рускыи, дамы ему, елико ему будет(ь) требѣ и да воюет(ь) [60]).

И о томъ, аще обрящют(ь) Русь кувару Грѣчьску, вывержену на нѣкоемъ любо мѣстѣ, да не приобидять ея; аще ли от(ъ) нея възметь кто что, или ч(е)л(о)в(ѣ)ка поработить, или убьеть, да будеть повиненъ[м] закону Рускому и Грѣцкому [61]).

И аще обрящють Русь Коръсуняны рыбы ловяща въ устьи Днѣпра, да не творят(ь) имъ зла никакоже(е) [62]). И да не имѣють Русь власти зимовати въ устьи Днепра, Бѣлобережани [63]), у с(вя)т(а)го Елеуфѣрья [64]); но егда придеть осень, да идуть в(ъ) домы своя в(ъ) Русь [65]).

А о сихъ [66]), иже то приходять Черьнии Болгаре [67]) и воюють въ странѣ Корсуньстии, и велимъ [68]) князю Рускому, да ихъ не пущаеть и пакостять сторонѣ его [69]).

Примѣчанія: [а]) Буква *ч* написана по соскобленному. [б]) Очевидно *възвратить*. [в]) Первая буква *у* вставлена послѣ написанія слова. [г]) Буква *а* написана поверхъ со скобленнаго *у*. Въ основномъ текстѣ не стояло ли *плѣненъ* (р. п. мн. ч. — плѣныхъ). [д]) *ъ* замыкаетъ строку при переносѣ. [е]) Буква *ч* переправлена изъ *ц*. [ж]) *а* вмѣсто *ю*. [з]) Второе *де* зачеркнуто. [и]) Слово *ему* написано сверхъ соскобленнаго слова *имъ*. [к]) *е* написано по соскобленному *у*. [л]) Буква *ц* переправлена изъ *ч*. [м]) Слогъ *но* приписанъ новымъ почеркомъ.

Или аще ключится проказа [70]) нѣкака от(ъ) Грѣкъ, сущихъ подъ властью ц(е)с(а)р(с)тва нашего, да не имате власти казнити я, но повелѣньемъ ц(е)с(а)р(с)тва нашего да приме*т*(ь), яко же будеть створилъ [71]).

И аще убьеть кр(е)стьянинъ Русина, да дѣржимъ будеть створи-
л. 20 об. вый убіство от(ъ) ближнихъ убьенаго, да убьють и. [72]) Аще || ли ускочить створивы убои и убѣжить, и аще будетъ имовит(ъ), да возмуть имѣнье его ближнии убьенаго; аще ли есть неимовитъ створивый убиство и ускочить, да ищють его, дондеже обрящется; да убьенъ буде*т*(ь) [73]).

Или аще удари*т*(ь) мечемъ, или коньемъ, или кацѣмъ инымъ съсудом(ъ) Русинъ Грѣчина, или Грѣчинъ Русина, да того дѣля грѣха заплатить серебра литръ 5, по закону Рускому; аще ли есть неимовит(ъ), да како можеть, въ тол(ь)ко же и проданъ будеть, яко да и порты, в(ъ) нихъ же ходить, и то с(ъ) него сняти, а опрочи да на роту ходи*т*(ь) по своеи вѣрѣ, яко не имѣя ничто же, ти тако пущенъ будеть [74]).

Аще ли хотѣти начнеть наше ц(ес)арьство от(ъ) вас(ъ) вои на противящася намъ, да пишю*т*(ь) к(ъ) великому князю вашему, и пошлеть к(ъ) намъ, елико хощемъ, и отолѣ увѣдять иныя страны, каку любовь имѣю[а] Грѣци с(ъ) Русью [75]).

Мы же свѣщание все положимъ на двою харатью, и едина харотья есть у ц(е)с(а)р(с)тва наше*г*(о), на неи же есть кр(е)стъ и имена наша написана, а на другои *по*слии[б] ваши и гостье ваши [76]). А отходяче со *по*слом(ъ)[б] ц(еса)р(с)тва наше*г*(о) да попроводять к(ъ) великому князю Игореви Рускому и к(ъ) людемъ его; и ти, приимающе харотью, на роту идуть хранити истину, яко же мы свѣщахом(ъ), и написахомъ на харотью сию, на неи же суть написана имена наша [77]).

Мы же, елико насъ кр(е)стилися есмы, кляхомся ц(е)рк(о)вью с(вя)т(а)го Ильи въ зборнѣи ц(е)ркви [78]), и предълежащи[в] ч(е)стнымъ кр(е)стомъ [79]), и харотьею сею, хранити же все, еже есть написано на неи, и не преступати от(ъ) того ничто же; а оже переступіть се от(ъ) страны нашея, или князь или инъ кто, или крещенъ, или некрѣщенъ, да не имать от(ъ) Б(о)га помощи, и да будуть рабі в(ъ) сии вѣкъ и
л. 21. в(ъ) будущии, || и да заколенъ будеть своимъ оружьемъ [80]); а некрѣщении Русь да полагають щиты своя и мечи свои нагы и обручи [81]) свои и прочая оружья, и да клѣнуться о всем(ъ), и яже суть написана на харотьи сеи и хранити [82]) от(ъ) Игоря и от(ъ) всѣхъ бояръ и от(ъ)

Примѣчанія: [а]) Очевидно *имѣють*. [б]) *по* приписано новымъ почеркомъ. [в]) Должно быть недописка, вмѣсто *предълежащимъ*.

всѣх(ъ) людии и от(ъ) страны Рускыя, въ прочая лѣта и всегда. Аще ли же кто от(ъ) князь и от(ъ) люди Рускыхъ, или кр(е)стьянъ, или не крещеныи, переступить все, еще написано на харотьи сеи, и будетъ достоинъ своимъ оружьемь умрети. и да будет(ъ) проклятъ[а] от(ъ) Б(ог)а и от(ъ) Перуна, и яко преступи[б] свою клятъву[в] [83]). Да обаче будеть добрѣ, Игорь великыи князь да хранить любовь вьсю правую [84]), да не раздрушится, дондеже с(о)лнце сияет(ь) и в(е)сь миръ стоить, въ нынѣшняя вѣкы и в(ъ) будущая [85]).

Послании же послы[г] Игоремъ придоша къ Игореви съ послы[г] Грѣц- л. 21.
кими[д], и повѣдаша вся рѣчи ц(е)с(а)ря Романа. Игорь же призва посль[г] Грѣцкыя, р(е)че:—Молвите, что вы казалъ ц(е)с(а)рь? И ркоша послы[г] ц(е)с(а)р(е)ви:—Се посла ны ц(е)с(а)рь, радъ есть миру, и хочеть миръ имѣти съ князем(ъ) Рускымъ и любовь, и твои послы[г] водили суть ц(е)с(а)ря нашег(о) ротѣ, и насъ послаша ротѣ водить тебе и мужь твоихъ. И обѣщася Игорь сице створит(и). И наутрѣя призва Игорь послы[г], и приде на холъмы, кдѣ стояше Перунъ, и покладоша оружья своя, и щиты, и золото [86]), и ходи Игорь ротѣ [87] и мужи его, и елико поганыя Руси; а хр(е)стьяную Русь водиша въ ц(е)рк(о)вь с(вя)т(о)го Ильи, яже есть надъ ручьемъ[е], конѣцъ Пасыньцѣ[ж] бесѣды и Козаре: [88]) се бо бѣ сборная ц(е)ркви, мнози бо бѣша Варязи хр(е)стьяни. Игорь же, утвѣрдивъ миръ съ Грѣкы, отпусти послы[г], одаривъ[з] скорою[и] и челядью, и воском(ъ), и отпусти я. Послы[г] же придоша къ ц(е)с(а)р(е)ви и повѣдаша вся рѣчи Игоревы и любовь яже къ Грѣком(ъ) [89]).

Походы Святослава на Грековъ [90]).

В(ъ) лѣ(то) 6475. Иде С(вя)тославъ на Дунаи, на Болъгары[к] [91]) л. 20.
и бившимъся одолѣ С(вя)тославъ Болгаромъ, и взя городовъ 80 по Дунаю [92]); и сѣде княжя ту въ Переяславци, емля дань на Грѣцѣхъ [93]).

Примѣчанія: [а]) Слогъ *про* приписанъ новымъ почеркомъ. [б]) Въ словѣ *преступи* буква *р* вставлена позже. [в]) *ъ* въ концѣ строки. [г]) *По* приписано новымъ почеркомъ. [д]) *ь* съ двойнымъ грависомъ, недописанная буква *ы*. [е]) Буква *ц* стерта и замѣнена буквой *ч*. [ж]) Буква *ч* переправлена въ *ц*. [з]) Буквы *дариві* приписаны вверхъ по правому полю. [и]) Буквы *ско* приписаны по лѣвому полю надъ буквами *рою*. [к]) *ъ* замыкаетъ строку при переносѣ.

В(ъ) лѣто 6476. Придоша Печенизи пѣрвое на Рускую землю, а С(вя)тославъ бяше в(ъ) Переяславци.. || И послаша Киянѣ къ С(вя)-
л. 26 об. тославу, г(лаго)люще: — Ты, княже, чюжеи земли ищешь и блюдешь, а своея ся лишивъ, малѣ бо нас(ъ) не въ[а]зяша Печенѣзи [94]) . . . . . То слышавъ С(вя)тославъ, вборзѣ въсѣдъ на кони съ дружиною своею, и приде къ Киеву... и събра вои, и прогна Печенѣгы в(ъ) поле.

В(ъ) лѣт(о) 6477. Р(е)че С(вя)тославъ *къ*[б] м(а)т(е)рь своеи и къ бояром(ъ) своимъ:—Не любо ми есть в(ъ) Киевѣ жити, хочю жити в(ъ) Переяславци в(ъ) Дунаи, яко то есть среда земли моеи [95], яко ту вся благая сходятьс(я): от(ъ) Грѣкъ паволокы, золото, вино и овощи раз-
л. 27. ноличьн || ии, и и Щеховъ и изъ Угоръ серебро и комони, изъ Руси же скора, и воскъ, и медъ, и челядь . . . . . .

л. 27 об. В(ъ) лѣт(о) 6479. Прииде С(вя)тославъ Переяславцю, и затворишася Болгаре в(ъ) городѣ; и изълѣзошаша Болгаре на сѣчу противу С(вя)тославу, и быс(ть) сѣча велика; и одолѣваху Болгаре. И р(е)че С(вя)тославъ воем(ъ) своимъ: — Уже нам(ъ) здѣ пасти, потягнемъ мужьскы, брат(и)е и дружино!. И к(ъ) вечеру одолѣ С(вя)тославъ, и взя город(ъ) копьем(ъ), рькя:—Се городъ мои. И посла къ Греком(ъ), г(лаго)ля:—Хощю на вы ити, и взяти городъ вашь, яко и сии. И ркоша Грѣци:—Мы не дужи противу вамъ стати, но воз(ь)ми на нас(ъ) дань, и на дружину свою, и повѣжьте ны колько васъ, да вдамы по числу на головы. Се же ркоша Грѣци, лѣстяче подъ Русью; суть бо Грѣци мудри и до сего дни. И р(е)че имъ С(вя)тославъ:—Есть нас(ъ) 20 тысящь, и прир(е)че 10 тысящь, бѣ бо Руси 10 тысящь тол(ь)ко. И пристроиша Грѣци 100 тысящь на С(вя)тослава, и не даша дани; и поиде С(вя)тославъ на Грѣкы; и изидоша противу Руси. Видѣвъ же Русь, и
л. 28. убояшася зѣл(о) || множьства вои; и р(е)че С(вя)тославъ: —Уже намъ нѣкамо ся дѣти, и волею и неволею стати противу; да не посрамим(ъ) земли Рускиe, но ляжемы[в] костью ту, и[г] м(е)ртьви бо сорома не имаеть; аще ли побѣгнемъ, то срамъ нам(ъ), и не имамъ убѣгнути, но станемъ крѣпко, азъ же предъ вами поиду; аще моя глава ляжеть, тоже промыслите о себѣ [96]). И ркоша вои:—Идеже глава твоя ляжеть, ту и главы наша сложим(ъ). И исполчишася Русь, и Грѣци противу, и сразистася

Примѣчанія: [а]) ъ замыкаетъ строку при переносѣ. [б]) Слово *къ* приписано надъ строкой. [в]) Буква *ж* въ словѣ *ляжемы* по соскобленному *з*. [г]) Подъ буквой *и* первоначально была другая, выскобленная.

полка, и оступиша Грѣци Русь, и быст(ь) сѣча велика, и одолѣ С(вя)тославъ, и Грѣци побѣгоша; и поиде С(вя)тославъ воюя, къ городу, и
[a]
другия городы разбивая, яже стоять пусты и до днешьнего д(ь)ни [97]). И съзва ц(е)с(а)рь в(ъ) полату бояры своя, и р(е)че имъ:—Что створим(ъ), не можемъ стати противу ему!. И ркоша ему бояре:—Посли к(ъ) нему дары, искуспмъ и, любезнивъ ли есть злату или паволокам(ъ)? Послаша к(ъ) нему злато, и паволокы, и мужа мудры, и рькоша ему:—Глядаи взора его и лица его, и смысла его. Онъ же, вземъ дары, приде къ С(вя)тославу. И яко придоша Грѣци с(ъ) поклоном(ъ), р(е)че:—Въведете я сѣмо. И придоша, и поклонишася ему, и положиша предъ ним(ъ) злат(о) и паволокы. И р(е)че С(вя)тославъ, прочь зря:—Похороните.
[б] [в]
Отроци же С(вя)тославли вземше, похорониша. Посли же ц(е)с(а)р(е)вы възвратишас(я) къ ц(е)с(а)р(е)ви. И съзва ц(е)с(а)рь бояры, и ркоша же послании:—Яко придохомъ к(ъ) нему и въдахомъ дары, и не позрѣ на ня, и повелѣ схоронити. И р(е)че единъ:—Искуси и единою и еще
[г] [д]
посли ему оружье. Они же послушаша его, и послаша ему мечь и ино оружье. Онъ же приимъ, нача любити и хвалити, и цѣловати ц(е)с(а)ря. И придоша опять къ ц(е)с(а)рю, и повѣдаша вся бывшая. И ркоша бояре:—Лютъ сѣи мужь хощеть || бити, яко имѣния не брежет(ъ), л. 28 об.
а оружье емлеть, имися по дань. И посла ц(е)с(а)рь, г(лаго)ля сіце:—Не ходи къ городу, но възми дань, и еже хощеши, за маломъ бо бѣ
[е]
не шелъ Ц(е)с(а)ряград(а) [98])? И вдаша ему дань; имашеть же и за убьеныя, г(лаго)ля,—яко родъ его възметь [99]). Възя же и дары многы, и
[ж]
възвратис(я) в(ъ) Переяславѣць с(ъ) похвалою великою. Видѣвъ же мало дружины своея; р(е)че в(ъ) себе: егда како прелѣстивше, изъбьють дружину мою и мене. (Бѣша бо мьнози погыбли на полку). И р(е)че:—Поиду
[в]
в(ъ) Рус(ь) и приведу боле дружины. И посла послы къ ц(е)с(а)р(е)ви в(ъ) Дерестѣръ [100]), бѣ бо ту ц(е)с(а)рь, река сице:—Хочю имѣті миръ
[з] [и]
с(ъ) тобою твердъ и любовь. Се же слышавъ ц(е)с(а)рь, радъ быс(ть), и
[і]
посла дарь къ нему бол(ь)ша пѣрвыхъ. С(вя)тославъ же прия дары, и

Примѣчанія: [а]) Въ строкѣ рукописи стоятъ слова: *и до дне*; а надъ строкою приписано: — *шьнего д(ь)ни*. [б]) Буква *и* передѣлана изъ первоначальнаго *ч*. [в]) *По* надписано сверху строки. [г]) Второе *ша* надписано сверху строки. [д]) Первоначально было *ему*, переправлено на *его*. [е]) Буква *я* передѣлана изъ буквы *ю*; это порча: нужно Цесарюграду. [ж]) *ъ* замыкаетъ строку при переносѣ. [з]) Буква *е* надписана сверху строки. [и]) Слово вписано новымъ почеркомъ. [і]) Здѣсь ѣ = ы.

по*ч*(а) думати съ дружиною своею, рекя[а] сице:—Аще не створимъ мира съ ц(е)*с*(а)р(е)мъ, а увѣсть ц(е)*с*(а)рь, яко мало на*с*(ъ) есть, и пришедше оступя*т*(ь) ны в(ъ) городѣ, а Руская земля далече есть, а Печенѣзи с(ъ) нами ратни, а кто ны поможе*т*(ь)? Но створи*м*(ъ) миръ съ ц(е)*с*(а)р(е)мъ, се бо ны ся по дань ялъ, и то буди довол(ь)но намъ; аще ли начне*т*(ь) не управляти дани, то изнова изъ Руси, съвокупивше воя множаиша первыхъ[б], и придемъ къ Ц(е)*с*(а)рюгра*д*(у). И Люба бы*с*(ть) рѣчь сі дружинѣ, и послаша лѣпьшии мужи къ ц(е)*с*(а)р(е)ви, и придоша в(ъ) Дерьстеръ и повѣдаша ц(е)*с*(а)р(е)ви. Ц(е)*с*(а)рь же наутрѣя призва я, и р(е)че ц(е)*с*(а)рь:—Да гл(агол)ють *по*сли[в] Ру*с*ции: они же ркоша:—Тако гл(аголе)ть князь нашь: хочю имѣти любовь съ царе*м*(ъ) Грѣцькымъ свѣршену прочая вся лѣта. Ц(е)*с*(а)рь же ра*д*(ъ) бывъ, повелѣ письцю писати на харотью вься рѣчи С(вя)тославли. И начаша гл(агола)ти *по*сли[в] вся рѣчи[г], и нача писець писати, гл(агол)я сице[101]:

Миръ Святослава съ Греками.

Равно другаго свѣщания, бьвшаго[д] при С(вя)тославѣ, велицѣмь князи Рустѣмъ, и при Свѣнгельдѣ[102]), писано при Феофилѣ сенкелѣ и ко Иоану, нарѣцаемому[е] Цимьскому[103]), ц(е)*с*(а)рю Грѣцкому, в(ъ) Дерьстр*ѣ*[104]), м(ѣ)*с*(я)ца иулия, индикта 14[105]).

л. 29. Азъ С(вя)тославъ, кн(я)зь Ру*с*(ьс)кыи, яко*ж*(е) кляхся, и утвѣржаю на свѣщании семъ роту свою[106]); и хочю имѣти миръ и свѣршену любовь съ всякымъ и великымъ ц(е)*с*(а)р(е)мь Грѣцьки*м*(ъ), и съ Васильe*м*(ъ) и съ Костянтино*м*(ъ), и съ б(о)год(о)хновенными ц(е)*с*(а)ри, и съ всими люд(ь)ми вашим*и*, иже суть подо мною Русь, бояре и прочии, до конца вѣка[107]). Яко николиже помышляю на страну ваш*ю*, ни сбираю людии, ни языка иного приведу на страну вашю и елико е*с*(ть) подъ власть[ж] Грѣцькою, ни на власть Коръсуньскую, и елико есть городовъ[з] ихъ, ни на страну Болъгарьску; да аще инъ кто пом*ы*сли*т*(ь) на страну вашю, да азъ буду противенъ ему и бьюся с(ъ) ни*м*(ъ)[108]).

Примѣчанія: [а]) Буква *с* вписана новымъ почеркомъ. [б]) Приписано новымъ почеркомъ на нижнемъ полѣ. [в]) *по* приписанъ новымъ почеркомъ. [г]) *ч* написано по соскобленному. [д]) *ь* съ двойнымъ грависомъ, недописанная буква *ы*. [е]) Буква *ц* переправлена изъ *ч*. [ж]) Такъ въ рукописи, вм. *властью*. [з]) Буква *в* переправлена изъ *д*, а на нижнемъ полѣ вставлено *родо*.

Якоже и кляхся азъ к(ъ) ц(е)с(а)ремь Грѣцьскымъ, и со мною бояре и Русь вся, да хранимъ правая свѣщания [109]); аще ли от(ъ) тѣхъ самѣхъ и прежде(е)ченыхъ не храним(ъ), азъ же и со мною и подо мною, да имѣемъ клятву от(ъ) Б(ог)а, в(ъ) неже вѣруемъ, в(ъ) Перуна и въ Волоса, б(ог)а скотья [110]), да будем(ъ) золотѣ якоже(е) золото се, и своимъ оружьемь да иссѣчени будемъ, да умремъ [111]). Се же имѣете во истину, якоже створихъ н(ы)нѣ к(ъ) вамъ и написахъ на харотьи сеи и своіми печатьми запечатахомъ [112]).

Створивъ же мпръ С(вя)тославъ съ Грѣкы [113]), и поиде в(ъ) лодьяхъ къ порогом(ъ), и р(е)че ему воевода отень [а)] и Свѣнгелдъ: —Поиди, княже, около на конех(ъ), стоять бо Печенѣзи в(ъ) порозѣхъ. И не послуша[б)]ше его, и поиде въ лодьяхъ. Послаша же Переяславци къ Печенѣгом(ъ), гл(агол)я:—Идеть С(вя)тославъ в(ъ) Русь, възем(ъ) имѣнье много у Грѣкъ и полонъ бещисленъ, а с(ъ) маломъ дружины. Слышавше же Печенѣзи се, заступиша порогы. И приде С(вя)тославъ къ порогомъ, и не бѣ лзѣ пройти пороговъ, и ста зимовать въ Бѣлобережьи; не бѣ в(ъ) них(ъ) брашна, и быс(ть) гладъ велікъ, [в)] яко по полу[г)]гривнѣ голова коняча. И зимова С(вя)тославъ. Веснѣ же приспѣвъши, поиде С(вя)тославъ в(ъ) порогы.

В(ъ) лѣт(о) 6480. Приде С(вя)тославъ в(ъ) порогы и нападе на ня Куря, кн(я)зь Печенѣжьскыи, и убиша С(вя)тослава [114]). И взяша голову его, и во лбѣ его здѣлаша чашю, оковавше лобъ его *золотомъ* и пьяху в(ъ) немъ [115])..... л. 29 об.

Примѣчанія: [а]) *и* лишнее. Вставлено, кажется, позже другой рукой. [б]) *ше* приписано надъ строкой новымъ почеркомъ. [в]) *і*, какъ въ этомъ случаѣ, такъ и въ другихъ выше встрѣчавшихся, замыкаетъ строку. Только въ одномъ случаѣ *і* поставлено не въ концѣ строки, на л. 19, въ выраженіи: *и тогда възмуть мѣсячьное свое і посли слѣбное*, но здѣсь *і* вставлено по написаніи строки и написано вмѣсто *и*, очевидно, по недостатку мѣста. [г]) ъ замыкеатъ строку при переносѣ.

ПРИМѢЧАНІЯ

къ тексту договоровъ Русскихъ съ Греками и разсказа лѣтописи о предшествовавшихъ договорамъ походахъ Русскихъ на Византію при Игорѣ и Святославѣ.

[1]) „Разсказъ о походѣ Русскихъ на Византію въ 941 году встрѣчается у Симеона Логоѳета, Льва Грамматика, Георгія Миниха, Кедрина, Зонары, у Продолжателей Ѳеофана и Амартола, Льва Діакона и Ліутпранда". А. Н. Веселовскій, Видѣніе Василія Новаго о походѣ Русскихъ на Византію въ 941 году. Ж. М. Н. П. 1889, янв., 80.

„Описаніе (похода Игоря) заимствовано изъ Житія Василія Новаго (А. Н. Веселовскій, Ж. М. Н. П. 1889 г., янв.), но годъ основывается на хроникѣ Амартола, гдѣ указано, что походъ случился 14-го индикта: „поуня же мѣсяца. 18 день. 14 индикта приплоу Роусь"... „Четырнадцатый индиктъ дѣйствительно приходился на 6449 годъ". А. А. Шахматовъ. Хронологія древнѣйшихъ русскихъ лѣтописныхъ сводовъ. Ж. М. Н. П. 1897, апр., 474.

„Упомянутыя въ нашей лѣтописи имена полководцевъ: Фоки, Панфира и Феодора встрѣчаются и въ разсказѣ о походѣ Россовъ въ 941 г., включенномъ, въ формѣ видѣнія, въ полное, пока не изданное житіе Василія Новаго... Василій Новый скончался. вѣроятно, въ 944 году; Григорій, его ученикъ и младшій современникъ, разсказываетъ, что Василій пророчески предвидѣлъ нашествіе Россовъ, сбывшееся еще при немъ. Это даетъ нѣкоторое значеніе слѣдующему далѣе разсказу, который я заимствую изъ рукописи Москов. синод. библіотеки № 249, XIV вѣка, л. 132 об. и слѣд." А. Н. Веселовскій, Ж. М. Н. П. 1889, янв. Эпизодъ о нашествіи Россовъ по житію Василія Новаго, въ переводѣ Веселовскаго, помѣщенъ въ *приложеніи № 3* настоящаго изданія.

Какъ замѣчено выше, въ своемъ разсказѣ о походѣ Игоря 941-го года лѣтописецъ пользуется Продолжателемъ Амартола, связавъ вѣроятно разсказъ греческаго источника съ русскими преданіями дружиннаго эпоса. Разсказъ Продолжателя Амартола помѣщаемъ въ *приложеніи № 4* изданія.

„Русскіе хронографы передаютъ объ этомъ событіи, либо слѣдуя вполнѣ разсказу Продолжателя Амартола, либо смѣшивая съ нимъ разсказъ Нестора". А. Н. Веселовскій, Ж. М. Н. П. янв., 81.

Ліутпрандъ, посолъ короля Беренгара, бывшій въ Константинополѣ въ 946 году, записалъ со словъ вотчима, въ извѣстномъ своемъ Antapodosis (lib. V, 15), слѣдующій разсказъ о походѣ Игоревой Руси: „Часто я слыхалъ, говоритъ Ліутпрандъ, отъ моего вотчима, бывшаго въ Константинополѣ посланникомъ, о мудрости и любезности императора (Романа) и о томъ, какъ онъ разбилъ Руссовъ (Rusios). Этотъ сѣверный народъ называется у Грековъ, по тѣлесному свойству, Rúsios, у насъ же, по мѣстоположенію, Нордманами... У этого народа былъ король по имени Ингеръ. Онъ явился передъ Константинополемъ съ тысячью и болѣе судовъ. Императоръ Романъ отправилъ передъ тѣмъ всѣ свои морскія силы противъ Сарацинъ и для охраны острововъ (Архипелага), и потому былъ очень озабоченъ. Онъ провелъ не мало безсонныхъ ночей, а Ингеръ между тѣмъ разорялъ окрестное морское побережье. Между тѣмъ императоръ услыхалъ, что есть 15 полуразбитыхъ хеландій и заброшенныхъ по ветхости. Онъ призвалъ къ себѣ калафатовъ и приказалъ имъ исправить всѣ имѣющіяся хеландіи и поставить огнеметатели не только на носу, но и на кормѣ и на обоихъ бокахъ. Когда хеландіи были приготовлены, какъ было приказано, онъ назначилъ на нихъ людей самыхъ опытныхъ и повелѣлъ идти навстрѣчу Ингеру. Они отправились. Увидавъ ихъ на морѣ, король Ингеръ приказалъ своимъ людямъ забирать непріятеля въ плѣнъ, а не убивать. Но милосердый Богъ не только восхотѣлъ защитить почитающихъ Его и молящихся Ему, но и почтить ихъ побѣдою, наславъ полную тишь на море. Иначе было бы неудобно Грекамъ метать огнемъ. Такъ ставши среди Руссовъ, они начинаютъ дѣйствовать огнемъ во всѣ стороны. Увидѣвъ это, Руссы бросаются въ море, желая лучше погрузиться въ воду, чѣмъ сгорѣть отъ огня. Другіе изъ нихъ, подъ тяжестью панцырей и шлемовъ своихъ, навсегда опускаются на дно морское; нѣкоторые же, плывучи, загараются на поверхности морской, но никто изъ нихъ въ этотъ день не спасся, если живымъ не достигъ берега. Ингеръ, послѣ страшнаго пораженія, воротился восвояси. Побѣдители Греки весело вступили въ Константинополь, ведя съ собой много плѣнниковъ. Императоръ Романъ, въ присутствіи посланника короля Гугона, моего вотчима, приказалъ имъ отрубить головы“.

[2]) Какъ сообщаетъ Левъ Грамматикъ и нѣкоторые другіе византійцы, Руссы, напавшіе на Царьградъ въ 941-мъ году явились не на 10000 кораблях, а на кораблях въ числѣ 10000 человѣкъ. Шлецеръ, „Несторъ“, III. 229. п. 9.

[3]) „Въ 941 г. Руссы, до нанесеннаго имъ Греками пораженія, успѣли выжечь Золотой Рогъ (Theoph. Cont.) „.... Еще Вилкенъ замѣтилъ, что подъ Στένον'омъ Византійцы разумѣли не только Босфоръ (Sund), но также берегъ гавани Chrysokeras (Золотой Рогъ) на сторонѣ Галаты (Ueber d. Verhältn. d. Russen zum Byzant. Reiche, 85—86)". А. В. Лонгиновъ. Мирные договоры Русскихъ съ Греками, заключенные въ X вѣкѣ. Одесса, 1904, 54.

[4]) „Изъ описанія морского сраженія съ Игоревой Русью видно, что византійскій адмиралъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи большія суда, называемыя дромонами, которыя имѣли до 300 человѣкъ экипажа; да и малыя суда византійскаго флота могли вмѣщать не меньше 60 человѣкъ. Само собой разумѣется, противъ такихъ судовъ не могли съ успѣхомъ бороться лодки однодеревки, каковыми мы привыкли представлять себѣ русскія суда. Съ другой стороны, ходъ дѣла, даже подъ перомъ византійца патріота, далеко не представляется рѣшительнымъ. Цѣпь русскихъ судовъ была, правда, прорвана, греческій огонь нагналъ страхъ на Русь, но она не упала духомъ. Русскія суда пристали къ азіатской сторонѣ на Босфорѣ, сошли на берегъ и стали наводить ужасъ на прибрежныя селенія. Можно думать, что Русскіе находили здѣсь поддержку въ многочисленной колоніи Славянъ. Понадобилось сухопутное войско, чтобы бороться съ Русью, но она успѣшно держалась отъ іюля (15) по сентябрь мѣсяцъ. Когда стали наступать холода, Русскіе сѣли на свои лодки и пошли назадъ. На морѣ снова встрѣтилъ ихъ византійскій флотъ, чтобы отрѣзать отступленіе. Но Русскіе, хотя и не безъ потерь, проложили себѣ дорогу. (Theoph. cont. de R. Lec. 39). Въ такихъ чертахъ излагаются обстоятельства неудачнаго похода при Игорѣ. Развѣ это не показываетъ, что матеріальная обстановка морскихъ походовъ Руси должна была имѣть извѣстную организацію, т. е. что Русскіе располагали значительныхъ размѣровъ судами, опытными моряками, вооруженіемъ и всякими запасами". Ѳ. Успенскій. Русь и Византія въ X вѣкѣ. Одесса, 1888, 18.

[5]) „Княжая дружина выступаетъ лишь небольшимъ ядромъ въ составѣ боевыхъ силъ. Для болѣе значительныхъ предпріятій князья набираютъ воевъ". А. Пресняковъ, Княжое право въ древней Руси. Зап. ист. фил. фак. Имп. Спб. унив. ч. XC. Спб. 1909, 192.

[6]) Печенѣги, появившіеся съ IX-го вѣка въ тылу Хазаръ, вошли въ соглашеніе съ Игоремъ не смотря на старанія Грековъ привлечь ихъ на свою сторону. Первое нападеніе ихъ на Русь лѣтопись отмѣчаетъ подъ 968-мъ годомъ: „Придоша Печенизи пѣрвое на Рускую землю".

[7]) „Слово месть, употреблявшееся въ смыслѣ юридическаго наказанія, употреблялось и въ смыслѣ войны". А. А. Суховъ, Обычно-народныя и княжескія наказанія по древне-русскому уголовному праву. Юридическій Вѣстн. 1873, VII—VIII, 51.

[8]) „Статья 6452-го года о несостоявшемся походѣ Игоря на Грековъ представляется сочиненною: надо было противопоставить пораженію 6649-го года (ставшему извѣстнымъ по Амартолу) послѣдующій успѣхъ Игоря, его месть Грекамъ; Греки, узнавъ о движеніи Игоря, умилостивляютъ его данью и дарами" А. А. Шахматовъ, Разысканія о древнѣйшихъ русскихъ лѣтописныхъ сводахъ. Спб. 1908, 102.

„Источники этихъ извѣстій (о походѣ Игоря 944-го года) не ясны, но предупрежденіе Корсунцевъ заимствовано изъ Житія Василія Новаго". А. А. Шахматовъ, Хронол. древнѣйш. рус. лѣт. сводовъ, 475. „Повѣствованіе всего ближе стоитъ къ нашей лѣтописи, такъ что предположеніе одного общаго источника представляется вѣроятнымъ. Въ повѣствованіи то же предупрежденіе Корсунцевъ, только въ русской повѣсти оно относится не къ первому (въ 941 г.), а ко второму походу Игоря (944 г.)". Веселовскій. Вид. Василія Новаго о пох. рус. на Византію въ 941 г.

[9]) „Въ нашихъ древнихъ памятникахъ договоры называются: миромъ, рядомъ, докончаніемъ, цѣлованіемъ. Олегъ посылаетъ мужей своихъ „построити мира и положити рядъ межю Русью и Греки". В. Сергѣевичъ, Лекціи и изслѣдованія по древней исторіи русскаго права. Спб. 1903, 36.

[10]) „Весьма вѣроятно, что годъ этотъ былъ выставленъ на документѣ, ср. у Татищева: „лѣта 9453. индикта 4. апрѣля 20 въ третію седмицу по Пасхѣ". Правда Романъ сверженъ съ престола въ 944-мъ году по показанію большинства византійскихъ историковъ, но нѣкоторые изъ нихъ указываютъ на 945-ый г. (декабрь)". А. А. Шахматовъ. Хронол. древн. лѣтоп. сводовъ, 475. „Слѣды порчи замѣтны и въ договорѣ 945 года. Онъ не имѣетъ года, тогда какъ оба другіе съ годомъ". Сергѣевичъ, Лекціи, 626.

[11]) „*Построити мира перваго,* т. е. установить прежній миръ". А. Н. Филипповъ, Учебникъ исторіи русскаго права. (Пособіе къ лекціямъ). Юрьевъ. ч. I, 1912, 54.

[12]) „Хартія, харатія, харатья—это греческое слово khartíon, меньшительное къ khártes. У Грековъ khártes означало бумагу, а именно первоначально папирусную. Какъ „кожа" въ смыслѣ пергамента оказывается преимущественно южнославянскимъ словомъ, такъ „хартія" есть преимущественно русское..... Пергаменъ въ болѣе раннюю пору носилъ

названія: „мѣхъ“, „кожа“ или же „харьтия“ либо „харатия“, „харатья“. Проф. Романъ Федоровичъ Брандтъ, Лекціи по славянорусской палеографіи. М. 1910, 10 и 9.

[13]) Эта формула повторяется въ началѣ каждаго договора и Николаї Алексѣевичъ Лавровскіи считаетъ несомнѣннымъ ея греческое происхожденіе. Онъ полагаетъ, что слово *равно* стоитъ въ формулѣ въ качествѣ имени существительнаго, управляющаго род. падежомъ. „На современномъ договорамъ визант. языкѣ мы находимъ слово, буквально соотвѣтствующее нашему *равно* и имѣющее свое особенное офиціальное значеніе. Это слово есть τὸ ἴσον“, въ значеніи „*копіи* или *списка* съ какой либо грамоты, буквально соотвѣтствующаго оригиналу относительно самаго содержанія, хотя и допускающаго различіе въ обозначеніи лицъ, участвовавшихъ въ заключеніи мира съ той или другой стороны, даже въ обозначеніи мѣста и времени“.

Слово *свѣщаніе* Лавровскіи понимаетъ не въ смыслѣ словеснаго соглашенія, а за переводъ греческаго συμβόλαιον, которое хотя и заключало въ себѣ то понятіе, которое выражается словомъ *свѣщаніе*, но „на византіискомъ юридическомъ языкѣ имѣло свое особенное, спеціальное значеніе, точно такъ, какъ его имѣютъ современныя намъ подобныя же слова: манифестъ, рескриптъ, указъ и т. п.... Отсюда понятно, что выраженіе: *равно другаго свѣщанія* можетъ имѣть единственно слѣд. смыслъ: *списокъ* [или даже подлинникъ] *съ другой договорной грамоты*“.

Причастіе *бывшаго*, по мнѣнію Лавровскаго, имѣетъ значеніе *находящагося, сущаго*. Причастія настоящаго времени и прошедшаго отличаются другъ отъ друга однимъ звукомъ (γινομένου и γενομένου). Переводчикъ не понималъ смысла разсматриваемаго мѣста и можетъ быть, желая осмыслить, измѣнилъ настоящее время въ прошедшее. Предлогъ *при* буквальный переводъ πρός, но πρός означало и *у*. Такимъ образомъ неясное для насъ выраженіе: „Равно другаго свѣщанія, бывшаго при цесари Романѣ, и Костянтинѣ, Стефанѣ, христолюбивыхъ владыкъ“, Лавровскій читаетъ: *списокъ съ другой договорной грамоты, находящейся у царей Романа, Константина и Стефана, христолюбивыхъ владыкъ*. Николаї Лавровскіи, О византіискомъ элементѣ въ языкѣ договоровъ Русскихъ съ Греками. Спб. 1853, 37—59.

По мнѣнію А. Димитріу дошедшій до насъ договоръ 945-го года есть только „копія съ того экземпляра договора, который шелъ отъ имени Игоря къ Византіи и естественно заключалъ въ себѣ только обязанности Русскихъ“, которыя должны были быть изображены на отдѣльной хартіи; экземпляръ же, шедшій отъ Византіи къ Руси, съ обя-

занностями Грековъ, очевидно погибъ къ тому времени, когда стала составляться наша лѣтопись. А. Димитріу, Къ вопросу о договорахъ Русскихъ съ Греками. Византійскій Временникъ, 1895, т. II, 550.

[14]) Кіевскій князь считался старшимъ и въ этомъ смыслѣ назывался великимъ княземъ въ отличіе отъ мѣстныхъ князей намѣстниковъ. Проф. В. Ключевскій, Курсъ русской исторіи. Ч. I, М. 1908, 182.

[15]) Выраженіе *обычии посли* Лавровскій относитъ ко всѣмъ лицамъ вообще, „облеченнымъ какою-либо властію въ землѣ Русской, имѣющимъ какое-либо правительственное значеніе“ (136). Объясняютъ это мѣсто и въ томъ смыслѣ, что слово *обычии* означаетъ пословъ отъ городовъ, мѣстностей и лицъ, ненаходившихся подъ верховною властью великаго князя, но желавшихъ пріобрѣсть и для себя льготы, заключавшіяся въ договорахъ.

„Объясненіе это“, замѣчаетъ Сокольскій, „имѣетъ много за себя уже потому, что слово *опчіи* находится въ договорѣ Игоря, гдѣ не говорится, что договоръ заключается отъ имени великаго князя и князей, сущихъ подъ рукою его, но просто отъ имени великаго князя и прочихъ князей русскихъ, изъ которыхъ многіе могли быть самостоятельными“. В. В. Сокольскій, О договорахъ съ Греками. Университетскія Записки. Кіевъ, 1870, № 4, ст. 7.

[16]) Сыну Игоря—Святославу было тогда три года, но въ договорной грамотѣ помѣщенъ и его посолъ.

„Въ Россіи малолѣтніе княжичи также участвовали въ дипломатическихъ актахъ ранѣе достиженія 12 лѣтняго возраста“. А. В. Лонгиновъ, 39.

[17]) „*Искусеви* кажется не личное имя; быть можетъ *изъ кусеви*, ἐκ κυήσεως, e conceptu... Игорь имѣлъ вѣроятно дѣтей отъ наложницъ; одинъ Святославъ былъ отъ княгини“. Гедеоновъ, Варяги и Русь. Спб. 1876, ч. I, 290. ἐκ κυήσεως=изъ рожденія.

[18]) Можетъ быть *Пересавы*. Иванъ Дмитріевичъ Бѣляевъ читаетъ *Предславы*. „Изъ этого офиціальнаго указанія мы видимъ, что женщины въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ имѣли не только семейное, но и чисто гражданское общественное значеніе... жена можетъ имѣть не только отдѣльное имущество, но можетъ и распоряжаться имъ независимо отъ мужа, потому что послы отъ Сфандры и отъ Предславы могли быть не иначе, какъ по торговымъ дѣламъ... Кажется съ достовѣрностью можно сказать, что упоминаемая въ договорѣ Предслава была вдова, ибо объ ея мужѣ въ договорѣ ничего не упоминается, тогда какъ Сфандра прямо названа

женою Улеба". Лекціи по исторіи русскаго законодательства П. Д. Бѣляева. М. 1879, 74—75.

[19]) Бѣляевъ читаетъ: Сфандры, жены Улѣбовой. Ibid. 74.

[20]) Прѣсняковъ изъ этого перечня именъ заключаетъ, что во времена Игоря княжій домъ состоялъ уже изъ нѣсколькихъ лицъ; причемъ, какъ видимъ въ договорѣ, поименованы два племянника. Прѣсняковъ, 26.

[21]) „Эти христіанскія выраженія, влагаемыя въ уста русскихъ пословъ, доказываютъ только, что договоръ редактированъ Греками". М. Владимірскій-Будановъ, Христоматія по исторіи русскаго права. Кіевъ, 1908, 9, пр. 7. „Слово *дьяволъ* въ этомъ случаѣ употреблено вмѣсто отвлеченнаго понятія — раздоръ, размирье, и т. п., что вполнѣ согласно съ употребленіемъ его на языкѣ византійскомъ". Лавровскій, 87.

[22]) Слова *отъ многъ лѣтъ* Лавровскій относитъ къ эпитетамъ дьявола. Ibid, 28.

[23]) *Любовь* въ значеніи *мира*, мирныхъ отношеній. „Всѣ выраженія, въ которыхъ встрѣчается слово *любовь*, совершенно однохарактерны, состоятъ почти изъ однихъ и тѣхъ же словъ, имѣющихъ какъ бы официальное значеніе..... Эта официальность выраженій неопровержимо свидѣтельствуетъ о дипломатическомъ значеніи договоровъ и устраняетъ всякій намекъ на поддѣлку. Должно предположить небывалое искусство въ поддѣлкахъ этого рода, чтобы по разборѣ каждой формы не открыть ихъ слѣда". Лавровскій, 112, 113.

[24]) Приведенное мѣсто договора можно прочесть такъ: Мы отъ русскаго народа послы и разъѣзжіе купцы, Иворъ посолъ Игоря, великаго князя русскаго, и послы другихъ лицъ: Вуефастъ — посолъ Святослава, сына Игоря; Искусеви—княгини Ольги; Слуды—Игоря, сынъ сестры Игоря; Улѣбъ—Владислава; Каницаръ — Переславы; Шигобернъ-Сфандры, жены Улѣба; Прастенъ — Турда; Либи — Арьфаста; Гримъ—Сфирка; Прастѣнъ — Якуна, сынъ сестры Игоря; Кары — Тудкова; Каршевъ — Тудора; Егри — Ерлискова; Вонстовъ — Ика; Истръ — Ямиида; Ятьвягъ—Гунаря; Шибьридъ—Алданя; Колъ—Клекова; Стегги—Етона; Сфирка; Алвадъ—Гуды; Фудри—Тулбы; Муторъ—Утина; купцы: Адунь, Адолбъ, Ангивладъ, Улѣбъ, Фрутанъ, Гомолъ, Куци, Емигъ, Турьбридъ, Фурьстѣнъ, Бруны, Роалдъ, Гунастръ, Фрастѣнъ, Ингелдъ, Турбернъ, и другой Турбернъ, Улѣбъ Турбенъ, Моны, Руалдъ, Свѣнь, Стиръ, Алданъ, Тилій, Апубкарь, Свѣнь, Вузелѣвъ, и глашатай Синько,— посланы отъ Игоря, великаго князя русскаго и отъ всѣхъ князей и людей русской земли. Пославшіе поручили намъ возобновить старый договоръ и на

зло враждолюбцу дьяволу, ненавидящему добро, утвердить миръ между Греками и Русью. Великій князь нашъ Игорь, и бояре его и всѣ люди русскіе послали насъ къ великимъ царямъ греческимъ—Роману, Стефану и Константину, заключить миръ съ самими государями, со всѣмъ боярствомъ и со всѣми людьми греческими, на вѣки вѣчные.

[25]) Бѣляевъ отмѣчаетъ въ этомъ случаѣ вѣротерпимость, которою отличалось русское общество временъ Игоря. „Эта статья служитъ доказательствомъ того, что передъ тогдашнимъ русскимъ закономъ всѣ были равны, къ какой бы религіи кто не принадлежалъ". Бѣляевъ, 77.

[26]) Лавровскій обращаетъ вниманіе на непослѣдовательность въ употребленіи падежей: „да не ущитятся *щиты своими*, и да посѣчени будутъ *мечи своими, и отъ стрѣлъ и отъ иного оружія своего*". Изслѣдователь склоненъ отнести эту непослѣдовательность къ вліянію византійскаго языка, на которомъ неправильное употребленіе падежей встрѣчается весьма часто. Лавровскій, 87—88.

[27]) „Эта форма роты должна была одинаково примѣняться какъ къ процессамъ уголовнымъ, такъ и къ заключенію договоровъ. Клялись оружіемъ и золотомъ". М. Владимірскій-Будановъ, 9, пр. 8.

Приводимъ переводъ на современный языкъ: Если кто изъ русской страны задумаетъ нарушить заключенный миръ, то въ томъ случаѣ, если онъ христіанинъ, Господь Вседержитель воздастъ ему должное — осудитъ его на гибель и въ земной, и въ будущей жизни; если же—не христіанинъ, то ему не будетъ помощи ни отъ Бога, ни отъ Перуна, не защититъ его щитъ, погибнетъ онъ отъ своего же меча, отъ своихъ же стрѣлъ, отъ другого своего оружія, и станетъ навѣки рабомъ и при жизни и послѣ смерти.

[28]) „Великій князь и его бояре ежегодно могутъ посылать къ великимъ царямъ греческимъ столько кораблей, сколько захотятъ, съ послами и съ гостями, т.-е. съ своими собственными приказчиками и съ вольными русскими купцами". Ключевскій, ч. 1,185.

Императоръ Константинъ Багрянородный въ своемъ сочиненіи „О народахъ", писанномъ въ половинѣ X-го вѣка, разсказываетъ, какъ Русь, нагрузивъ лодки, въ іюнѣ спускала ихъ по Днѣпру къ Витичеву, куда собирались купеческія лодки изъ Новгорода, Смоленска, Любеча, Чернигова, Вышгорода. Собравшись окончательно верстахъ въ 50 ниже Кіева, въ Витичевѣ, караванъ оттуда двигался въ „греческій путь". Плывя по Днѣпру, онъ достигалъ пороговъ; здѣсь нельзя было плыть съ полнымъ грузомъ. Русь приставала къ берегу, разгружала суда, выводила скованныхъ невольниковъ, которыхъ везла на продажу, та-

щила товары въ обходъ пороговъ по берегу. Пройдя пороги, караванъ выходилъ въ Черное море и, держась болгарскихъ береговъ, достигалъ Константинополя. Проф. С. Ф. Платоновъ. Лекціи по русской исторіи. Спб. 1909,. 74. „Читая разсказъ Константина Багрянороднаго", говоритъ Василій Осиповичъ Ключевскій, „легко понять, какими товарами грузила Русь свои торговые караваны лодокъ, отправлявшихся лѣтомъ къ Царьграду. Везли очевидно дань натурой, собранную княземъ и его дружиной во время зимняго объѣзда, произведенія лѣсныхъ промысловъ: мѣха, медъ, воскъ; къ этимъ товарамъ присоединялась и челядь, добыча завоевательной дружины... Къ торговому каравану княжескому и боярскому примыкали лодки и простыхъ купцовъ, чтобы подъ прикрытіемъ княжескаго конвоя дойти до Царьграда". Ключевскій, ч. I, 184—185.

[29]) „Какъ установлено въ договорѣ Олега 907 г....; вся эта статья договора Игоря есть не что иное, какъ повтореніе договора 907 г., съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями". Владимирскій Будановъ, 9, 10, пр. 9.

[30]) Лавровскій признаетъ глаголъ *увѣдѣти* буквальнымъ переводомъ съ византійскаго подлинника. „Дѣйствительно, глаголы γιγνώσκειν, διαγιγνώσκειν, εἰδέναι, прямо соотвѣтствующіе нашимъ вѣдѣти и увѣдѣти, на современномъ договоромъ визант. языкѣ почти постоянно употребляются въ смыслѣ: постановить, рѣшить". Лавровскій, 140.

[31]) Слово *цесарство* употребляется вмѣсто *цесарь*. Лавровскій видитъ здѣсь буквальный переводъ съ греческаго языка, на которомъ Βασιλεία употребляется вмѣсто Βασιλεύς, въ значеніи царскаго величества. Лавровскій, 137.

[32]) „Причастіе *пишюще*, по самому смыслу мѣста, нельзя относить къ посламъ и гостямъ, какъ получившимъ подобныя грамоты отъ князя". *Пишюще* должно относиться къ слову князь. Лавровскій, 89.

Можетъ быть слѣдуетъ читать безлично: *причемъ пишутъ такъ*.

[33]) Т. е.—послы раньше должны были имѣть при себѣ золотыя печати, а разъѣзжіе купцы—серебряныя; нынѣ же нашъ князь рѣшилъ посылать къ Вашему Царскому Величеству грамоту, въ которой будетъ написано—сколько кораблей князь посылаетъ (эту грамоту доставляютъ посылаемые княземъ послы и разъѣзжіе купцы).

[34]) „Договоръ 945 года устанавливаетъ строжайшій контроль надъ русскими торговцами со стороны греческихъ властей". Лонгиновъ, 70

Со времени этого договора „императорскіе чиновники отбирали у прибывшихъ купцовъ княжескую грамоту съ обозначеніемъ числа посланныхъ изъ Кіева кораблей и переписывали имена прибывшихъ княжескихъ пословъ и простыхъ купцовъ, гостей, „да увѣмы и мы, прибавляютъ Греки отъ себя въ договорѣ, оже съ миромъ приходятъ". Это была предосторожность, чтобы подъ видомъ агентовъ кіевскаго князя не прокрались въ Царьградъ русскіе пираты". Ключевскій, ч. I. 188.

[35]) Надо думать *руку* — род. падежъ двой. числа, т. е. *не дадутъ рукъ*, переносно—*не дадутъ себя арестовать*.

[36]) Т. е. если они не давались въ руки и сопротивлялись, то могли быть убиты и смерть ихъ не взыскивалась на Грекахъ. Филипповъ. 59. „Подобныя постановленія встрѣчаются въ договорѣ Грековъ съ другими сосѣдними народами. Такъ въ договорѣ, заключенномъ въ 715 г. съ Болгарами, сказано: negotiantes vero in utraque regione per praecepta et signacula commendari, si qui vero sine signaculo inventi fuissent, diriperentur, quae haberent et inferrentur publicis rationibus". Сокольскій, О догов. съ Грек., 9.

„Договоръ Игоря дозволяетъ убить безъ суда каждаго Русскаго, являющагося въ Грецію безъ княжеской проѣзжей грамоты и противящагося аресту". Д. Я. Самоквасовъ, Курсъ исторіи русскаго права. М. 1908. 140.

[37]) Русскіе купцы, прибывая въ Константинополь, получали отъ византійскаго правительства особое содержаніе—*мѣсячину* или *мѣсячное* въ теченіе 6 мѣсяцевъ. „Но *мѣсячина* не должна была даваться лицамъ, прибывающимъ въ городъ безъ торговыхъ цѣлей". Филипповъ, 58. „Уже это ограниченіе", говоритъ Александръ Никитичъ Филипповъ, „само по себѣ очень характерно, такъ какъ указываетъ, что, по договору, купцы пользуются преимуществами по сравненію съ некупцами, приходящими въ страну". Ibid., 58.

Мѣсячина опредѣлена въ договорѣ 907 года: „а иже придутъ гостье, да емлютъ мѣсѧчину на 6 мѣц, и хлѣбъ, и вино, и мѧса, и рыбы, и ѡвощемъ, и да творѧтъ имъ мовници елико хотятъ".

[38]) Текстъ указываетъ, что договоръ былъ составленъ въ Греціи (*сде*).

[39]) Монастырь Св. Мамонта, предмѣстье Царьграда, гдѣ должны были жить пріѣзжіе Руссы.

[40]) *Слебное*—особое содержаніе, которое получали русскіе послы отъ Византійскаго правительства на время ихъ пребыванія въ городѣ.

„Русскіе послы и гости во все время своего пребыванія въ Константинополѣ пользовались отъ мѣстнаго правительства“, говоритъ Ключевскій, „даровымъ кормомъ и даровой баней—знакъ, что на эти торговыя поѣздки Руси въ Константинополѣ смотрѣли не какъ на частныя промышленныя предпріятія, а какъ на торговыя посольства союзнаго кіевскаго двора“. Ключевскій, ч. I, 188.

[41]) Мѣсячный кормъ раздавался въ извѣстномъ порядкѣ по старшинству русскихъ городовъ. Въ числѣ трехъ главныхъ городовъ поставленъ Переяславль. Предполагаютъ, что этотъ древній Переяславль стоялъ поблизости заложеннаго впослѣдствіи Владиміромъ Св. въ память побѣды надъ Печенѣгами. Лонгиновъ, 60.

[42]) Тоже самое разсказывается намъ объ обращеніи Грековъ съ Франками: Nec permittebat imperator introire in civitatem multos insimul, sed numeratim, vel quinque vel sex“. Сокольскій, 9.

[43]) Греки побаивались Руси, даже приходившей съ законнымъ видомъ; купцы входили въ городъ со своими товарами непремѣнно безъ оружія, партіями не болѣе 50 человѣкъ, одними воротами, съ императорскимъ приставомъ, который наблюдалъ за правомъ торговыхъ сдѣлокъ покупателей съ продавцами; въ договорѣ Игоря прибавлено: „входя же Русь въ городъ, да не творятъ пакости“. Ключевскій, I, 188. Останавливаясь на выраженіи: *мужь цесарства вашего да хранить я, да аще кто отъ Руси или отъ Грекъ створить криво, да отправляетъ*, Василій Ивановичъ Сергѣевичъ заключаетъ: „Русскіе, слѣдовательно, имѣютъ въ лицѣ греческаго чиновника охранителя своихъ интересовъ и судью въ своихъ столкновеніяхъ съ Греками. Это постановленіе вполнѣ уясняетъ точку зрѣнія Грековъ: Русскіе не расправляются сами“. Сергѣевичъ, Лекціи, 637.

[44]) Выраженія: *цесаревъ мужъ* и *мужъ цесарства нашего* представляется Лавровскому буквальнымъ переводомъ греческаго ἄνθρωπος βασιλέως, ἄνθρωπος τῆς ἡμετέρας βασιλείας (=ἡμῶν). „Подъ ними, конечно, должно разумѣть особыхъ царскихъ чиновниковъ“. Лавровскій, 141.

[45]) „По... договору былъ ограниченъ размѣръ закупокъ, который въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ не долженъ былъ превышать закупки наволокъ на сумму болѣе 50-ти злотницъ. Ограничительныя статьи договора 945 года указываютъ на то, что Русь являлась въ Константинополь въ большомъ количествѣ и дѣлала очень большія закупки, такъ что византійское правительство, воспользовавшись выгодами своего положенія послѣ разгрома Игорева флота, постановило извѣстныя преграды, какъ изъ соображеній полицейскаго характера, или даже военнаго, такъ

и изъ соображеній торговаго характера, считая неудобнымъ отпускать въ одну страну слишкомъ большое количество драгоцѣнныхъ паволокъ". Профессоръ М. В. Довнаръ Запольскій, Исторія русскаго народнаго хозяйства. Т. I. Кіевъ, 1911, 98—99.

„Подобное торговое ограниченіе, по отпуску продаваемаго товара, мнѣ удалось найти", говоритъ А. В. Лонгиновъ, „въ договорѣ Грековъ съ Венеціанами 1147 г.: „habet veneticus medium metrum et rubum apud se, et cum ipso vendat usque ad *quinquaginta libras*" (Taf. u Thom. Font. rer. Austr. XII, № 49). Лонгиновъ, 78.

Ліутпрандъ, воротясь изъ второго путешествія въ Константинополь, жаловался въ своемъ донесеніи императору, что правительство византійское, при его отъѣздѣ въ 968 г., не позволило ему вывезти пяти штукъ драгоцѣнныхъ тканей, какъ товаръ запрещенный. Хотя, по замѣчанію Измаила Ивановича Срезневскаго, тотъ же Ліутпрандъ раньше, а именно въ 945 г., въ годъ заключенія договора Игоря, вывезъ гораздо болѣе драгоцѣнныхъ паволокъ (Извѣстія Академіи Наукъ, III, 274).

[46]) Шлецеръ переводитъ — *безопасно*. Шлецеръ, Несторъ, III, 132. П. Д. Бѣляевъ и П. И. Срезневскій — *благополучно, невредимо*. Н. А. Лавровскій объясняетъ выраженіе *со спасеніемъ* — въ томъ смыслѣ, что Руссы возвращаются съ проводниками, подъ прикрытіемъ. Онъ полагаетъ, что переводчикъ имѣлъ передъ глазами выраженіе — μετὰ διασώσεως или μετὰ διασώστη и буквально его перевелъ. Лавровскій, 143, 144.

[47]) „Т.-е. Русскіе не должны были заживаться въ Константинополѣ, а, покончивъ свои торговыя дѣла, должны были уѣзжать обратно въ свою страну,—ограниченіе, въ свою очередь, не свидѣтельствующее о довѣріи къ мирнымъ цѣлямъ ихъ пребыванія въ Византіи". Филипповъ, 59.

[48]) Н. А. Лавровскій читаетъ *по неже*, т.-е. понимаетъ въ значеніи мѣстоимѣнія съ предлогомъ, принимая *неже* за искаженную переписчикомъ форму мѣстоименія *няже=нѣже*. Лавровскій, 70.

[49]) „Гость русскій, во время пребыванія въ Греціи утратившій челядина, обязанъ былъ, для возстановленія своего нарушеннаго права, жаловаться греческому правительству и подчиняться неизбѣжной процедурѣ повѣрки жалобы". Лонгиновъ, 129. Аще ли не обрящется, т.-е. если раба не окажется въ наличности, то съ укрывателя взыскивается по 2 паволоки за челядина. „Смыслъ статьи: если челядинъ (Руссъ) убѣжитъ изъ Руси и придетъ въ греческое царство, или убѣжитъ отъ Св. Мамы... то если найдутъ его, пусть возьмутъ. А если не найдутъ,

то Руссы-христіане по вѣрѣ своей, а язычники по закону своему должны прясягнуть (въ томъ, что челядинъ дѣйствительно убѣжалъ) и получаютъ отъ Грековъ цѣну раба — 2 паволоки за каждаго, какъ установлено (однако это нигдѣ не установлено въ дошедшихъ до насъ договорахъ.....)". Владимирскій Будановъ, 11, пр. 16.

[50]) Въ этой фразѣ мѣстоименіе *кто* И. А. Лавровскій относитъ къ слову челядинъ, „какъ его опредѣленіе, неестественно помѣщенное", и признаетъ буквальнымъ переводомъ съ греческаго. „Въ византійскомъ подлинникѣ эта мысль могла быть выражена такъ: *ἐι δε τις ἀπ' ἀνθρώπων τῆς ἡμετέρας Βασιλείας ἢ ἀπὸ τῆς ἡμετέρας πόλεως ἢ ἀπ' ἄλλον πόλεων ἀποπηδήσῃ δοῦλος ἡμῶν πρὸς ὑμᾶς...*". Лавровскій, 29, 31, 75.

[51]) „*Да возвратять е опять*. По замѣчанію Н. А. Лавровскаго отмѣчаемая здѣсь тавтологія, составляя неотъемлемую синтаксическую особенность русскаго языка, въ то же время „едва ли не болѣе составляетъ неотъемлемую особенность византійскаго языка, который, какъ языкъ испорченный, въ полномъ смыслѣ подражательный, конечно, нуждается въ искусственныхъ украшеніяхъ". Лавровскій, 90.

[52]) Статья опредѣляетъ обязанность Русскихъ относительно Грековъ. Долженъ быть возвращенъ не только бѣглый челядинъ, но и вещи, унесенныя имъ при побѣгѣ. Если задержавшій бѣглеца возвратитъ его со всѣми вещами, унесенными имъ, то получаетъ плату за переёмъ. Владимирскій Будановъ, 12, пр. 17. Конечно, было бы трудно сохранить все унесенное на длинномъ пути въ Русь и постановленіе, если бы оно не относилось до Мамы, говоритъ В. И. Сергѣевичъ, было бы несообразно. Это соображеніе даетъ поводъ заключить, что договоры имѣли въ виду греческую территорію. Сергѣевичъ, Лекціи, 630.

Говоря о значеніи договоровъ Олега и Игоря и останавливаясь на мысли, что договоры эти не имѣли въ виду территоріи Руси, А. С. Мулюкинъ замѣчаетъ: „Русь ѣздила въ Грецію, но не Греки въ Русь... въ эпоху договоровъ для Грековъ однимъ побужденіемъ пріѣзда въ Русь могла быть торговля. Но какой интересъ въ этомъ отношеніи представляла богатой Греціи бѣдная невѣжественная Русь, съ зачаточнымъ состояніемъ торговли и торговаго класса?.. Для Грековъ не было надобности пускаться въ опасныя приключенія торговли... когда все, что имъ было нужно съ сѣвера, само являлось къ воротамъ Цареграда, и настолько назойливо просило о торговлѣ съ ними, т. е. о размѣнѣ привезеннаго на золото и паволоки, что Грекамъ приходилось обуздывать наглость являвшихся оружіемъ или договорами". А. С. Мулюкинъ,

Къ вопросу о договорахъ Русскихъ съ Греками. Ж. М. Юст. 1906, сен. 103—104.

....„За возвратъ Русскими пропавшаго греческаго раба (буде онъ ушелъ къ нимъ), если при этомъ будетъ возвращено и все то, что бѣглецъ унесъ съ собой, полагается возвратившему награда въ два золотника, или солида. Эту награду обязанъ уплатить, безъ сомнѣнія, хозяинъ возвращеннаго раба". П. Н. Мрочекъ-Дроздовскій. Исторія русскаго государственнаго права до конца XVII столѣтія. М. 1892. 197, 198.

[53]) „Здѣсь *„взять"* значитъ взять явно, т. е. разумѣется *грабежъ*. Къ постановленіямъ Олегова договора о томъ же прибавляется постановленіе о *покушеніи* на грабежъ. Наказаніе за покушеніе, по словамъ г. Стефановскаго, доказываетъ, что преступленіе считалось уже дѣйствіемъ, наносящимъ вредъ обществу, а не только частному лицу". Владимирскій-Будановъ, 12, пр. 18.

[54]) „Воръ долженъ возвратить не только самую краденную вещь, но еще столько же, сколько она стоитъ; если же вещь уже продана воромъ, то возвращается вдвойнѣ ея стоимость". Сверхъ двойнаго вознагражденія воръ подвергается еще уголовной казни сообразно съ законами договаривающихся сторонъ. Владимирскій-Будановъ, 12, пр. 19.

По мнѣнію Сергѣевича прибавка *и тъ покажненъ будетъ по закону Грѣцкому, и по уставу Грѣцкому и по закону Рускому* не означаетъ наказанія добавочнаго къ денежному, „а выражается только та общая мысль, что вышеозначенный штрафъ и есть наказаніе, опредѣленное согласно съ законами обѣихъ странъ". Сергѣевичъ, Лекціи, 645. Сергѣевичъ не признаетъ двойное вознагражденіе правомъ русскимъ. Онъ говоритъ, что „денежныя пени за кражу одинаково извѣстны какъ русскому, такъ и греческому праву. Но опредѣленіе ихъ въ размѣрѣ двойной (или тройной) цѣны украденнаго опять не русское, а чисто греческое". Ibid. 643.

Михаилъ Флегонтовичъ Владимирскій-Будановъ держится противуположнаго взгляда, опираясь на Литовско-русское право, „по которому кромѣ *лица* (украденной вещи) изъ имущества вора уплачивается цѣна вещи (Суд. Казим. ст. 2 и Уст. Кіевск. грам.), при чемъ украденная вещь идетъ въ видѣ штрафа князю, а цѣна вещи—хозяину ея. Литовско-русское право, какъ извѣстно, лишь формулируетъ обычное право русское". Владимирскій-Будановъ, 12, пр. 19.

[55]) Не стояло ли въ основномъ текстѣ *плѣненъ* (р. п. мн. ч.), т. е. плѣнныхъ (христіанъ)?

[56]) *Ту*—здѣсь. Лонгиновъ читаетъ *ту=сюда*—грамматически произвольно. По мнѣнію Лонгинова въ статьѣ рѣчь идетъ не о русскихъ, а о греческихъ плѣнныхъ. Лонгиновъ, 156.

[57]) По замѣчанію М. Ф. Владимирскаго-Буданова разница въ оцѣнкѣ плѣнника существуетъ только для плѣнниковъ — Грековъ. „Русскіе же должны всякаго безразлично выкупать по 10 золотниковъ (это одно изъ послѣдствій невыгоднаго положенія Русскихъ при заключеніи договора въ 945 г.). Если же плѣнникъ былъ купленъ, то вмѣсто постоянной цѣны, положенной въ договорѣ, уплачивается владѣльцу столько, сколько онъ заплатилъ, когда онъ присягою подтвердитъ это". Владимирскій-Будановъ, 13, пр. 20.

По переводѣ на современный языкъ эту статью договора можно прочесть такъ: Сколько бы плѣнныхъ христіанъ не привела Русь сюда (въ Грецію), то всѣ подлежатъ выкупу по слѣдующей оцѣнкѣ: если это будетъ юноша или хорошая дѣвица — то по 10 золотниковъ, если человѣкъ среднихъ лѣтъ, то по 8 золотниковъ, если старикъ или дитя, то по 5 золотниковъ. Если же окажутся на работѣ у Грековъ Русскіе плѣнные, то Русь выкупаетъ ихъ по 10 золотниковъ. Если же Русскій былъ купленъ, то владѣльцу уплачивается столько, сколько онъ заплатилъ, когда онъ присягою подтвердитъ это.

[58]) Слова „о Корсуньскии сторонѣ", какъ указываетъ Н. А. Лавровскій, составляютъ заглавіе статьи. Лавровскій, 148.

[59]) Слово *часть* въ значеніи страны Н. А. Лавровскій принимаетъ за переводъ греческаго слова μέρος, которое на византійскомъ языкѣ часто употреблялось вмѣсто χώρα. Лавровскій читаетъ: „О Корсунской странѣ. Сколько ни находится въ той странѣ городовъ, русскій князь не имѣетъ власти воевать тамъ, а та страна не покоряется вамъ". Лавровскій, 145, 148.

По замѣчанію М. Ф. Владимирскаго-Буданова „князь русскій отказывается отъ притязаній на Херсонскую страну". (13, пр. 21). А такія притязанія со стороны русскихъ князей бывали и послѣ Владиміра Св. „Изъ лѣтописнаго сообщенія 1066 г. мы узнаемъ, что сидѣвшіе (въ Тмутараканскомъ княжествѣ) русскіе князья обнаруживали неуклонное стремленіе подчинить себѣ сосѣднія земли не только восточныя, но и западныя, на которыя Византія простирала свое владычество, пока наконецъ и Тмутараканская область и Корсунь не сдѣлались добычей Половцевъ въ 1096 г." Лонгиновъ, 73.

[60]) „Это обыкновенно считаютъ отдѣльною статьею о правѣ русскаго князя требовать вспомогательное войско отъ Грековъ. Но пра-

вильнѣе считать это продолженіемъ статьи о Херсонской странѣ: князь русскій только подъ тѣмъ условіемъ имѣетъ право требовать помощи отъ Грековъ, если навсегда откажется отъ притязаній на Черноморскій берегъ". Владимірскій-Будановъ, 13, пр. 22.

[61]) Если Русскіе найдутъ на берегу выброшенный (бурею) греческій корабль, то не должны причинить какой-либо обиды. Если же кто возьметъ себѣ что-либо (съ корабля), или захватитъ людей въ рабство, или убьетъ ихъ, то долженъ отвѣчать по закону русскому и греческому. А. В. Лонгиновъ полагаетъ, что въ данномъ случаѣ можетъ быть примѣненъ законъ международный, установленный по нормамъ русскаго и греческаго права, предшедшимъ взаимнымъ соглашеніемъ Русскихъ и Грековъ 912 г. Лонгиновъ, 122. „Обязаны ли были, въ свою очередь, Греки помогать русскимъ судоходцамъ на морѣ и отвѣчали ли они за насиліе надъ ними, объ этомъ прямо не говорится въ договорахъ, но это надо предполагать, какъ на основаніи статей, говорящихъ о преступленіи лицъ, принадлежащихъ той или иной націи, такъ и потому, что Греки, какъ болѣе культурная нація, должны были и безъ всякихъ договоровъ оказывать помощь потерпѣвшимъ отъ кораблекрушенія или отъ кого-либо Руссамъ. Разсмотрѣнныя постановленія потому говорятъ о Русскихъ, что послѣдніе считали своимъ правомъ пользоваться добычею, посылавшеюся имъ моремъ при кораблекрушеніяхъ; договоры же заставляютъ отказаться отъ этого права". Филипповъ, 62.

[62]) „Наши договоры X в. предусматриваютъ безпрестанныя стычки Херсонитовъ съ русскими рыболовами близъ днѣпровскихъ устьевъ, по сосѣдству съ Олешьемъ (нынѣ Алешки)". Лонгиновъ, 73.

[63]) „Бѣлобережье правильно принимаютъ за островъ Березань, особливо, мнѣ кажется, потому, что въ Ипатскомъ спискѣ *Бѣлобережье—Бѣлобережанъ*". Лонгиновъ, 77.

[64]) Современникъ князя Игоря, императоръ Константинъ Багрянородный въ IX главѣ своего трактата „Объ управленіи имперіей", описывая такъ называемый *греческій путь*, говоритъ, что Руссы, миновавъ днѣпровскіе пороги и проѣхавъ островъ Св. Григорія, достигали затѣмъ, въ четыре дня ѣзды, днѣпровскаго устья, въ которомъ лежалъ островъ *Св. Айѳерія*. „Здѣсь отдыхали они обыкновенно два и три дня, и между тѣмъ снабдѣвали свои суда потребными вещьми, а именно парусами, мачтами и рулями, что все привозили они съ собою. А какъ Днѣпръ въ устьяхъ своихъ дѣлаетъ озеро, которое простирается до самаго моря, гдѣ лежитъ *островъ Св. Айѳерія*, то они подавалися назадъ къ Днѣпру,

гдѣ еще отдыхали. Отсюда, ежели вѣтръ благополученъ, ѣздили на парусахъ къ рѣкѣ *Бѣлой*, и, пребывъ нѣсколько времени здѣсь, продолжали путь свой къ Селинѣ, которая не иное что есть, какъ рукавъ Дуная". Погодинъ, Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи о русской исторіи. М. 1846, т. III, 249.

[65]) „По договору Игоря съ Греками область устья Днѣпровскаго, Бѣлобережья и св. Ельферія составляла нейтральное пространство земли, которымъ могли пользоваться Греки и Русскіе, но только временно, не имѣя права оставаться тамъ на зиму". Самоквасовъ, 121.

[66]) Въ выраженіи *И о томъ, А о сихъ* Н. А Лавровскій признаетъ осязаемый грецизмъ. Это выраженіе „служитъ только для обозначенія перехода отъ одной статьи къ другой, а не выдумано отъ себя переводчикомъ". Лавровскій, 85.

[67]) „Черная Болгарія — восточная часть древней Болгаріи, населенная преимущественно гунно-болгарскими племенами Котраговъ или Кутургуровъ и прилегающая къ низовьямъ Волги и къ р. Кубани (Куфисъ), съ IX вѣка въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Руссами (Ліутпрандъ) и Тмутараканскою областью... Черною называлась древняя Болгарія, вѣроятно, по своей зависимости отъ наложившихъ нѣкогда на нее дань Хозаръ". Лонгиновъ, 74, 75.

„Въ договорѣ Игоря постановлено условіе, чтобы русскій князь не пускалъ Черныхъ Болгаръ воевать страну Корсунскую. Очевидно, въ эпоху послѣдняго договора, Черные Болгаре находились уже въ вассальной зависимости не къ Хозарамъ, а къ князю кіевскому. Къ этимъ Боспорскимъ Болгарамъ, какъ извѣстно, спасся Игорь съ остаткомъ своего флота въ 941 г.". Д. Иловайскій, Разысканія о началѣ Руси. М. 1876, 123.

[68]) Византійскій элементъ въ договорахъ Русскихъ съ Греками отразился, говоритъ Лавровскій, и въ отдѣльныхъ словахъ и выраженіяхъ, и указываетъ (въ положеніяхъ), между прочимъ на употребленный въ договорѣ глаголъ *велѣти*, который не заключаетъ въ себѣ понятія *повелѣнія, приказанія*.По его мнѣнію κελεύομεν византійскаго подлинника и *велимъ* Игорева договора равносильны словамъ: побуждаемъ, призываемъ, желаемъ и т. под. Лавровскій, 152.

[69]) Вотъ о чемъ: если появятся Черные Болгары съ цѣлью напасть на Корсунскую область, то мы просимъ русскаго князя—не пропускать ихъ.

„Безъ сомнѣнія, въ этомъ договорѣ намекается на владѣнія русскаго великаго князя на Киммерійскомъ Босворѣ или неподалеку отъ

него, такъ какъ оттуда только могъ онъ воспрепятствовать Черными (Кубанскимъ) Болгарамъ дѣлать набѣги на Крымъ". А. Куникъ, Записки готскаго топарха, 80.

„Князь русскій не только самъ не долженъ воевать Херсонскую страну, но обязывается защищать ее отъ посторонних нападеній; вотъ въ какомъ случаѣ Греки обѣщаютъ свою помощь". Владимирскій-Буда новъ, 14, пр. 25.

По мнѣнію Н. Д. Знойко „этими статьями Византія желала обезпечить свои черноморскія владѣнія отъ набѣговъ какъ Кіевской Руси, такъ Черныхъ Болгаръ и Черноморской Руси. Но, не имѣя возможности обязать къ этому силой договора послѣднихъ, она возложила это на первую, которая обязалась и сама не воевать византійскихъ владѣній и удерживать отъ этого какъ Черныхъ Болгаръ, такъ и черноморскаго князя". Н. Д. Знойко. О походахъ Святослава на Востокъ. Ж. М. Н. П. 1908, декабрь, 282. (Н. Д. Знойко принимаетъ, что въ X вѣкѣ по обѣимъ сторонамъ Керченскаго пролива образовалось совершенно независимое отъ Кіева и отъ Хозаръ княжество Черноморской Руси).

[70]) *Проказа*, какъ полагаетъ Измаилъ Ивановичъ Срезневскій — дословный переводъ греческаго διαφθορά (δια—про, φθείρω—кажу), и значитъ лишеніе жизни, смерть, θάνατος. Но въ нашихъ памятникахъ это слово означаетъ—зло, вредъ, злодѣяніе, злоумышленіе, козни, хитрость, колдовство, проказу (болѣзнь), заразу. И. И. Срезневскій, Матеріалы для словаря древне-русскаго языка, Т. 2, В. IV. Спб. 1902, ст. 1534.

Кажется весьма сомнительнымъ толкованіе Г. М. Бараца, который, отказываясь видѣть въ словѣ *проказа* переводъ съ греческаго, находитъ, что „оно соотвѣтствуетъ еврейскому реченію nega"—и употребляется въ памятникахъ „во всѣхъ значеніяхъ, свойственныхъ евр. *nega*: поврежденіе, проступокъ, вина, споръ, тяжба о причиненномъ вредѣ, бѣдствіе, несчастный случай". Г. М. Барацъ, Критико-сравнительный анализъ договоровъ Руси съ Византіей. Кіевъ. 1910, 82, 83.

Въ договорѣ это слово слѣдуетъ понимать какъ *преступленіе*. Филипповъ, 62.

[71]) Т. е. онъ будетъ наказанъ, смотря по преступленію, согласно постановленію греческаго суда. „Русскимъ воспрещается всякое самоуправство въ Греціи. Всѣ ихъ столкновенія съ Греками разрѣшаются греческими властями на основаніи постановленій договора". Сергѣевичъ, Лекціи. 639. „Весьма вѣроятно, что привыкшая къ самосуду по своимъ обычаямъ (Русь), и вопреки правиламъ договора, прибѣгала къ самоуправству. Самой серьезной противъ этого мѣрой было запрещеніе носить

оружіе по улицамъ Константинополя. Но и эта мѣра оказалась, повидимому, недостаточной. Потому въ дог. 945 г. установлено категорическое запрещеніе самоуправства". М. Дьяконовъ, Очерки общественнаго и государственнаго строя древней Руси. Спб. 1908, 21. „Греки не могли, конечно, допустить примѣненія началъ русскаго права къ своимъ подданнымъ, что и было оговорено въ указанной статьѣ". Филипповъ, 63. Впрочемъ наша статья „выражаетъ только общее правило всѣхъ старинныхъ законодательствъ: преступленіе подлежитъ суду той власти, которой подчиненъ отвѣтчикъ". Владимирскій-Будановъ, 14, пр. 26.

[72]) Въ Лаврентьевскомъ спискѣ лѣтописи читаемъ: „Аще убьетъ Хрестеянинъ Русина, или Русинъ Хрестеянина, да держимъ"...

„Надо думать, что Греки убійцы нерѣдко укрывались, что въ своемъ городѣ или въ своей странѣ было не трудно. Русь жаловалась на такія невыгодныя условія, а потому ей предоставлено было задерживать преступниковъ. Но это отнюдь не значитъ, что Руси разрѣшалось самоуправство". Дьяконовъ, 21. (1910 г.).

„Здѣсь... не опредѣляется, что разумѣютъ договаривающіеся подъ убійствомъ: преступленіе ли смертоубійства, или всякое причиненіе смерти (случайное) и притомъ относительно преступленія смертоубійства не показывается различія между умышленнымъ и неумышленнымъ убійствомъ. Но отсюда никакъ нельзя выводить (какъ дѣлаетъ Эверсъ), что въ древнѣйшемъ правѣ дѣйствительно не было различенія этихъ понятій... Греки, конечно, ясно различали преступленіе отъ случайности... Ближніе убитаго должны держать (связаннымъ, или въ заключеніи) убійцу для того, чтобы представить его суду и потомъ уже по приговору суда убить его. Здѣсь месть слѣдуетъ за процессомъ... Судъ надъ преступниками—Греками принадлежитъ Грекамъ, убіеніе преступника по приговору этого суда—Русскимъ (родственникамъ убитаго)". Владимирскій-Будановъ, 14, пр. 27. В. И. Сергѣевичъ говоритъ, что здѣсь разумѣется казнь, а не месть, „чтобы отомстить, вовсе не нужно овладѣть преступникомъ и держать его. Мститель можетъ убить преступника внезапно, вовсе не обнаруживая своего намѣренія впередъ. Сергѣевичъ, Лекціи, 639, 640.

„Подъ *ближними* убитаго договоры разумѣютъ всѣхъ тѣхъ, къ кому переходило право отмщенія за него, всѣхъ кто находился въ болѣе близкихъ отношеніяхъ къ убитому, чѣмъ прочіе. Родственники же убитаго, конечно, находились въ болѣе тѣсныхъ и близкихъ отношеніяхъ къ убитому, потому очень естественно, что они имѣли исключи-

тельное право на отмщеніе". А. А. Суховъ. Обыч. народ. и княж. наказ. Юрид, Вѣстн. 1873, VII—VIII, 65.

„Наказаніе всякаго убійцы для всѣхъ гражданъ было правомъ, а для родственниковъ убитаго обязанностью." Самоквасовъ, 140. „Постановленія эти указываютъ на то, что защитникомъ правъ, во время договоровъ, являлся самъ обиженный или его родственники". К. Стефановскій, Разграниченіе гражданскаго и уголовнаго судопроизводства въ исторіи русскаго права. Ж. М. Н. П. 1873, ч. CLXV, 280.

М. Ф. Владимірскій-Будановъ, въ Обзорѣ исторіи русскаго права. (Кіевъ. 1909. 91), говоря о томъ, что въ договорахъ гораздо больше слѣдовъ русскаго права чѣмъ византійскаго (не потому, что Русскіе взяли перевѣсъ надъ Греками, а потому, что культурному человѣку легче приспособиться къ младенческому состоянію, чѣмъ наоборотъ), добавляетъ: „Такъ за убійство постановлена смерть, что для Грековъ означало смертную казнь, а для Русскихъ—месть рукою родственниковъ убитаго".

[73]) Если убійца, не будучи задержанъ, скроется отъ правосудія, то—въ томъ случаѣ когда онъ человѣкъ состоятельный, родственники убитаго берутъ себѣ его имущество; если же убійца человѣкъ неимущій, то онъ остается подъ судомъ пока не будетъ разысканъ и казненъ.

„Имущество получаетъ *ближній* убитаго, а не цѣлый родъ его; берется имущество только убійцы, а не цѣлаго рода его"... Владимірскій Будановъ, Христоматія, 15, пр. 28. „Изъ конфискованнаго имущества общественная власть прежде всего удовлетворяетъ родственника (наслѣдника) убитаго, но потомъ, безъ сомнѣнія, беретъ извѣстную часть въ свою пользу въ видѣ уголовнаго штрафа и суд. пошлинъ". Ibid. „Обвинительный приговоръ суда передавалъ осужденнаго „головою" въ распоряженіе потерпѣвшей отъ правонарушенія стороны до тѣхъ поръ пока онъ не исполнялъ обязательства, вытекавшаго изъ судебнаго приговора. Если же обвиняемый и обвиненный скрывался отъ суда и исполненія судебнаго приговора, то сторона, потерпѣвшая правонарушеніе, получала право на жизнь бѣглеца, за невозможностью другимъ способомъ возстановить нарушенное право". Самоквасовъ, 142. *„Бѣжавшій убійца*, не пойманный на мѣстѣ преступленія, *освобождался отъ смертной казни только въ томъ случаѣ, когда оставлялъ имущество, достаточное для удовлетворенія родственниковъ убитаго*; если же имущество бѣжавшаго убійцы казалось родственникомъ недостаточнымъ для выкупа преступленія, то бѣжавшій убійца признавался состоящимъ подъ судомъ, и въ случаѣ поимки подлежащимъ смерти. Въ этомъ постановленіи право договоровъ отли-

чается отъ закона Моисея, запрещавшаго брать искупъ за душу отъ убившаго, и отъ греко-римскаго права, также запрещавшаго выкупъ убійства и опредѣлявшаго за это преступленіе разное наказаніе, глядя по различію лицъ убитыхъ и условій убійства; но сходно съ правами древнихъ Германцевъ, Славянъ, Персовъ и многихъ другихъ народовъ, дозволявшими родственникамъ убитаго примириться съ бѣжавшимъ убійцею за имущественное вознагражденіе, опредѣленное закономъ или взаимнымъ соглашеніемъ". Ibid. 149.

„Чебышевъ-Дмитріевъ, основываясь на трехъ древнѣйшихъ договорахъ, именно на двухъ договорахъ съ Греками и на договорахъ 1270 г. Новгорода съ нѣмецкими городами и Готландомъ, полагаетъ, что вира не платилась за убійство иностранца, такъ какъ въ содержаніи договоровъ нѣтъ на это ни малѣйшаго намека. Мнѣніе это кажется не совсѣмъ справедливымъ". А. А. Суховъ, Юр. Вѣсти. 1873, X—XI, 47 (А. Чебышевъ-Дмитріевъ, О преступномъ дѣйствіи по русскому до-петровскому праву. Казань.).

[74]) „За ударъ какимъ-либо орудіемъ опредѣлена пеня въ 5 литръ серебра въ пользу потерпѣвшаго; если виновный будетъ не въ состояніи заплатить столько, то съ него за обиду взыскивается все что у него есть, не исключая и послѣдняго платья, въ которомъ онъ ходитъ. Отдавъ все обиженному, неимущій обидчикъ долженъ былъ еще присягнуть... въ томъ что у него болѣе ничего не осталось (*„яко не имѣя ничтоже"*). Послѣ этого дѣло прекращалось, и истецъ не могъ идти дальше въ своихъ требованіяхъ". Мрочекъ-Дроздовскій, 196.

„Можно предполагать, на основаніи этого, что и въ другихъ гражданскихъ дѣлахъ отвѣтчикъ могъ освобождать себя отъ гражданской отвѣтственности присягою". Опираясь на это и на другія мѣста договоровъ съ Греками, Стефановскій полагаетъ, „что во время договоровъ уже существовало, въ зародышѣ, нѣкоторое различіе между гражданскимъ судопроизводствомъ и уголовнымъ, которое и выражалось въ свойственныхъ тому времени юридическихъ началахъ". Стефановскій, 289, 291.

По закону русскому, по мнѣнію В. И. Сергѣевича „относится не къ опредѣленію количества литръ, какъ это уже было замѣчено еще Эверсомъ, а къ денежной платѣ вообще, такъ какъ по греческимъ законамъ оскорбленіе дѣйствіемъ наказывалось иначе". Сергѣевичъ видитъ въ данномъ случаѣ русское право, но весьма урѣзанное, полагая, что, по обычному праву времени договоровъ съ Греками, оскорбленіе дѣй-

ствіемъ преслѣдовалось местью; плата же появилась какъ возмездіе за отказъ отъ мести. Сергѣевичъ, Лекціи, 642.

„По закону русскому (см. Рус. Пр. Ак. 2, 3, 4 и 7), за нанесеніе ранъ и позорныхъ побоевъ слѣдовало 12 гривенъ, т. е. высшая уголовная продажа, за простые побои 3 гривны. Месть по древнѣйшей Правдѣ допускалась въ этомъ случаѣ послѣ суда (см. Рус. Пр. Ак. 2). Вообще, въ договорахъ нельзя искать ни чисто-русскаго, ни чисто-византійскаго права; но преобладающимъ является право русское". Владимирскій-Будановъ, 15, пр. 29.

„По этому договору отвѣтчикъ присягаетъ въ томъ, что не имѣетъ ничего, кромѣ снятыхъ съ него *портъ*, послѣ чего и отпускается. Это отпущеніе на свободу неимущаго (неимовитаго) отвѣтчика можетъ считаться видоизмѣненіемъ русскихъ обычаевъ, по которымъ надо предполагать въ данномъ случаѣ, какъ отмѣчено профессоромъ Сергѣевичемъ, продажу въ рабство или выдачу головою въ услуженіе до покрытія долга". Филиппов, 64.

Въ только же и проданъ будетъ. Слово *проданъ* относится, какъ видно, къ имуществу правонарушителя, а та сумма, которая выручалась отъ продажи этого имущества и шла потерпѣвшему отъ преступленія, вѣроятно, и послѣ названіе продажи. Впослѣдствіи уже, вѣроятно, словомъ продажа стали обозначаться вообще денежныя пени, платимыя за личныя и вещныя правонарушенія обиженной сторонѣ, а по призваніи князей—имъ, что мы ясно видимъ изъ Русской Правды". А. А. Суховъ. Юрид. Вѣсти. 1873, X—XI, 56.

[75]) Т. е. если Наше Царское Величество пожелаетъ получить отъ васъ войско противъ враговъ своихъ, то Мы напишемъ къ великому князю вашему и онъ долженъ прислать столько войска, сколько намъ будетъ нужно. И послѣ того всѣ страны узнаютъ, какое согласіе существуетъ между Греками и Русью.

Лавровскій указываетъ на рѣзкіе слѣды византійскаго подлинника, которые здѣсь очевидны. Переводчикъ былъ смущенъ особенностью непонятнаго для него выраженія. „Эта особенность состояла въ употребленіи βασιλεία вмѣсто βασιλεύς и употребленіи множественнаго числа при существительномъ βασιλεία... Нѣтъ сомнѣнія, что въ византійскомъ подлинникѣ находилось первое лицо множественнаго числа, которое сохранилось въ нашемъ договорѣ въ выраженіи: *елико хочемъ*, довольно далеко отстоящемъ отъ существительнаго *царство*". Лавровскій, 90.

Сопоставляя договоръ Игоря съ предшествовавшимъ ему договоромъ Олега, Александръ Никитичъ Филишповъ замѣчаетъ, что по договору Игоря Руссы *обязаны* придти въ случаѣ нужды на помощь Грекамъ, тогда какъ по договору Олега эта помощь была не обязательна. Разница не въ пользу русскихъ. Филишповъ, 60.

Случаи, когда русская военная сила служила византійскому правительству, имѣли мѣсто не разъ. Такъ Россы принимали участіе въ упоминаемыхъ греческими авторами походахъ на Критянъ около 949 г. (Участвовало 9 русскихъ судовъ съ 629 чел. экипажа), въ 961 г., а также въ извѣстномъ и арабамъ сицилійскомъ походѣ Грековъ 964 г. Лонгиновъ, 71. Были случаи службы Византійцамъ и до Игорева договора. Въ Критскомъ походѣ 902 г. участвовала русская эскадра съ 700 чел. экипажа. Ѳ. Успенскій, 10. У Романа Лакапина въ походѣ 936 г. противъ Лангобардовъ участвовало 7 русскихъ кораблей съ 415 чел. воиновъ. Профессоръ П. П. Козловскій, Сношенія древней Руси. Варшавскія Университетскія извѣстія 1911, V, стр. 5. Въ одномъ письмѣ къ Симеону Болгарскому, въ 923 году, патріархъ говоритъ: „Вотъ царскимъ стараніемъ на вашу власть и вашъ родъ могущественное, сколько сообразить могу, нашествіе если не нарядилось, то наряжается,—нашествіе Руси, и съ ними Печенѣговъ, еще же и Аланъ и Западныхъ Турокъ, которые всѣ единомысленно согласились пойти на тебя войною". Письма переведены г. Григорьевымъ. М. С. Дриновъ, Южные Славяне и Византія въ X вѣкѣ. М. 1876, 25.

„Что касается Русскихъ, то они также имѣли право на помощь со стороны Грековъ, но вопросъ о томъ, когда эта помощь могла быть ими требуема, является довольно спорнымъ въ литературѣ нашей, ввиду главнымъ образомъ неясности относящихся сюда постановленій договора 945 г., почему одни ученые толкуютъ эти статьи въ томъ смыслѣ, что Русскіе вообще имѣли право требовать у Грековъ вспомогательныя войска, другіе же полагаютъ, что это требованіе могло ими предъявляться лишь тогда, когда они откажутся отъ всякихъ притязаній „на *Корсуньскую страну*, т. е. на область Херсонеса Таврическаго". Филишповъ, 61.

[76]) Т. е. этотъ договоръ мы написали на двухъ грамотахъ, одна изъ нихъ у Нашего Царскаго Величества, на ней крестъ и имена наши написаны, а на другой ваши послы и разъѣзжіе купцы.

„Крестъ составлялъ необходимую принадлежность подобныхъ грамотъ и былъ общеупотребительнымъ способомъ ихъ скрѣпленія; его изображеніе служило символомъ imperatoris christianissimi и вмѣстѣ по-

стоянно напоминало клятву, данную въ сохраненіи запечатлѣнныхъ имъ мирныхъ постановленій... Крестъ часто замѣнялъ собою даже подпись и былъ такимъ образомъ единственнымъ средствомъ скрѣпленія". Лавровскій, 138. „Такъ какъ крестъ только для христіанъ могъ служить знакомъ удостовѣренія, то понятно, почему его не изображали на грамотахъ, назначенныхъ къ язычникамъ". Ibid. 139.

[77]) Т. е. возвращающіеся съ посломъ Нашего Величества должны доставить грамоту великому князю русскому Игорю и его людямъ, и тѣ, принимая грамоту, должны присягнуть въ томъ, что будутъ исполнять въ точности все написанное въ этой грамотѣ, скрѣпленной нашими подписями.

Лавровскій предполагаетъ, что въ этой части договора рѣчь идетъ о трехъ грамотахъ и что двѣ изъ нихъ были съ византійской и одна съ русской стороны. Лавровскій, 61.

[78]) Сергѣевичъ считаетъ указаніе на соборную кіевскую церковь св. Ильи за кіевскую вставку, внесенную въ первоначальный текстъ уже въ Кіевѣ со словъ одного изъ тѣхъ мужей-христіанъ, которые скрѣпили договоръ присягою въ кіевской соборной церкви св. Ильи. Сергѣевичъ, 626. По мнѣнію Лонгинова—Русскіе клялись въ Царьградѣ церковью Св. Ильи, какъ своею центральною національною святынею, первымъ православнымъ соборнымъ храмомъ кіевскимъ, который возникъ въ пору разрушенія капищъ или ропатей. „Въ христіанскомъ религіозномъ культѣ Русскихъ пророкъ Илья, коего огненное восхожденіе на небо всегда, со введеніемъ христіанства, праздновалось 20 іюля (Лаврент. Лѣт. подъ 1217 г.), сталъ вытѣснять Перуна и Волоса. ...Переходная ступень отъ Перуна и Волоса къ св. Ильѣ отчасти раскрывается сѣверянымъ названіемъ славянскаго языческаго божества—Юломъ". Лонгиновъ, 104—106.

„20-го іюля церковь празднуетъ пророку Ильѣ. Въ славянскихъ, греческихъ и кавказскихъ вѣрованіяхъ онъ является громовникомъ. Молнію русскій народъ считаетъ за стрѣлу, кидаемую Ильей пророкомъ въ змѣя или дьявола, который старается укрыться отъ нея въ разныхъ животныхъ и гадахъ". А. Н. Веселовскій, Разысканія въ области рус. дух. стиховъ Спб. 1880. (Прилож. къ XXXVII т. Зап. И. Ак. Н. 85, Прил. къ XLV, 327).

[79]) „Самое выраженіе—*предлежащимъ честнымъ крестомъ* соотвѣтствуетъ подобнымъ же, весьма часто встрѣчающимся у византійскихъ писателей выраженіямъ, напр. προκειμένων τῶν ἁγίων εὐαγγελίων γενέσθαι τὴν ἐπιλογήν., προκειμένων τῶν ἁγίων εὐαγγελίων, κινδύνῳ τῶν ἱδιῶν

ψυχῶν—предлежащу святому евангелію кленутся въ бѣду своихъ душъ и пр.“ Лавровскій, 140.

[80]) Т. е. мы же (Русь), кто изъ насъ крещенъ, клялись церковью св. Ильи (кіевской) въ соборной церкви (цареградской), предлежащимъ крестомъ и этою грамотою исполнять въ точности все въ ней написанное; а кто нарушитъ ее изъ нашихъ соотечественниковъ, князь или другой кто, крещеный или некрещеный, тотъ да лишенъ будетъ помощи Божіей, да будетъ рабомъ въ этой и будущей жизни, да погибнетъ отъ собственнаго оружія.

[81]) Ибнъ Даста, писавшій около 912 г., говоритъ объ обручахъ, какъ о ручномъ украшеніи Руссовъ мужчинъ.

[82]) Употреблена дѣйствительная форма *хранити* вмѣсто страд. *хранимо быти*. Такая неправильность объясняется, по мнѣнію Лавровскаго, византійскимъ языкомъ, въ которомъ господствовало смѣшеніе значеній и формъ глаголовъ. Лавровскій, 81—82.

[83]) Это мѣсто можно прочесть такъ: А Русь язычники, полагая свои щиты, обнаженные мечи, обручи и прочее оружіе, клянутся, что все написанное въ этой грамотѣ будетъ всегда выполняемо Игоремъ, всѣми боярами и всѣми соотечественниками. Если же кто изъ князей и людей русскихъ, будь онъ крещеный или некрещеный, нарушитъ этотъ договоръ, то пусть онъ погибнетъ отъ своего собственнаго оружія, и пусть будетъ проклятъ Богомъ и Перуномъ.

„Византійскіе дипломаты выпытали у русскихъ пословъ формулу наиболѣе торжественной присяги, употреблявшейся у Руссовъ, и обрядности при этомъ соблюдавшейся, и включили все это въ договоръ, обезпечивъ такимъ образомъ отъ возможности обмана со стороны Русскихъ“. А. Димитріу, Къ вопросу о договорахъ Русскихъ съ Греками. Византійскій Временникъ, Т. II, ст. 549. „Греки знали, что для варварскихъ народовъ вообще клятвы имѣли большое значеніе; поэтому они обращали особое вниманіе на этого рода обязательства, узнавали подробно религіозные обряды и клятвенныя формулы варварскихъ народностей и не пренебрегали въ этомъ отношеніи никакими подробностями. Русь они заставили клясться, по русскому закону, языческими богами Перуномъ и Волосомъ и оружіемъ своимъ“. Варяги и Русь, С. Гедеонова, ч. I, Спб. 1876, 268.

[84]) Лонгиновъ читаетъ: Да аще будеть — *добрѣ* (хорошо) Игорь великій князь *да хранитъ* си любовь правую. Лонгиновъ, 110. При этомъ Лонгиновъ имѣетъ въ виду слѣдующее мѣсто Ипатской лѣтописи: князь Андрей, возвративъ епископа Леона изъ изгнанія, „нача

просити у него отъ въскресенія Христова до всихъ святыхъ ѣсти мяса и въ среду и въ пятокъ, епископъ же повелѣ ему одину недѣлю порозную ѣсти мяса въ среду и въ пятокъ, а прочею *добрѣ хранити*". (Подъ 6670-мъ годомъ).

Лавровскій, сопоставляя это мѣсто съ соотвѣтствующими мѣстами другихъ договоровъ, заключаетъ, что здѣсь слово *любовь* означаетъ самыя мирныя условія, самую договорную грамоту, самую харатію. Лавровскій. 114.

[85]) См. примѣчаніе 13, миѣніе Димитріу, который, разсматривая договоръ Игоря по аналогіи съ византійско-венеціанскими договорами, приходитъ къ заключенію, что до насъ дошла только копія съ того экземпляра договора, который шелъ отъ имени Игоря къ Византіи.

[86]) Золото—надо думать золотые обручи. Клятва золотомъ имѣла, кажется, смыслъ наговора, накликанія на клятвопреступника желтаго недуга. Гедеоновъ, 269. А можетъ быть клянутся оружіемъ и богатствомъ, пусть де лишится возможности носить оружіе и имѣть богатство, если нарушитъ клятву.

[87]) „Игорь съ людьми своими долженъ былъ также выполнить обрядъ роты надъ обоими экземплярами договорныхъ хартій—русскимъ и греческимъ и прислать царямъ свою утвердительную присяжную грамоту". Лонгиновъ, 29.

[88]) Николай Михайловичъ Карамзинъ думалъ, что бесѣдою Пасыниковъ и Козарами назывались двѣ улицы или части древняго Кіева. „Имя *бесѣда* означало въ старину *сѣдалище*. Въ *Древнихъ Русскихъ Стихотвореніяхъ*, ст. 3, сказано: подернута *бесѣда* рытымъ бархатомъ; на бесѣдѣ-то сидитъ Купавъ молодецъ". Н. М. Карамзинъ. Исторія Государства Россійскаго. Т. I, пр. 359.

Карлъ Яромиръ Эрбенъ замѣчаетъ, что въ древне-чешскомъ языкѣ бесѣдою называется публичная площадь.[а] Пасыньчя можетъ происходить отъ *пасынка*, но онъ полагаетъ, что слово *пасыньчя* ошибочно написано вмѣсто *пасиньчя* или пасыньчя, а pasinek въ Моравіи и Словенскѣ[б] означаетъ пастбище. Слѣдовательно, *Пасыньчя бесѣда* есть мѣсто на пастбищѣ, гдѣ обыкновенно происходили вѣча или сеймы. (Сборникъ статей, читанныхъ въ Отдѣл. рус. языка и словесн. Импер. Ак. Наукъ. Т. VII, № 5. 1870. Объясненіе и исправленіе нѣкоторыхъ темныхъ и испорченныхъ мѣстъ древнѣйшей русской лѣтописи).

Примѣчанія: [а]) Сибиряки и нынѣ сѣдѣнье въ лодкѣ называютъ *бесѣдкой* (Сооб. А. Н. Агапьевъ). [б]) У Словаковъ.

[89]) Миръ съ Греками, обезпечивавшій развитіе торговыхъ сношеній продолжался довольно долго. Въ 955 г. посѣтила Царьградъ Ольга. „По моему мнѣнію", говоритъ Ѳедоръ Ивановичъ Успенскій, „Ольга посѣтила Константинополь не ради принятія христіанства и не съ военной цѣлью". Разбирая составъ свиты княгини Ѳедоръ Ивановичъ Успенскій замѣчаетъ, что главнѣйшій элементъ былъ не военный, а торговый: „22 представителя отъ бояръ могутъ указывать на такое же *число городовъ или волостей, по которымъ сидѣли подчиненные русскому князю правители.* Мы усматриваемъ, такимъ образомъ, здѣсь выраженными торговые и земскіе интересы, которые уже въ X вѣкѣ находились въ значительной зависимости отъ правильныхъ сношеній съ Византіей. Путешествіе Ольги иллюстрируетъ договоры съ Греками, въ которыхъ также сильно выступаетъ стремленіе установить мирныя сношенія съ Имперіей". Ѳ. Успенскій. 22.

Со времени санкціи договора 945 года и до времени приглашенія князя Святослава императоромъ Никифоромъ въ 967 году для войны съ Болгарами въ лѣтописи встрѣчается только одно свидѣтельство, относящееся къ дружественнымъ сношеніямъ Руссовъ съ Греками: описаніе путешествія въ Грецію княгини Ольги, жены Игоря и матери Святослава, и ея крещенія въ Константинополѣ (Ипат. лѣт. подъ 6463-мъ годомъ). Торжественный пріемъ княгини Ольги въ Константинополѣ описанъ императоромъ Константиномъ Багрянороднымъ, въ его сочиненіи „De ceremonis aulae Byzantinae", lib. II, cap. XV, (Stritter, Memoriae populorum et cet.. Petrop. II, 976—986).

[90]) Древнѣйшій Сводъ упоминалъ о походѣ Святослава на Болгаръ, причемъ возможно, что авторъ имѣлъ подъ рукой письменный (болгарскій) источникъ. Шахматовъ, Разысканія. 461. Подлинныя болгарскія лѣтописи до насъ не дошли, но въ нашей Синодальной Библіотекѣ подъ № 38 хранится хроника Манассіи, въ переводѣ на славянскій языкъ, списокъ 1345 года; эта хроника сопровождается историческими примѣчаніями на поляхъ, сдѣланными Болгариномъ. Болгарскій списокъ хроники Манассіи[a)] (списокъ послѣ 1350 г.; сама хроника написана въ 1144 г.) имѣется въ Ватиканской Библіотекѣ, а копія съ него въ Румянцовскомъ Музеѣ. Р. № 269.

Очевидецъ событій, Левъ Діаконъ Калойскій (родился въ 950 г.)

Примѣчаніе: [a)] Константинъ Манасея (2-й половины XII вѣка) написалъ Хронику (Σύνοψις ἱστορική), переведенную на средне-болгарскій языкъ въ первой половинѣ XIV вѣка, какъ полагаютъ для болгарскаго царя Іоанна Александра.

подробно описалъ войну съ Святославомъ въ своей Исторіи. (До насъ дошла рукопись XI—XII вѣка). Исторія, въ рукописи Парижской Библіотеки, была переведена на русскій языкъ и издана въ 1820 г. Д. Поповымъ. Извлеченія изъ перевода Попова мы приводимъ въ *приложеніи* № 5. „О важности лѣтописи Льва Діакона, какъ источника знаній по вопросу объ отношеніяхъ Руссовъ къ Грекамъ въ X вѣкѣ см. Corpus Scriptorum Historiae Byxantinae. Bonnae, 1827, pars XI. Praefatio p. XXI. (Самоквасовъ, 17).

Schlumberger (L'epopée byzantine á la fin du X-me siècle. Jean Tzimiscés. Les jeunes années de Basile II le Tueur de Bulgares, 969—989. Paris, 1896, 151—159) оспариваетъ достовѣрность русской лѣтописи о борьбѣ Русскихъ съ І. Цимисхіемъ въ Болгаріи.

[91]) По византійскимъ источникамъ, какъ и по нашей лѣтописи, Святославъ предпринялъ два похода въ Болгарію, но походы эти Византійцы относятъ къ двумъ смежнымъ годамъ: первый — въ пятый годъ Никифорова царства (6476 г.) и второй въ шестой годъ того же царства (6477 г.). Скилицій: „πεισθέντες οὖν οἱ Ῥῶς καὶ ἐπελθόντες τῇ Βουλγαρίᾳ κατὰ τὸν Ἄδγουστον μῆνα, τῆς ιὰ ἰνδικτιῶνος, πέμπτῳ τῆς βασιλείας ἔτει τοῦ Νικηφόρου.... καὶ τῷ ἕκτῳ δὲ πάλιν τῆς βασιλείας αὐτοῦ χρόνῳ ἐπεστράτευσαν κατὰ Βουλγαρίας". Georgius Cedrenus, II, 372 (ed. Bonn.).

Болгарская хроника тоже говоритъ о томъ, что были два похода, совершенныхъ въ два года: „При семъ Никифорѣ ц҃ри плѣнишѧ Рⷭи Блъгары земѧ подва҃ въ двѣю лѣтⷭ. Цр҃еви Никифорⷭ изве҃шⷭ Свѧтслава на ни҃". (*По двапци въ двѣю лѣту*—т. е. два раза въ два года). Синодальная Хроника, № 38.

[92]) „Я не думаю, чтобы это указаніе (о покореніи Святославу 80 городовъ по Дунаю) сохранилось въ русскомъ народномъ преданіи; указаніе это слѣдуетъ скорѣе признать свидѣтельствомъ лица, знакомаго съ Болгаріей и Дунаемъ и знавшаго, что по Дунаю насчитывается до 80 городовъ". Шахматовъ, Разысканія, 122. Упоминаніе о 80 городахъ, взятыхъ Святославомъ по Дунаю, ведетъ къ болгарскому источнику. Ibid. 464.

[93]) „Что согласно съ показаніемъ Ибнъ-Хаукаля о походѣ Руссовъ на Румъ—Восточную Римскую Имперію, отнесенномъ къ 967 г.". Лонгиновъ, 89.

[94]) Никифоръ Фока... приглашая Святослава воевать съ Болгарами, думалъ собственно о томъ, чтобы отвлечь ихъ силы отъ нападеній на Византію; „боясь, что успѣхъ Святославова похода отдастъ ему въ руки навсегда Болгарію, онъ подкупилъ Печенѣговъ напасть на

Кіевъ. Святославъ вернулся тогда на Русь для защиты Кіева". Филипповъ, 54.

„Далекіе походы Святослава, не дававшіе видимыхъ, осязательныхъ результатовъ въ глазахъ современниковъ, были скоро забыты потомствомъ, но въ потомство перешелъ тотъ ропотъ, который вызывалъ смѣлый князь въ кіевлянахъ, видѣвшихъ отъ своего князя разореніе, ущербъ землѣ и людямъ. Этотъ ропотъ, какъ кажется, вылился въ формѣ особаго преданія о томъ, какъ Кіевъ едва не былъ взятъ Печенѣгами въ отсутствіе Святослава". Шахматовъ. Разысканія, 479.

[95]) Это мѣсто лѣтописи, по мнѣнію Лонгинова, „наши историки понимаютъ превратно, ошибочно относя *то* къ Переяславцу, подставляя Переяславецъ на мѣсто Кіева, по системѣ нѣкоего волхва, пророчившаго, что русская земля станетъ на мѣстѣ греческой и наоборотъ, тогда какъ средоій русской земли остался Кіевъ, а блага матеріальныя сходились тутъ—въ Переяславцѣ". Лонгиновъ, 90.

„Святославъ въ своей рѣчи къ матери и боярамъ называетъ Переяславецъ серединой своей земли, *яко ту вся блага сходятся: отъ Грекъ злато, паволоки, вина, овощеве разноличныя, изъ Чехъ же и изъ Угоръ сребро и комони, изъ Руси же скора и воскъ, медъ и челядь.* Объ этомъ могъ дѣйствительно знать Святославъ и хвастаться передъ матерью и боярами; но зналъ ли объ этомъ скромный монахъ, сочинявшій лѣтопись въ XI вѣкѣ, знало ли объ этомъ русское преданіе, помнилъ ли русскій человѣкъ о тѣхъ впечатлѣніяхъ, которыя вынесены были изъ Болгаріи его воинственными предками? Весьма неправдоподобно допустить то или другое. Гораздо вѣроятнѣе, что и здѣсь передъ нашимъ лѣтописцемъ былъ книжный источникъ, разсказывавшій о Святославѣ съ точки зрѣнія Болгарина или Грека". Шахматовъ, Разысканія, 123.

„Владѣя устьемъ Дуная, Болгарія держала въ своихъ рукахъ всю торговлю, направлявшуюся по этой рѣкѣ, и была на перекресткѣ торговыхъ дорогъ между Русью и Византіей и между послѣдней и придунайскими странами. Святославъ, взвѣсивъ печальное политическое положеніе Болгаріи, отчетливо понялъ, что если Византія захватитъ Болгарію въ свои руки, то она получитъ еще бо́льшія преимущества въ торговлѣ. Такимъ образомъ для Святослава было ясно значеніе торговаго этапнаго пункта на Дунаѣ. Отсюда логически вытекаютъ попытки Святослава утвердиться въ Болгаріи и его продолжительная борьба за обладаніе этой страной". Довнаръ-Запольскій, 97.

[96]) „Эта рѣчь положительно единственная для нашей древней лѣтописи. Поневолѣ рождается сомнѣніе относительно того не перенесена ли она готовою изъ письменнаго источника. Подозрѣніе усиливаетъ еще то обстоятельство, что подобную рѣчь читаемъ у Льва Діакона, который относитъ ее ко дню, предшествовавшему рѣшительному сраженію при Дристрѣ (24 іюля).... Еще ближе къ нашей лѣтописи передана та же рѣчь Скилиціемъ, хотя у него не выдержано прямого обращенія къ слушателямъ". „Ὁ Σφενδοσθλάβος παρήνει μᾶλλον ἔτι ἅπαξ πολεμῆσαι Ῥωμαίοις καὶ ἢ καλῶς ἀγονισαμένους ἐπικρατεῖς τῶν ἐναντίων γενέσθαι, ἢ ἡττηθέντας αἰσχίστης κωῆς καὶ ἐπονειδίστου εὐκλεᾶ καὶ μακάριον προτιμήσασθαι θάνατον, ἀβίωτον γὰρ ἔσται αὐτοῖς δρασμῷ τὴν σωτηρίαν παρισαμένοις, ἔπερ μέλλοιεν εὐκαταφρόνητοι ἔσεσθαι τοῖς γειτονοῦσιν ἔθνεσιν, ἃ τὸ πρόσθεν αὐτοὺς ἐδεδίεσαν σφοδρῶς — Georgius Cedrenus, II 407 (ed. Bonn). Не забудемъ, что Скилицій пользовался Львомъ Діакономъ, но имѣлъ въ виду еще и другой источникъ, каковымъ былъ современный описываемымъ событіямъ писатель". Шахматовъ, Разысканія, 124. См. *Приложеніе* № 5.

[97]) „Думаю, что здѣсь опять сказывается письменный источникъ, составленный притомъ не русскимъ, а лицомъ, знакомымъ съ топографіей той мѣстности, гдѣ дѣйствовалъ Святославъ..... насъ останавливаетъ еще употребленіе слова *градъ* вмѣсто *Царьградъ*.... Не признаемъ ли мы такое словоупотребленіе греческимъ? Для грека πόλις обозначало Константинополь преимущественно передъ другими городами". Шахматовъ, Разысканія, 122. Указаніе на то, что греческіе города, опустошенные Святославомъ, стоятъ пусты и до сего дня, ведетъ, по мнѣнію Шахматова, къ болгарскому источнику. Ibid, 465.

[98]) Оставивъ гарнизоны въ большихъ городахъ, Святославъ рѣшилъ двинуться за Балканы. Новые успѣхи здѣсь побудили Цимисхія вступить въ переговоры о мирѣ, но Святославъ предъявилъ слишкомъ большія требованія и воюющія стороны не пришли къ соглашенію. У Филиппополя и Адріанополя произошли большія сраженія. Въ случаѣ удачи послѣдняго для Святослава путь къ Царьграду былъ бы открытъ. Но, по византійскимъ свѣдѣніямъ, побѣда осталась на сторонѣ Грековъ. Тогда Цимисхій перебросилъ часть войска въ Силистрію въ тылъ Святослава, занявъ Балканскіе проходы Болгарами, а самъ ударилъ съ фронта. „Къ этому періоду войны относятся блистательныя страницы исторіи Льва Діакона". Ѳ. Успенскій, 29.

„Нѣтъ ничего естественнѣе, что народныя преданія удержали память только о побѣдахъ Святослава. Византія нѣсколько разъ въ теченіе продолжительной борьбы съ призванными ею самою въ Бол-

гарію Русскими испытывала сильныя униженія. И Никифоръ и Іоаннъ предлагали Святославу денежный откупъ, съ надменностью имъ отвергнутый. Все это запечатлѣлось въ памяти народной и, заглушая воспоминанія о пораженіяхъ и печальномъ исходѣ похода, выдвигало своеобразное объясненіе причины возвращенія Святослава изъ Болгаріи". Шахматовъ, Разысканія, 121.

[99]) „Едва ли окупъ назначался, вопреки мнѣнію нашихъ историковъ и юристовъ, *исключительно* для родственниковъ павшихъ въ битвахъ Святослава съ Греками русскихъ воиновъ. Убитыхъ было множество и разысканіе ихъ родичей на обширномъ пространствѣ русскихъ областей нерѣдко встрѣчало бы непреодолимыя затрудненія". Лонгиновъ, 91—92.

[100]) Дористолъ, Durostolum—теперешняя Силистрія.

[101]) „Цесарь же наутрѣя призва я, и рече цесарь..... глаголя сице", т. е.—На другой день царь призвалъ ихъ и сказалъ: „Пусть говорятъ русскіе послы". Они же сказали: „Такъ говоритъ нашъ князь: хочу имѣть навсегда прочную дружбу съ греческимъ царемъ". Царь же былъ доволенъ и приказалъ писцу записать всѣ слова Святослава. Послы начали говорить, а писецъ записалъ слѣдующее".

[102]) Здѣсь Свѣнельдъ является соправителемъ Святослава, какъ то и отмѣчаетъ Прѣсняковъ. „При Игорѣ это первое лицо, рядомъ съ княземъ, ему уступаетъ князь дань съ Угличей и Древлянъ, а самъ гибнетъ въ попыткѣ возмѣстить себѣ и своей дружинѣ перевѣсъ въ обезпеченіи, какой получила дружина Свѣнельда, отроки Свѣнельжи. Въ малолѣтствѣ Святослава онъ, повидимому, игралъ какую то роль, о которой у лѣтописца были противорѣчивыя свѣдѣнія..... Но при Святославѣ видимъ его въ положеніи почти соправителя. Какъ *воевода отень* онъ стоитъ до такой степени рядомъ съ княземъ, что имя его находимъ вмѣстѣ съ княжимъ въ договорѣ Святослава съ Цимисхіемъ". А. Прѣсняковъ, 235.

[103]) Τζιμίσχ—ιος; ισχ—перешло въ *иш*, ιος въ *ьскъ*; откуда должно было получиться *Цимишьскъ*.

[104]) По мнѣнію Лавровскаго, „заглавіе Святославова договора заключаетъ въ себѣ такую запутанность, такую безпорядочность и въ расположеніи словъ, и въ употребленіи предлоговъ, вообще такъ непонятно въ его настоящемъ видѣ, что ясно обличаетъ самый грубый, буквальный переводъ съ византійскаго подлинника". Выраженіе *писано при Феофилѣ сенкелѣ* очевидно должно быть поставлено послѣ поименованія императора греческаго. Въ выраженіи *ко Иоану* предлогъ

ко есть непонятый переводчикомъ πρός, съ дав. падежомъ, переведенный неправильно. Лавровскій, 93—94. Заглавіе договора Лавровскій читаетъ такъ: списокъ съ другой договорной грамоты, находящейся у Святослава, великаго князя русскаго и у Свѣнальда, и у Іоанна, именуемаго Цимисхіемъ, писанъ при Феофилѣ синкеллѣ въ Дерестрѣ, мѣсяца іюля, индикта 14. „Можетъ быть", добавляетъ Лавровскій, „это заглавіе позднѣйшими переписчиками, непонимавшими его, до такой степени испорчено, что слова: *при Свѣнальдѣ* должно читать вмѣстѣ съ словами: *писано при Феофилѣ синкеллѣ*. Въ такомъ случаѣ заглавіе это приметъ слѣдующій видъ: „списокъ съ другой договорной грамоты, находящейся у Святослава великаго князя русскаго и у Іоанна, именуемаго Цимисхіемъ, писанъ при Свѣнальдѣ и при Феофилѣ синкеллѣ (или при Θеофилѣ синкеллѣ и при Свѣнальдѣ)". Ibid. 95—96.

Иначе читаетъ это мѣсто Д. Я. Самоквасовъ: „*Согласно съ предварительнымъ соглашеніемъ*, заключеннымъ при русскомъ князѣ Святославѣ и при Свѣнальдѣ, писаннымъ при синкеллѣ Θеофилѣ къ Ивану, нарицаемому Цимисхію, царю греческому, въ Дерестрѣ, въ мѣсяцѣ іюлѣ, индикта въ 14, въ лѣто 6479 (971)". Д. Я. Самоквасовъ, 23.

[105]) Въ рукописи написано „В(ъ) лѣт(о) 6479", но затѣмъ это зачеркнуто. Принято договоръ Святослава относить къ 971-му году. „Связь событій, по изложенію самого Льва Діакона совершенно ясно указываетъ, что походъ Цимисхія противъ Русскихъ начался весною во второмъ году его царствованія, т. е. въ 971-мъ", говоритъ Ламбинъ. Въ томъ же году въ іюлѣ произошла битва при Доростолѣ. Послѣднюю битву, послѣ которой былъ заключенъ миръ, Левъ Діаконъ относитъ къ шестому дню недѣли, 24-го числа мѣсяца іюля. Но 24 іюля приходилось на шестой день, т. е. на пятницу изъ ближайшихъ къ 971 году лѣтъ лишь въ 968 и 974-мъ году. По Кедрину[a)] послѣдняя битва происходила 22 іюля, слѣдовательно мирный договоръ могъ быть заключенъ или 23 іюля или на слѣдующій день, вообще на послѣдней недѣлѣ іюля 6479 г. Н. Ламбинъ, О годѣ смерти Святостава Игоревича. Записки Имп. Акад. Наукъ, т. XXVIII. Спб. 1876, 148, 153, 154.

Академикъ Куникъ относитъ походъ Цимисхія къ 6480 году; отсюда договоръ на январскій счетъ отъ Р. Х. былъ написанъ въ 972 году. Того же мнѣнія держится В. Васильевскій. Замѣтка А. Куника о годахъ смерти великихъ князей Святослава Игоревича и Ярослава

Примѣчаніе: [a]) Кедринъ, писавшій въ XII в., пользовался Скилицей, давшимъ въ исходѣ XI в. свою компиляцію по Льву Діакону.

Владиміровича. Зап. Имп. Ак. Наукъ, т. XXVIII. 1876. 156. Тамъ же— В. Васильевскаго, Замѣтка къ статьѣ Н. П. Ламбина о годѣ смерти Святослава, 169.

П. И. Срезневскій, исходя изъ того, что Цимисхій, по показанію Льва Діакона, праздновалъ свою свадьбу во второй годъ царствованія, въ ноябрѣ и что послѣдовавшій затѣмъ походъ могъ быть совершенъ въ третьемъ году царствованія (Цимисхій вступилъ на престолъ 11-го декабря 969 г.) считаетъ за годъ обязательной грамоты Святослава 972-ой.

„Не входя въ обсужденіе того, ошибочно или не ошибочно показана дата въ лѣтописи", говоритъ Н. В. Степановъ, „я могу утверждать лишь одно, что изъ всѣхъ 15-тыхъ іюлей, ближайшихъ къ 6479 году, съ индиктомъ 14 былъ іюль 971-го года". Н. В. Степановъ, Къ вопросу о календарѣ Лаврентьевской лѣтописи. М. 1910, 6.

[106]) Святославъ называется не *великимъ княземъ*, а просто *княземъ русскимъ*. Лонгиновъ полагаетъ, что Святославъ назвалъ себя такъ „изъ скромности и по обычаю" (Лонгиновъ, 90). Такое заключеніе едва-ли можетъ быть принято.

Д. Я. Самоквасовъ читаетъ: „Я, Святославъ, русскій князь, что обѣщалъ, то и утверждаю настоящимъ клятвеннымъ договоромъ". Самоквасовъ, 23.

[107]) Въ клятвенномъ обѣщаніи Святослава, по замѣчанію И. И. Срезневскаго, „нѣтъ самаго важнаго—имени Императора Іоанна Цимисхія, тогда какъ имена его соправителей Василія и Константина, стоятъ!" Срезневскій видитъ это имя скрытымъ въ словѣ *всякымъ*, которое писецъ ошибочно написалъ, перелагая текстъ съ глаголицы на кириллицу и принявъ при этомъ *и* за *в*, *в* за *с*, *н* за *к*. Срезневскій, Слѣды глаголицы въ памятникахъ X в. Изв. Имп. Ак. Наукъ, т. VII, 346. Глаголица—греческій курсивъ. Это соображеніе говоритъ въ пользу Срезневскаго.

[108]) *Яко николи же помышляю*....., т. е.: никогда не буду посягать на страну вашу, ни собирать войска, ни наводить другой народъ на области, состоящіе подъ греческою властью, ни на область Корсунскую, со всѣми ея городами, ни на область Болгарскую; а если кто другой посягаетъ на страну вашу, то я выступлю противъ него и буду биться съ нимъ.

[109]) Самоквасовъ читаетъ: мы будетъ исполнять установленные договоры. Самоквасовъ, 23. Множ. число употреблено здѣсь по отношенію ко всѣмъ грамотамъ въ совокупности, хотя Греки имѣли въ виду по преимуществу два официальные экземпляра. Эти то грамоты или

условія въ нихъ заключающіяся, Святославъ клялся сохранить неизмѣнно, по правдѣ. Лавровскій, 61. Если здѣсь имѣлись въ виду двѣ грамоты, то Славяне должны были поставить двоину[a)] и если употребили множное число, то очевидно подъ вліяніемъ греческаго оригинала.

[110]) *Волосъ*—Велесъ—источникъ всякаго обилія и матеріальныхъ благъ, покровитель торговли (Ибнъ-Даста, Ибнъ-Фадланъ). Идолъ этого бога стоялъ еще въ XI вѣкѣ въ Ростовѣ и былъ разрушенъ св. Авраамiемъ, проповѣдовавшимъ тамъ христіанство. Идея Волоса была перенесена въ христіанскую эпоху на образъ св. Власія, какъ покровителя домашнихъ животныхъ и вообще домашняго хозяйства. Бестужевъ-Рюминъ, Русская исторія, I, 14—15.

[111]) *Аще ли отъ тѣхъ*..... Д. Я. Самоквасовъ читаетъ: а если вышеуказанныхъ договоровъ не исполнимъ я, состоящіе при мнѣ и всѣ, состоящіе подъ моей властью, тогда будемъ прокляты Богомъ, въ котораго мы вѣруемъ, Перуномъ и Волосомъ, скотьимъ богомъ, да пожелтѣемъ, какъ золото, и своимъ оружіемъ да изсѣчены будемъ. Самоквасовъ, 23.

[112]) *Створихъ*, *написахъ* и дальше *запечатахомъ*. Въ греческомъ текстѣ вѣроятно было множ. число, а славянинъ разъ измѣнилъ на един. число, а въ другомъ случаѣ оставилъ. Самоквасовъ читаетъ: Вѣрьте совершенному, написанному на этой бумагѣ и нашими печатями запечатанному. Самоквасовъ, 24. Послѣдняя приписка, какъ полагаетъ Лонгиновъ, исходитъ *отъ пословъ*, препроводившихъ Цимисхію обязательство Святослава, согласованное съ мирнымъ договоромъ. Лонгиновъ, 102. „Разсматриваемая, вошедшая въ наши лѣтописи оригинальная грамота Святослава, адресованная къ Іоанну Цимисхію, но обращенная также и къ сыновьямъ Императора Романа II Василію и Константину, какъ и венеціанская грамота, есть не списокъ самаго договора, но актъ, называвшійся у иностранцевъ promissio, promissionis charta, confirmationis litter*as*, chrisovulum verbum“. Ibid. 96.

Договоръ дошелъ до насъ далеко не въ полномъ видѣ. По свидѣтельству византійца Льва Діакона по договору Цимисхія съ Святославомъ, императоръ обязывался, напримѣръ, принимать приходящихъ въ Царьградъ для торговли Руссовъ въ качествѣ союзниковъ, какъ искони повелось. Русскіе имѣли право безпрепятственнаго привоза въ предѣлы имперіи хлѣба и прочихъ товаровъ.

Примѣчаніе: [a)] Какъ здѣсь, такъ и въ другихъ случаяхъ примѣняемъ терминологію профессора Р. Ф. Брандта, принятую въ Московскомъ Археологическомъ Институтѣ.

Мирный договоръ 971 г. былъ по смерти Святослава подтвержденъ, вѣроятно съ дополненіями, въ 978 г. сыномъ его Ярополкомъ.... „Того же лѣта пріидоша послы отъ греческаго царя (Василія) къ Ярополку и *взяша миръ и любовь* и яшаса ему по дань, якоже и *отцу* его и *дѣду* его". (Собр. лѣтоп., т. IX, 39). Лонгиновъ, 112.

[113]) „Потерявъ въ битвахъ подъ Адріанополемъ, на пути къ Переяславцу и подъ Доростоломъ цвѣтъ своихъ полковъ, уменьшившихся на 2/3, возстановивъ противъ себя Болгаръ жестокой расправой съ плѣнными, узнавъ о враждебномъ настроеніи противъ него Печенѣговъ, страдая отъ полученной раны и запертый со всѣхъ сторонъ Греками, Святославъ подумалъ съ дружиной и убѣдилъ ее въ неотложной необходимости заключенія мира для избѣжанія угрожавшей имъ гибели, ибо въ теченіе зимы 970 г. Цимисхій успѣлъ собрать многочисленную конницу и разослать по Дунаю корабли съ убійственнымъ греческимъ огнемъ (Левъ Діаконъ, Кедринъ). Черезъ пословъ своихъ Святославъ повелъ съ Цимисхіемъ рѣчь объ условіяхъ мира. Византійскіе источники, обстоятельно описывая переговоры Русскихъ съ Греками по прекращеніи военныхъ дѣйствій, сообщаютъ объ отправкѣ Святославомъ въ исходѣ іюля 971 г., когда истощились и силы Русскихъ и запасы продовольствія, пословъ къ Цимисхію съ предложеніемъ принять его, Святослава, въ кругъ своихъ друзей и союзниковъ и съ обѣщаніемъ уступить Грекамъ Доростолъ, освободить плѣнныхъ и возвратиться изъ Мизіи въ свое отечество при взаимной со стороны Грековъ гарантіи безопаснаго выхода русскихъ судовъ, безпрепятственнаго привоза Русскими въ предѣлы имперіи хлѣба и прочихъ товаровъ и пріязненнаго, по прежнему, пріема въ Византіи русскихъ купцовъ. Всѣ эти статейные пункты императоръ одобрилъ и приказалъ, по взаимному уговору, снабдить продовольствіемъ по двѣ мѣры на каждаго изъ 22000 Русскихъ войновъ, оставшихся въ живыхъ изъ 60000, хотя по разсказу лѣтописи нашей, остатокъ былъ вдвое преувеличенъ Русскими. По принятіи Греками мирныхъ условій, Святославъ просилъ допустить его къ colloquium'у съ императоромъ и, лично побесѣдовавъ съ нимъ о мирѣ, причемъ не вылѣзалъ изъ лодки, удалился, въ исполненіе договора отдалъ плѣнныхъ Грековъ, очистилъ Доростолъ и поспѣшилъ съ остаткомъ своихъ дружинъ въ обратный путь. Плѣнные Болгары могли быть удержаны Святославомъ. Лѣтописецъ дальше говоритъ, что Переяславцы сообщили Печенѣгамъ о возвращеніи Святослава въ Русь „въземъ имѣнье много у Грѣкъ и *полонъ безщисленъ*". Надо полагать,

что плѣнные эти были Болгаре, ибо, по Кедрину, Русскіе плѣнили 20000 союзныхъ Грекамъ воиновъ". Лонгиновъ, 92.

[114]) „Возможно, что о гибели Святослава отъ Печенѣговъ, предводительствуемыхъ Курей, имѣлось особое народное преданіе, правильно пріуроченное составителемъ Древн. Свода (подъ вліяніемъ болгарскаго источника) къ возвращенію Святослава изъ Болгаріи". Шахматовъ, Разысканія, 480. Въ Болгарской хроникѣ Манассіи на листѣ 119 помѣщено примѣчаніе: Сьи Цимисхіи црь прѣѧть Прѧсла͠в и възе͠м въсѧ ц͠ркыѧ бѣлѣгы и само͠г Бориса ѿве͠д въ Ц͠ригра͠д, съвлѣче его там съ ц͠рны͠х, и сътворі его магистра. Се же іе͠с санъ вели͠к въ Грьцѣхъ. По прѣѧти же Прѧславъстѣмъ, Свѧтославꙋ кнѧѕꙋ Рускомꙋ поплѣнившꙋ Блъгарскаа земѧ и по͠д себе сътворшꙋ и въ Дрѣстрѣ емꙋ сѣдщꙋ, шед тамо Цимисхи съ многыми ратми побѣди его, само͠г же своеволнѣ ѿпусти иа и ты доше͠д въ Печенѣгы тамо скончасѧ съ вѣми своими въземъ въся царскыя бѣлѣгы (белеги — знаки). Рук. Синодальной библіотеки № 38.

Годъ смерти Святослава опредѣленъ „ошибочно, ибо по греческимъ источникамъ ясно, что Святославъ былъ разбитъ Цимисхіемъ въ 6480 году, слѣдовательно, умеръ въ 6481 году, весной". Шахматовъ, Разысканія, 130. Принимая мартовскій счетъ времени, А. Куникъ полагаетъ, что Святославъ погибъ въ 973 году, т. е. или въ концѣ февраля 6480-го, или въ мартѣ 6481 мартовскаго года. Замѣтка А. Куника о годахъ смерти Великаго князя Святослава Игоревича и Ярослава Владиміровича, Зап. Имп. Ак. Наукъ, т. XXVIII, 156.

Въ Хронографѣ (дошелъ до насъ въ редакціи 1512 года; первоначальную его редакцію А. А. Шахматовъ относитъ къ 1442 году[a]), подъ 6480, въ сообщеніи о смерти Святослава, прибавлено: „и всѣхъ лѣтъ поживе 30". По Ипатскому списку годъ рожденія Святослава пріуроченъ къ 6450 году: *все же лѣто родисѧ С͠тославъ у Игоря*.

[115]) „На Руси сложились сказанія или пѣсни о Святославѣ особеннаго характера: въ нихъ проводилась мысль, запечатлѣнная на обращенномъ въ чашу черепѣ Святослава: *чюжихъ ищя, своя погуби*. О такой надписи на чашѣ печенѣжскаго князя сообщають Ермол., Львовск. и нѣкоторыя другія. Въ Тверскомъ сборникѣ соотвѣтствующее мѣсто утрачено вслѣдствіе выпаденія въ рукописи листа. Но судя по сборнику Пуб. библ. F. IV, 214, вообще сходному съ Тверскимъ сборникомъ, здѣсь,

[a]) *Примѣчаніе*: Къ вопросу о происхожденіи хронографа (Сб. Отд. Рус. яз. и слов. 1899).

кромѣ приведенной надписи, читалось: *и есть чаша сія и донинѣ хранима въ казнахъ князеи Печенѣзкихъ, піаху же изъ нея князи со княгинею въ чертозѣ, егда поимаются, глаголюще сице: каковъ былъ сіи человѣкъ, его же лобъ есть, таковъ буди и родивше отъ насъ*". Шахматовъ, Разысканія, 132.

„За смертію Святослава и его мужей, перебитыхъ Печенѣгами на возвратномъ пути изъ Болгаріи въ Русь, слѣдуетъ перерывъ въ союзныхъ отношеніяхъ кіевскихъ князей съ византійскими императорами. Въ эпоху кровавыхъ междоусобій между сыновьями Святослава невозможно было думать о возобновленіи договора съ Греками на прежнихъ основаніяхъ. Только съ возстановленіемъ единодержавія въ Руси, Владиміръ Святославичъ предпринялъ новый походъ противъ Грековъ"... Самоквасовъ, 24. Свѣдѣнія о движеніи Руси на Грековъ при Владимірѣ Святомъ помѣщены въ *приложеніи* № 6.

Приложеніе №. 1.

ПОХОДЪ АСКОЛЬДА И ДИРА НА ЦАРЬГРАДЪ.

(По Ипатскому списку).

В(ъ) лѣт(о) 6360 индикта 15, наченшю Михаилу [1]) ц(е)с(а)рьствовати, нача ся прозы || вати Руская земля: о семъ бо увѣдахом(ъ), яко при сем(ъ) ц(е)с(а)ри приходиша Русь на Ц(е)с(а)рьград(ъ), якоже пи- л. 8
шется в(ъ) лѣтописании Грѣцком(ъ). Тѣмь же и отселѣ почнем(ъ) и числа положим(ъ).

(Въ) лѣт(о) 6374 [2]). Иде Асколдъ и Дирдъ [а]) на Грѣкы. и приде л. 9.
въ 14 лѣт(о) Михаила ц(е)с(а)ря [3]); ц(е)с(а)рю же, отшедъшю на Агарѧны, и дошедшю ему Черное рѣкы, вѣсть спархъ посла ему, яко Русь идеть на Ц(е)с(а)рьград(ъ) и воротися ц(е)с(а)рь. Си же внутрь Суда
вшедъше [б]), много убиство хр(е)стияномъ створиша, и въ двою сту кораблии Ц(е)с(а)рьград(ъ) оступиша. Ц(е)с(а)рь же одва в(ъ) городъ вниде и с(ъ) патриархом(ъ) Фотиемъ къ сущии ц(е)ркви с(вя)тыи Б(о-
городи)цы въ Лахернѣхъ [б]) всю нощь молитву створиша; такоже б(о)жественную ризу с(вя)тыя Б(огороди)ца с(ъ) пѣсьнѣми изнесъше, в(ъ) рѣку омочиша; тишинѣ сущи и морю укротившюся, абье буря с(ъ) вѣтром(ъ) въста и волнамъ великымъ въставшим(ъ) засобь, и безъбожныхъ Руси корабля смяте и къ берегу привѣрже; и изби я, яко малу ихъ от(ъ) таковыя бѣды избыти и въсвояси възвратишася [4]).

Примѣчанія:

[1]) „На самомъ дѣлѣ первымъ годомъ царствованія Михаила съ Ѳеодорой былъ 6350, а первымъ годомъ единовластія Михаила былъ 6364". А. А. Шахматовъ, Разысканія о древнѣйшихъ русскихъ лѣтописныхъ сводахъ. Спб. 1908, 98.

[2]) „Нашъ лѣтописецъ относитъ нападеніе Аскольда и Дира на Константинополь къ 866-му году. Мы не знаемъ, какими онъ руководился

Примѣчанія: [а]) Въ *Асколдъ* буква *а* и въ *Дирдъ* второе *д* надъ строкой написаны другой рукой. [б]) Вмѣсто *въ Влахернѣхъ* или можетъ быть *Влахернѣхъ*, безъ предлога.

при этомъ основаніями; но какъ бы то ни было, только Византійцы и одинъ западный лѣтописецъ относятъ нападеніе неизвѣстныхъ Руссовъ на Константинополь къ гораздо болѣе раннему времени, и не можетъ подлежать никакому спору и сомнѣнію, что этимъ послѣднимъ должно быть отдано рѣшительное предпочтеніе. Непосредственный современникъ событія, Никита Пафлагонскій, говоритъ о нашествіи Руссовъ прежде событій 861-го года, именно — прежде Константинопольскаго собора на Игнатія (такъ называемаго первовтораго или двукратнаго) и прежде бывшаго въ Константинополѣ въ семъ году (въ августѣ мѣсяцѣ) великаго землетрясенія. А такъ какъ сейчасъ помянутый соборъ былъ въ началѣ мая 861-го года и онъ, по словамъ Никиты, имѣлъ мѣсто „не много спустя" времени послѣ нашествія Руссовъ, то послѣднее должно относить или къ самому началу 861-го года, или къ концу предшествующаго 860-го". *Е. Голубинскій*. Исторія Русской Церкви, I. М. 1901, 39.

Никита Пафлагонскій говоритъ о преподобномъ Игнатіи, бывшемъ въ первый разъ патріархомъ цареградскомъ по 23 ноября 858 г.: „Тутъ же приключилась святому мужу и другая бѣда. Въ то же время злоубійственный скифскій народъ, называемый Руссы (Ρῶς), черезъ Эвксинское море (Понтомъ) прорвались въ заливъ, опустошили всѣ (населенныя) мѣстности и всѣ монастыри, разграбили всю утварь и деньги, умертвили всѣхъ захваченныхъ ими людей. При томъ врывались и въ патріаршескіе монастыри съ варварскою пылкостію и страстью, забрали себѣ все найденное въ нихъ имущество и захвативъ ближайшихъ служителей въ числѣ 22-хъ человѣкъ, на кормъ одного корабля всѣхъ ихъ на куски изрубили топорами".

Догадка Голубинскаго блистательно оправдалась открытіемъ Кюмономъ въ греческомъ хронографѣ XI-го вѣка византійскаго показанія о нападеніи Руси на Царьградъ съ точнымъ обозначеніемъ даты: „18 іюня, 8-го индикта, въ 6368 г. отъ сотворенія міра и въ 5-й годъ царствованія Михаила пришли Русы въ 200-хъ судахъ, помощью всепѣтой Богородицы они были одолѣны христіанами, всесильно поражены и удалились". Эту дату C. de Boor въ статьѣ der Angriff der Rhos auf Byzanz признаетъ единственно правильной — (Byzantinische Zeitschrift, IV. Leipzig, 1895, 445—446).

[3]) „Лѣтописцы греческіе говорятъ о неудачномъ нападеніи на Константинополь въ правленіе императора Михаила III и потомъ о крещеніи какихъ-то неизвѣстныхъ Руссовъ, князей которыхъ (какъ мы сказали) они не называютъ по именамъ и мѣста жительства которыхъ они не указываютъ точнымъ образомъ. Нашъ русскій лѣтописецъ отно-

ешъ разсказъ о нападеніи къ кіевскимъ князьямъ Аскольду и Диру, изъ чего должно слѣдовать, что и христіанство было принято этими же князьями. Вопросъ, слѣдовательно, заключается въ томъ: справедливо ли нашъ лѣтописецъ относитъ сказанія Византійцевъ о неизвѣстныхъ Руссахъ къ Аскольду и Диру и дѣйствительно ли первыхъ можно принимать за послѣднихъ. Мы полагаемъ, что отвѣтъ долженъ быть данъ отрицательный. Если бы Руссы, нападавшіе на Константинополь и потомъ принявшіе христіанство и даже позволившіе водворить у себя епископа, были кіевскіе Русскіе, то какое нибудь преданіе объ ихъ христіанствѣ необходимо должно было бы сохраниться въ Кіевѣ... А между тѣмъ мы видимъ, что таковаго преданія въ Кіевѣ вовсе не было... (Нашъ лѣтописецъ, нашедъ въ греческомъ лѣтописцѣ, бывшемъ у него подъ руками, разсказъ о нападеніи Руссовъ на Константинополь, относитъ его къ Аскольду и Диру, потому что за неимѣніемъ другихъ, извѣстныхъ ему, Руссовъ это представляется ему совершенно вѣроятнымъ..... Подобное совершенное отсутствіе въ Кіевѣ преданія о такихъ важныхъ событіяхъ, какъ крещеніе князей и полученіе своего епископа, по нашему мнѣнію, весьма и самымъ рѣшительнымъ образомъ говоритъ противъ вѣроятности мнѣнія, что Руссы, нападавшіе на Константинополь и потомъ принявшіе крещеніе, были Аскольдъ и Диръ съ своею дружиной. „Но, отстранивъ нашихъ кіевскихъ Руссовъ, мы должны найти другихъ Руссовъ, ибо фактъ, что какіе-то Руссы осаждали Константинополь, остается несомнѣннымъ: гдѣ же мы ихъ возьмемъ? Кедринъ и Зонара говорятъ, что Руссы, нападавшіе на Константинополь, жили около Тавра; Никита Пафлагонскій также даетъ знать, что они жили тамъ же, и мы почти съ полною увѣренностью думаемъ, что подъ этими Руссами должны быть разумѣемы Руссы Азовско-Таврическіе или Азовско-Крымскіе". Голубинскій, I, 37, 38, 41, 42.

„Отмѣтимъ еще одно обстоятельство, упущенное изъ виду Голубинскимъ, а также и Васильевскимъ, по поводу нападенія на Царьградъ 18-го Іюня 860 г. Они оба настаиваютъ на томъ, что этотъ походъ шелъ не отъ Руссовъ Аскольда и Дира или вообще не отъ сѣверныхъ, среднеднѣпровскихъ Руссовъ, а изъ какой-то нижне-днѣпровской или азовско-таврической Руси: то-есть, Васильевскій ведетъ этотъ походъ отъ Готовъ-Руси, а Голубинскій отъ Варяговъ-Руси, слившихся уже въ одно съ Готами Таврическими. Обоими нашими учеными при этомъ упущено изъ виду одно важное обстоятельство, а именно, для этого похода Руси необходимы были большія приготовленія,—постройка новыхъ и починка

старыхъ судовъ, заготовка съѣстныхъ припасовъ, наборъ людей. Могли ли эти приготовленія быть укрыты отъ Грековъ, пріѣзжихъ изъ Царьграда или вообще изнутри имперіи, отъ Грековъ и другихъ христіанъ туземныхъ? Положимъ, что Руссы были одинъ народъ по происхожденію съ Готами, но вѣдь ни всѣ Руссы, нападавшіе на Константинополь, ни даже большая ихъ часть не были христіанами, тогда какъ всѣ Таврическіе Готы и Тетракситы были старыми христіанами.... Такое тайное отъ Грековъ и большое приготовленіе Руссовъ къ походу на Царьградъ могло произойти лишь вдали отъ Грековъ на верхнемъ и среднемъ Днѣпрѣ. На нижнемъ же Днѣпрѣ или въ его устьяхъ не было возможности снарядить флотилію, за неимѣніемъ подъ рукой лѣсу. Съ верхняго или средняго же Днѣпра должны были исходить и нашествія Руссовъ на Амастриду и Сурожъ, если они дѣйствительно происходили". В. И. Ламанскій, Славянское житіе св. Кирилла какъ религіозно-эпическое произведеніе и какъ историческій источникъ. Ж. М. Н. П. 1903, май, 152—154.

[4]) Нашъ лѣтописецъ въ своемъ разсказѣ придерживается хроники Симеона Логовета, продолжателя Георгія Амартола. Симеонъ, родившійся вѣроятно въ началѣ X вѣка, лѣтописалъ въ 942—948 гг. Онъ могъ знать о нападеніи Руси въ 860-омъ году изъ устныхъ разсказовъ стариковъ очевидцевъ. Вотъ какъ онъ описываетъ событіе: „Царь двинулся въ походъ противъ Агарянъ, оставивъ для охраненія города нарха Оориху. Когда царь находился уже у Мавропотама, но не совершилъ еще ни одного изъ своихъ намѣреній или предпріятій, нархъ увѣдомилъ его о нашествіи безбожныхъ Россовъ. Царь съ начатаго пути возвратился, и ради того дѣла, изъ-за котораго возвратился, не совершилъ ничего царскаго и благороднаго. Россы поспѣшно проникли внутрь Іера, перебили много христіанъ и пролили невинную кровь. У нихъ было 200 судовъ, которыми они окружили городъ и навели великій страхъ на обитателей. Царь, возвращаясь, едва могъ пробраться (сквозь цѣпь русскихъ судовъ). Царь и патріархъ вмѣстѣ пришли во храмъ Влохернскія Богоматери и тамъ умилостивляли и просили Бога; потомъ, съ нѣснопѣніемъ вынесши св. Омофоръ Богоматери, погрузили его у края моря. Была тишина, но вдругъ поднялся вихрь и на спокойномъ дотолѣ морѣ забушевали сердитыя волны, суда безбожныхъ Россовъ были опрокинуты и только немногіе избѣгли опасности". Прод. Амартола по изданію Муральта, ст. 736. Филиппъ Терновскій. Изученіе Византійской исторіи и ея тенденціозное приложеніе къ древней Руси. Кіевъ. 1875, 108.

Извѣстіе Логовета почти буквально повторено закончившимъ свою всемірную хронику въ 1013 г. Львомъ Грамматикомъ и Симеономъ Магистромъ, по всей вѣроятности писавшимъ во второй половинѣ X вѣка (Ferdin. von. Hirch. Byz. Studien. Leipz. 1876, ss. 91 ff.).

Отказываясь принять за достовѣрный разсказъ о прибытіи императора Михаила въ Царьградъ, о чемъ патріархъ Фотій въ своихъ бесѣдахъ не обмолвился ни словомъ, В. И. Ламанскій говоритъ: „Я уже выше указывалъ, что поспѣшное удаленіе аскольдовой Руси изъ подъ Царьграда, похожее на бѣгство, объясняется чисто внутренними побужденіями и частью лишь такими внѣшними причинами, какъ физическое и нравственное разстройство ширатовъ, появившаяся сильная смертность въ ихъ рядахъ. Если Греки ихъ и испугали, поразили подъ конецъ, то не внѣшнею своею силою, а своими духовными процессіями по стѣнамъ осажденнаго города". Ламанскій, XII, 391.

Изъ западныхъ о нападеніи 860 года говоритъ венеціанскій лѣтописецъ Іоаннъ Діаконъ (писалъ въ самомъ началѣ XI вѣка). По его словамъ Норманы, подошедши къ Константинополю въ 369 ладьяхъ, не могли взять его, но сильно повоевали его предмѣстья, погубили много народу и затѣмъ побѣдоносно (cum triumpho) воротились восвояси.

Но самымъ интереснымъ документомъ о нападеніи Россовъ въ 860-омъ году для насъ являются бесѣды патріарха Фотія, который во время самой осады произнесъ въ храмѣ св. Софіи проповѣдь по случаю постигшаго столицу несчастія. Затѣмъ, вскорѣ послѣ ухода непріятеля, онъ еще разъ говорилъ о нападеніи Россовъ. Для насъ бесѣды Фотія представляютъ исключительный интересъ, потому что въ этихъ бесѣдахъ слышенъ голосъ современника, непосредственно пережившаго всѣ тревоги тѣхъ дней. Поэтому въ *приложеніи* № 2 мы помѣщаемъ извлеченіе изъ обѣихъ бесѣдъ Фотія о Россахъ. Слѣдуетъ замѣтить, что кодексъ Эскуріальной библіотеки, въ которомъ заключались бесѣды патріарха Фотія, погибъ во время пожара 1671 года;[а] кодексъ Московской Синодальной библіотеки съ этими бесѣдами, равно какъ и списокъ съ нихъ, отосланный Папсіемъ Лигаридомъ къ Николаю Гейнзію, утратились неизвѣстно куда.[б] (Христіанское чтеніе 1882, IX—X, 418). Но во второй половинѣ XIX вѣка были найдены два рукописныхъ кодекса, одинъ съ 14 бесѣдами Фотія (въ Константинополѣ, въ подворьѣ гроба

Примѣчаніе: [а] E. Miller. Catalogue des manuscrits grecs de la biblioth. de l'Escorial. Paris, 1848. [б] A. Nauck. Zexicon Windabonense. Accedit appendix duas Photii homilias et alia opuscula complectens. Petrop. 1867. p. XXIII etc.

Господня, откуда потомъ онъ перенесенъ въ Іерусалимскую Патріаршую библіотеку), а другой съ 16 бесѣдами Фотія (въ Аѳонскомъ Иверскомъ монастырѣ). Этотъ послѣдній первоначально принадлежалъ Константинопольскому патріарху Діонисію и написанъ въ первой половинѣ XVII-го столѣтія (окончен 26 апрѣля 1627 г.) на бумагѣ, въ листъ. Архимандритъ, впослѣдствіи епископъ, Порфирій Успенскій нашелъ творенія Фотія въ библіотекѣ Иверскаго монастыря и издалъ въ русскомъ переводѣ, а отчасти и въ подлинникѣ, въ книгѣ подъ заглавіемъ: Четыре бесѣды Фотія, святѣйшаго архіепископа Константинопольскаго, и разсужденіе о нихъ архимандрита Порфирія Успенскаго. Спб. 1864.

Въ болѣе исправномъ видѣ первыя двѣ рѣчи изданы акад. Наукомъ [Lexicon Vindobonense. Petropoli, 1867. p. 201 — 232]. С. Мёлеромъ [Fragmenta historicorum graecorum. T. V. Paris. 1870] и С. Аристархисомъ въ Ἐκκλησιαστὶ Ἀλήθεια. т. II, 1881. 133—140. 197—206.

Затѣмъ профессоръ Е. П. Ловягинъ, въ Христіанскомъ чтеніи за 1882 годъ (сентябрь и октябрь), указавъ на неточность перевода Успенскимъ многихъ мѣстъ и на невѣрное чтеніе подлиннаго греческаго текста, далъ переводъ бесѣдъ Фотія на русскій языкъ съ текста, помѣщеннаго въ указанномъ греческомъ журналѣ.

Приложеніе № 2.

Извлеченіе изъ бесѣдъ святѣйшаго Фотія, архіепископа Константинопольскаго, на нашествіе Россовъ.

(Въ переводѣ профессора Е. И. Ловягина. Христіанское Чтеніе. 1882, сентябрь и октябрь. Двѣ бесѣды святѣйшаго патріарха Константинопольскаго Фотія по случаю нашествія Россовъ на Константинополь. Е. Л.).

Святѣйшаго Фотія, архіепископа Константинопольскаго бесѣда первая на нашествіе Россовъ.

Что это? Что за ударъ и гнѣвъ, столь тяжелый и поразительный? Откуда нашла на насъ эта сѣверная и страшная гроза? Какія сгущенныя облака страстей и какихъ судебъ мощныя столкновенія воспламенили противъ насъ эту невыносимую молнію? Откуда нахлынуло это варварское упорное и грозное море..... тѣла самихъ людей жалко сокрушающее и весь родъ (нашъ) горестно истребляющее?..... Посему (рѣчь идетъ о грѣхахъ) шумъ брани и разрушеніе войны на землѣ нашей. Посему *открылъ Господь хранилище Свое и взялъ изъ него сосуды гнѣва Своего.* (Іерем. L, 25). Посему *народъ вышелъ отъ страны сѣверной*, устремляясь какъ бы на другой Іерусалимъ, *и племена поднялись отъ краевъ земли, держа лукъ и копье; они жестоки и немилосерды; голосъ ихъ шумитъ какъ море; мы услышали вѣсть о нихъ*, или, лучше, увидѣли грозный видъ ихъ,—*и руки у насъ опустились, скорбь объяла насъ и муки, какъ женщину въ родахъ; не выходите въ поле и не ходите по дорогѣ, ибо мечъ со всѣхъ сторонъ.* (Іер. VI, 22—25)..... Не вижу я теперь и пользы отъ слезъ: ибо, когда предъ нашими глазами мечи враговъ обагряются кровью (нашихъ) единоплеменниковъ, а мы, видя это, вмѣсто того, чтобы помочь, бездѣйствуемъ, не зная, что дѣлать и проливаемъ слезы, какое отъ этого утѣшеніе несчастнымъ? Хотя бы большія рѣки образовались изъ потоковъ крови отъ убитыхъ тѣлъ или изъ проливаемыхъ нашими очами слезъ, но если вытекающими оттуда потоками кровеносной влаги не смывается скверна прегрѣшеній, то какъ могутъ смыть ее ручьи (слезъ) изъ очей?..... Не теперь—ходить ко всенощнымъ службамъ и на литіи, ударять себя въ грудь и глубоко вздыхать, воздѣвать руки и преклонять колѣна, жалобно плакать и печально смотрѣть, когда на насъ направлены изощренныя жала смерти..... Горе мнѣ..... отъ того,..... что я вижу, какъ туча варваровъ увлажаетъ кровію засохшій отъ грѣховъ

городъ нашъ..... что неожиданное нашествіе варваровъ не дало времени молвѣ возвѣстить о немъ, дабы можно было придумать что-нибудь для безопасности, но въ одно и то же время мы и увидѣли, и услышали, и пострадали, хотя напавшіе и отдѣлены были (отъ насъ) столькими странами и народоначальствами, судоходными рѣками и безпристанищными морями [1]). Горе мнѣ, что я вижу, какъ народъ грубый и жестокій окружаетъ городъ и расхищаетъ городскія предмѣстія, все истребляетъ, все губитъ: нивы, жилища, пастбища, стада, женщинъ, дѣтей, старцевъ, юношей, всѣхъ поражаетъ мечомъ, никого не жалѣя, ничего не щадя; всеобщая гибель! Онъ, какъ саранча на жатву и какъ плѣсень на виноградъ, или лучше, какъ зной или тифонъ, или наводненіе, или не знаю что назвать, напалъ на нашу страну и истребилъ цѣлыя поколѣнія жителей..... Гдѣ теперь царь христолюбивый? Гдѣ воинства? Гдѣ оружія, машины, военные совѣты и припасы? Не другихъ ли варваровъ нашествіе удалило и привлекло къ себѣ все это? Царь переноситъ продолжительные труды за предѣлами (имперіи) вмѣстѣ съ нимъ отправилось переносить труды и войско... Этотъ скиѳскій грубый и варварскій народъ, какъ бы выползши изъ самыхъ предмѣстій города, подобно полевому звѣрю истребляетъ окрестности его. (Пс. LXXIX, 14). Кто же будетъ поборать за насъ? Кто противозстанетъ врагамъ? Всего мы лишены, совсѣмъ безпомощны.... Пріиди ко мнѣ плачевнѣйшій изъ пророковъ и оплачь со мною этотъ Іерусалимъ, еще не взятый и не низложенный, но уже близкій къ тому, чтобы быть взятымъ и видимо потрясаемый; оплачь со мною этотъ царственный городъ, еще не отведенный въ плѣнъ, но уже отдавшій въ плѣнъ надежду спасенія..... О царственный городъ, какія бѣды столпились вокругъ тебя! И родныхъ дѣтей твоихъ, и красивыя предмѣстья столицы поглащаютъ бездны моря и уста огня и меча, распредѣляя ихъ между собою по обычаю варваровъ..... О городъ, царствующій почти надъ всею вселенною, какое войско,—необученное военному искуеству и составленное изъ рабовъ,—глумится надъ тобою, какъ бы надъ рабомъ! О городъ, украшенный добычами многихъ народовъ, какой народъ вздумалъ обратить тебя въ свою добычу! О (городъ) воздвигшувшій множество памятниковъ побѣды надъ врагами Европы, Азіи и Ливіи, какъ теперь простерла на тебя копье варварская и низкая рука, поднявшись поставить памятникъ побѣды надъ тобою.

Того же святѣйшаго Фотія, архіепископа Константинополя, Новаго Рима, вторая бесѣда на нашествіе Россовъ.[а]

Я увѣренъ, что всѣ сознали, какъ способные постигать отношеніе Бога къ людямъ, такъ и не умѣющіе понимать судебъ Божіихъ, вообще всѣ вы, я думаю, сознали и уразумѣли, что отяготѣвшая надъ нами опасность и грозное нашествіе народа постигли насъ не отъ чего иного, какъ отъ гнѣва и негодованія Господа Вседержителя..... Такимъ образомъ и надъ нами теперь разразилась приключившаяся бѣда, какъ явное обличіе нашихъ прегрѣшеній. Подлинно, она совершенно не похожа на другія нападенія варваровъ, но и нечаянность нашествія, и необычайная быстрота его, и безчеловѣчіе варварскаго племени, и жестокость дѣйствій, и свирѣпость нрава (его) доказываютъ, что этотъ ударъ, какъ молнія, ниспосланъ былъ съ неба..... Тѣ, для которыхъ нѣкогда одна молва о Ромеяхъ[б] казалась грозою, подняли оружіе противъ самой державы ихъ и всплескали руками, неистовствуя въ надеждѣ взять царственный городъ, какъ птичье гнѣздо. Они разграбили окрестности его и разорили предмѣстія. Жестоко поступили съ захваченными и дерзновенно расположились вокругъ всего этого (города), показавъ такую отвагу и надменность отъ нашего нерадѣнія, такъ что жители не смѣли и смотрѣть на нихъ прямыми и неробкими глазами. Но отъ чего слѣдовало бы имъ гораздо мужественнѣе сражаться съ врагами, отъ того самаго ослабѣвали и падали: убіеніе единоплеменниковъ ихъ варварами должно было бы произвести справедливый гнѣвъ и требовать нанесенія такого же возмездія съ основательными надеждами (на успѣхъ), а они, оробѣвши и струсивши, растерялись, приявъ страданіе плѣнныхъ за собственное плѣненіе, тогда какъ отъ нихъ, спасшихся, — слѣдовало быть отмщенію за подвергшихся несчастію [2]).

Народъ неименитый, народъ несчитаемый (ни за что), народъ, поставляемый наравнѣ съ рабами, неизвѣстный, но получившій имя со времени похода противъ насъ, незначительный, но получившій зна-

---

Примѣчанія: [а]) См. Отчеты о засѣданіяхъ Имп. Общ. любит. древней письменности въ 1893—1894 году, 18, 19. [б]) Византійцы называли себя Ромеями, т. е. римскими гражданами, а Константинополь Новымъ Римомъ.

ченіе, уничиженный и бѣдный, но достигшій блистательной высоты и несмѣтнаго богатства, народъ гдѣ-то далеко отъ насъ живущій, варварскій, кочующій, гордящійся оружіемъ, неожиданный, незамѣченный, безъ военнаго искусства, такъ грозно и такъ быстро нахлынулъ на наши предѣлы, какъ морская волна, и истребилъ живущихъ на этой землѣ, какъ полевой звѣрь (Псал. LXXIX, 14) истребляетъ траву или тростникъ или жатву [3]). О какое бѣдствіе, ниспосланное намъ отъ Бога! Не щадя ни человѣка, ни скота, не снисходя къ немощи женщинъ, не жалѣя нѣжности дѣтей, не уважая сѣдины старцевъ, не смягчаясь ничѣмъ отъ чего обыкновенно смягчаются люди, даже дошедшіе до свойства звѣрей, но всякій возрастъ и полъ поражая мечемъ. Можно было видѣть, какъ младенцы, отторгаемые отъ сосцовъ, лишаемы были молока и самой жизни и готовымъ гробомъ для нихъ были, — увы! — тѣ скалы, объ которыя они были разбиваемы, а матери жалостно рыдали и были закалаемы вмѣстѣ съ разрываемыми и трепещущими предъ смертію младенцами.... Эта свирѣпость простиралась не только на человѣческій родъ, но жестоко умерщвляла и всѣхъ безсловесныхъ животныхъ: воловъ и лошадей, птицъ и прочихъ (животныхъ), какія только попадались; лежалъ волъ и около него человѣкъ, дитя и лошадь получали общую могилу, женщины и птицы обагряли кровію другъ друга. Все было наполнено мертвыми тѣлами; въ рѣкахъ вода превращалась въ кровь; источники и водоемы одни нельзя было распознать отъ того, что вмѣстилища ихъ были завалены мертвыми тѣлами, отъ другихъ оставались совершенно неясные слѣды прежняго вида, потому что брошенное въ нихъ наполняло остальныя ихъ части; мертвыя тѣла загноили нивы, стѣснили дороги; рощи одичали и сдѣлались непроходимыми болѣе отъ этихъ (труповъ), нежели отъ поростковъ и запустѣнія; пещеры наполнились ими; горы и холмы, лощины и овраги нисколько не отличались отъ городскихъ кладбищъ... О какъ все тогда разстроилось и городъ едва, такъ сказать, не былъ поднятъ на копье! Когда легко было взять его, а жителямъ невозможно защищать, то очевидно отъ воли непріятеля зависѣло—пострадать ему или не пострадать.... Помните ли вы тотъ трепетъ и тѣ слезы и рыданія, которымъ тогда предавался весь городъ въ крайнемъ отчаяніи? Помните ли ту мрачную и страшную ночь, когда жизнь всѣхъ насъ готова была закатиться вмѣстѣ съ закатомъ солнца и свѣтъ нашего бытія поглощался глубокимъ мракомъ смерти? Помните ли тотъ часъ невыносимо-горестный, когда приплыли къ намъ варварскіе корабли, дышущіе чѣмъ-то свирѣпымъ, дикимъ и убійственнымъ, когда море тихо и безмятежно

разстилало хребетъ свой, доставляя имъ пріятное и вожделѣнное плаваніе, а на насъ воздымая свирѣпыя волны брани,—когда они проходили предъ городомъ, неся и выставляя пловцовъ, поднявшихъ мечи, и какъ бы угрожая городу смертію отъ меча,—когда всякая надежда человѣческая оставила (здѣшнихъ) людей и городъ держался надеждою на единственное прибѣжище у Бога,—когда трепетъ и мракъ объялъ умы и слухъ отверзался только для одной вѣсти: „варвары уже перелѣзли черезъ стѣны и городъ уже взятъ врагами"!? Ибо неожиданность событія и нечаянность нашествія какъ бы заставляла всѣхъ воображать и слышать это.....

Мы увидѣли враговъ нашихъ удаляющимися и городъ, которому угрожало расхищеніе, избавившимся отъ разоренія, тогда... Когда же? Когда мы, оставшись безъ всякой защиты и не имѣя помощи отъ людей, воодушевлялись надеждами на Матерь Слова и Бога нашего..... Ея одѣяніе для отраженія осаждающихъ и огражденія осаждаемыхъ носилъ со мною весь городъ и усердно мы возносили моленіе и совершали литіи; отъ того по неизреченному человѣколюбію, при материнъ дерзновенномъ ходатайствѣ, и Богъ преклонился, и гнѣвъ (Его) отступилъ, и помиловалъ Господь достояніе свое..... Ибо какъ только эта Дѣвственная Риза была обнесена по стѣнѣ, варвары принялись снимать осаду города, а мы избавились отъ ожидаемаго плѣна и сподобились неожиданнаго спасенія... Нечаянно было нашествіе враговъ, неожиданно совершилось и удаленіе ихъ..... [4]).

Примѣчанія:

[1]) Ключевскій замѣчаетъ, что по словамъ Фотія, „Русь очень ловко смастерила набѣгъ, тихонько подкралась къ Константинополю, когда Императоръ Михаилъ III съ войскомъ и флотомъ ходилъ на Сарацинъ, оставивъ свою столицу беззащитной съ моря. Значитъ Русь не только хорошо знала морской путь къ Царьграду, но и умѣла добывать своевременныя свѣдѣнія о дѣлахъ Византіи: сами Греки дивились нечаянности и необычайной быстротѣ нападенія". Ключевскій, Курсъ русской исторіи, 1908, ч. I, 172.

[2]) Это мѣсто Порфирій Успенскій переводилъ иначе. Вотъ его переводъ: „Ибо эти варвары справедливо разсвирѣпѣли за умерщвленіе соплеменниковъ ихъ, и благословно требовали и ожидали кары равной злодѣянію. А наши отъ страха, отъ пораженія, разслабѣли такъ, что страданія захваченныхъ начали ставить въ зачетъ собственнаго плѣна

и воображеніемъ придумывать, кто бы долженъ отомстить за несчастныхъ."

Приводя эти слова П. Успенскій заключаетъ: „Коротко и ясно! Теперь мы знаемъ законную причину войны Россовъ съ Византіей въ дни Фотія". „Византійскіе Греки умертвили нѣсколькихъ Россовъ, которые должны были имъ что то малое, ничтожное. Вотъ причина войны". П. Успенскій имѣетъ въ виду мѣсто рѣчи Фотія въ первой бесѣдѣ, которое въ его переводѣ читается такъ: „И какъ не терпѣть намъ страшныхъ бѣдъ, когда мы убійственно расчитались съ тѣми, которые должны были намъ что-то малое, ничтожное? Многіе и великіе изъ насъ получали свободу (изъ плѣна) по человѣколюбію, а сами немногихъ молотильщиковъ безчеловѣчно сдѣлали своими рабами". П. Успенскій, 77.

В. Г. Васильевскій по этому поводу говоритъ: „объясняя причину нашествія Русскихъ, новѣйшіе историки пишутъ: дѣло въ томъ, что за нѣсколько времени греческое правительство нарушило свои торговые договоры съ русскимъ народомъ и допустило избить многихъ русскихъ торговцевъ, проживавшихъ въ Византіи; ссора съ ними возникла изъ-за какого-то незначительнаго долга. Тщетно Русь требовала удовлетворенія за обиду и т. д. Ничего подобнаго не бывало. Всякій свѣдующій человѣкъ догадается, что избіеніе русскихъ торговцевъ произошло не отъ мнимаго умерщвленія русскихъ молотильщиковъ. Преосвященному Порфирію принадлежитъ слава перваго изданія бесѣдъ Фотія на нашествіе Руси, но давно извѣстно, что честь болѣе правильнаго и филологическаго изданія принадлежитъ другимъ. Преосвященный Порфирій читалъ: *πολλῶν καὶ μεγάλων ἐλευθεροθέντων, ὀλίγους ἄλλους ἀφιλανθρώπως ἐδουλώσαμεν* (многіе и великіе изъ насъ получали свободу изъ плѣна по человѣколюбію: а мы немногихъ молотильщиковъ безчеловѣчно сдѣлали своими рабами). Въ изданіи акад. Наука, вмѣсто такихъ страшныхъ противопоставленій, мы читаемъ: (Lexicon Vindobonense, 203) *πολλῶν δὲ καὶ μεγάλων φιλανθρώπως ἐλευθερωθέντες ὀλίγων ἄλλους ἐδουλώσαμεν*. Освобожденные отъ многихъ и великихъ (долговъ въ отношеніи къ Богу), мы другихъ за немногое обращали въ рабство. Во всей довольно длинной тирадѣ, которая заключаетъ въ себѣ вышеприведенную фразу, и которою начинается первая бесѣда Фотія, рѣчь идетъ вообще о грѣхахъ, вызвавшихъ гнѣвъ Божій, при чемъ постоянно противополагается милосердіе Господне жестокосердію людскому въ отношеніи къ ближнимъ (*τοὺς πλησίον*). Обращенные въ рабство, закабаленные Византійцами „другіе" (= молотильщики)—именно

были ихъ „ближніе“ въ христіанскомъ смыслѣ слова или „сорабы“ (ὁμοδούλων), служившіе одному господину, т. е. Спасителю или Христу. Избіеніе русскихъ торговцевъ Греками, очевидно, взято изъ второй бесѣды Фотія, гдѣ описываются миновавшіе ужасы русскаго нашествія. Приводимъ данное мѣсто сначала въ переводѣ преосв. Порфирія, а затѣмъ въ подлинникѣ. „Тѣ которыхъ усмиряла самая молва о Ромеяхъ, смѣло окружили городъ, сдѣлавшись отважными по причинѣ нашего бездѣйствія, такъ что мы не смѣли и посмотрѣть на нихъ прямо и неробко, напротивъ разслабѣли и упали духомъ отъ самаго того, отъ чего имъ повадно было воевать мужественно. Ибо эти варвары справедливо разевирѣпѣли за умерщвленіе соплеменниковъ ихъ, и благословно требовали и ожидали кары равной злодѣянію. А наши отъ страха, отъ пораженія разслабѣли такъ, что страданій захваченныхъ начали ставить въ зачетъ собственнаго плѣна и воображеніемъ придумывать, кто бы могъ отмстить за несчастнаго“.

Соотвѣтствующій греческій текстъ въ обоихъ изданіяхъ (преосв. Порфирія и акад. Наука) прочитанъ почти вполнѣ одинаково: мы приводимъ его съ тѣхъ словъ, которыми начинается отмѣченная разрядкою тирада русскаго перевода (со слова напротивъ): Ἀλλ᾽ ἐξ ὧν εἰκὸς ἦν μᾶλλον αὐτούς (= τοὺς ἐνοικοῦντας) ἀνδρικώτερον τοῖς πολεμίοις συμπλέκεσθαι, τούτοις ἐξενευροῦντο καὶ κατέπιπτον τὴν γὰρ εἰς τοὺς ὁμοφύλους τῶν Βαρβάρων μιαιφονίαν δέον ποιεῖσθαι ὀργὴν καὶ μετ᾽ εὐλόγων ἐλπίδων τὴν ἴσην τιμωρίαν ἐπάγεσθαι ἀπαιτεῖν. Οἱ δὲ κατεπτηχότες καὶ ἐκπεπληγμένοι παρελέλυντο, τὰ πάθη τῶν ἁλωκότων οἰκείαν ἅλωσιν οἱ σεσωσμένοι καὶ παρ᾽ ὧν ἐκδίκησις τοῖς ἠτυχηκόσιν ὠφείλετο φανταζόμενοι. Это значитъ: „они (т. е. жители Царьграда) разслабѣли и упали духомъ отъ того самаго, отъ чего по настоящему имъ слѣдовало бы мужественнѣе схватиться со врагами. Тогда какъ кровавыя злодѣйства варваровъ (то-есть, Русскихъ) противъ соплеменниковъ (то-есть Грековъ), должны были возбудить въ нихъ справедливый гнѣвъ и вызвать съ основательными надеждами (на удовлетвореніе) требованіе о соотвѣтствующемъ отмщеніи, вмѣсто того они (то-есть, жители Царьграда, Греки) отъ страха и ужаса совершенно разслабѣли, такъ что тѣ, которые остались въ безопасности (спасенные) и были обязаны отмстить за потерпѣвшихъ, своимъ воображеніемъ превратили страданія плѣнниковъ въ собственное плѣненіе“.

Итакъ, совершенно наоборотъ, въ приведенномъ отрывкѣ рѣчь идетъ не объ избіеніи Русскихъ Византійцами не за долго до нашествія ихъ на Царьградъ, а напротивъ, объ избіеніи Грековъ Русскими во время самаго нашествія. Мысль Фотія довольна ясна и проста: звѣр-

скія жестокости Русскихъ противъ Грековъ должны были возбудить жажду мести въ соплеменникахъ: вмѣсто того они повергли ихъ въ ужасъ и оцѣпенѣніе, совершенно парализовали ихъ энергію"..... В. Г. Васильевскій, Русско-Византійскіе отрывки. Ж. М. Н. П. 1878, III. 175—177.

Приводимъ заключенія нашихъ историковъ, основанныя на словахъ Фотія въ переводѣ Порфирія Успенскаго.

„Фотій намекаетъ на убіеніе какихъ-то русскихъ людей. На основаніи послѣдующихъ отношеній можемъ заключить, что тутъ дѣло идетъ о русскихъ торговцахъ; ибо Русь съ самаго начала является народомъ не только воинственнымъ, но и торговымъ. Гдѣ произошло это убійство или обида русскихъ торговцевъ, неизвѣстно; событіе могло совершиться въ Царьградѣ или гдѣ-либо по близости его; но оно могло также произойти и въ Корсуни, этомъ важномъ торговомъ пунктѣ, лежавшемъ на пограничьи Византійскаго міра съ сѣверными варварами". Д. Иловайскій. Разысканія о началѣ Руси. М. 1876. 158. „Нападеніе Аскольда и Дира было вызвано, по словамъ Фотія, тѣмъ, что греческій народъ нарушилъ договоръ; предпринято было съ цѣлью отомстить за обиду, нанесенную ея землякамъ, русскимъ купцамъ, повидимому за неуплату долга, слѣдовательно имѣло цѣлью возстановить торговыя сношенія, насильственно прерванныя Греками. Значитъ еще до 860 г. между Русскими и Византійцами существовали торговыя сношенія, закрѣпленныя днѣпромъ, актомъ, и узломъ этихъ сношеній былъ Кіевъ, откуда вышелъ смѣлый набѣгъ 860 г." Ключевскій, ч. I, 172.

[3]) „Фотій въ своихъ проповѣдяхъ по случаю нападенія Руси на Царьградъ и въ послѣдовавшемъ затѣмъ Окружномъ посланіи объясняетъ происхожденіе этой русской дерзости. Народъ ни кѣмъ не знаемый до этого нападенія, ничтожный, по словамъ Фотія, вдругъ сталъ пресловутымъ, прославленнымъ послѣ этого отважнаго дѣла, а отвага внушена была ему тѣмъ, что недавно онъ поработилъ сосѣднія племена и этотъ успѣхъ сдѣлалъ его черезчуръ гордымъ и дерзкимъ. Значитъ, какъ только основалось въ Кіевѣ варяжское княжество, отсюда началось сосредоточеніе силъ страны и возникло первое общерусское предпріятіе, вызванное общимъ интересомъ, — обезпеченіемъ торговыхъ сношеній". Ключевскій. Ч. I, 174. Читая эти строки Василія Осиповича Ключевскаго нужно имѣть въ виду Окружное посланіе Фотія къ епископамъ въ 867 году, [a]) въ которомъ патріархъ говоритъ: „И не только этотъ народъ

Примѣчаніе: [a]) Окружное посланіе въ собраніи писемъ Фотія по изданію Монтакуція, Londoni, 1651, p. 58, по изданію Валетты, тамъ же, 1864, p. 178.

(Болгары) промѣнялъ первое нечестіе на вѣру во Христа, но даже и многими многократно прославленные и въ жестокости и скверноубійствѣ всѣхъ оставляющіе за собою такъ называемые Руссы (Τὸ Ῥῶς), которые, поработивъ находящихся кругомъ себя и отсюда помысливъ о себѣ высокое, подняли руки и противъ Римской державы, — въ настоящее время даже и сіи промѣняли эллинское и нечестивое ученіе, которое содержали прежде, на чистую и неподдѣльную вѣру христіанскую, съ любовію поставивъ себя въ чинѣ подданныхъ и друзей (нашихъ), вмѣсто грабленія насъ и великой противъ насъ дерзости, которую имѣли не за долго". Fotii epist. 58. „Соображенія чисто психологическія заставляютъ признать, что вскорѣ послѣ катастрофы Варяги Аскольдовы отправили свое, упоминаемое патріархомъ Фотіемъ, посольство въ Византію, о коемъ говорятъ записка еп. Гавдерика и славянское житіе Кириллово". Ламанскій, Ж. М. Н. П. 1903, іюнь, 382—383. В. П. Ламанскій полагаетъ, что Хазарская миссія Константина Философа и была собственно тою русскою миссіею, о которой говорилъ патріархъ Фотій въ своемъ Окружномъ посланіи 866—7 г. Житіе св. Кирилла, какъ рел. эпич. произведеніе, Ж. М. Н. П. 1904, апр. 239.

[1]) Въ Никоновской лѣтописи (ч. I. с. 21, 22), составленной по источникамъ, часть которыхъ могла и не дойти до насъ, подъ 876-мъ годомъ, говорится какъ-бы о второмъ походѣ Россовъ на Царьградъ: „Роди же, нарицаемии Руси, иже и Кумани, живяху въ Ексинопонтѣ и начаша плѣновати страну Римляньскую и хотяху понти и въ Константинограду, но възбрани имъ вышнии Промыслъ, и паче же и приключился имъ гнѣвъ Божии, и тогда възвратишася тщіи князи ихъ Аскольдъ и Диръ. Василіи же много воиньствова на Агаряны и Манихеи, сътвори же и мирное устроеніе съ прежереченными Русы; и преложи сихъ на христіанство, и обѣщавшееся креститися". По свидѣтельству Константина Багрянороднаго (въ Житіи и Дѣяніяхъ Василія Македонянина): „Императоръ Василій, щедро одаривъ Руссовъ золотомъ, серебромъ и шелковыми тканями, склонилъ ихъ къ *договору* и даже убѣдилъ сдѣлаться послѣдователями вѣры Христовой и принять къ себѣ архіерея, назначеннаго патріархомъ" (Scrip. Byzant. post Theofan, 211) Д. Я. Самоквасовъ, Курсъ исторіи русскаго права. М. 1908, 3.

Можетъ быть нѣкоторый свѣтъ по вопросу о договорѣ бросаетъ Слово о положеніи ризы Богородицы во Влахернахъ, которое, какъ полагаетъ Хр. Лопаревъ, принадлежитъ Георгію, хартофилаксу св. Софіи

половины IX столѣтія.[a] Въ немъ говорится: „Казалось же, и это убѣдило вѣрнѣйшаго царя, что начальникъ столькихъ тѣхъ народовъ, для утвержденія мирныхъ договоровъ, лично желалъ его увидѣть. Впрочемъ, объ этомъ пусть разсказываютъ другія книги". „Къ великому сожалѣнію, и въ самомъ главномъ для насъ мѣстѣ разсказа Георгій очень кратокъ, отсылая за подробностями о нашествіи Русскихъ къ другимъ книгамъ, тѣмъ не менѣе онъ все-таки передаетъ результатъ нашествія—заключеніе мира между Русскими и Греками: начальникъ столькихъ народовъ для заключенія мира, повидимому, желалъ лично видѣться съ императоромъ и царь внялъ этому.... Между Греками и Русскими, между христіанами и язычниками заключенъ былъ миръ.... Мы выше видѣли, что Георгій написалъ слово о Ризѣ Богородицы въ 866 — 867 году; значитъ въ теченіи какихъ нибудь пяти-шести лѣтъ создалась уже литература о нашествіи Русскихъ и о заключенномъ ими мирѣ. Современники, говоря объ этомъ событіи, вѣроятно касались и статей перваго русскаго договора съ Византіею 860 года, но текста его не сохранилось, какъ и не сохранилось греческихъ текстовъ и отъ договоровъ X столѣтія". Хр. Лопаревъ, Старое свидѣтельство о Положеніи ризы Богородицы во Влахернахъ въ новомъ истолкованіи примѣнительно къ нашествію Русскихъ на Византію въ 860 году. Византійскій Временникъ, II, 1895, 593, 594, 614, 615.

„Если Русь въ 864 году отважилась сдѣлать нападеніе прямо на Царьградъ, то понятно, что она уже хорошо была знакома съ Чернымъ моремъ и съ его берегами, что, слѣдовательно, этотъ первый набѣгъ на столицу Византійской имперіи не былъ вообще ея первымъ морскимъ набѣгомъ на предѣлы имперіи. Такимъ образомъ намъ становятся болѣе понятными извѣстія о Руси, встрѣчающіяся въ житіяхъ св. Георгія, епископа Амастридскаго и св. Стефана, епископа Сурожскаго". Д. Иловайскій, Разысканія о началѣ Руси. М. 1876, 158. Оба упомянутыхъ святыхъ жили въ VIII вѣкѣ. Амастрида или Амастра (теперь Амассера) приморскій городъ на южномъ берегу Чернаго моря, между Пендераклією и Синопомъ. Руссы вторглись въ храмъ, гдѣ покоились мощи св. Георгія, увидѣли гробъ его, подумали, что тутъ лежатъ сокровища, начали ихъ откапывать и были поражены святымъ

Примѣчанія: [a]) Слово на положеніе ризы извѣстно въ рядѣ греческихъ списковъ. Подробное изложеніе его сдѣлано въ книгѣ Агапія Καλοκαιρινή, а отсюда у К. Δουκάκη Μέγας Συναξαριστὴς τ῎τοι χρυσόλιθος. Ἀθήν. 1893, іюль, *с.* 8—16. Славянскіе списки Слова относятся къ XV—XVII в. (См. Лопаревъ, Цер. Сл. 584, 585).

и вновь исцѣлены. Послѣ исцѣленія они заключили миръ съ христіанами (Acta Sanctorum, Februar. T III, 278). Въ храмѣ св. Софіи въ Суроѣ (Судакъ въ Крыму) поконлись мощи св. Стефана. Русскій князь, плѣнившій всю страну отъ Кореуни до Корча, послѣ десятидневной битвы, взялъ Сурожъ и ограбилъ гробъ святого, при чемъ былъ пораженъ, „обратися лице его назадъ и лежа пѣны точаще“. Познавъ въ болѣзни наказаніе отъ угодника Божія, князь и его бояре послѣ этого крестились. Записки Одесскаго Общества исторіи и древностей, т. I. О походѣ Руссовъ на Сурожъ. Д. Погодинъ, 197 и сл. Лѣтопись Археографической коммиссіи 1882—1884 гг. Спб. 1893. (В. Васильевскій. Русско-Византійскія изслѣдованія. Житія свв. Георгія Амастридскаго и Стефана Сурожскаго) и Описаніе рус. и слав. рук. Румянц. Музеума Востокова, 1842, 689. Впрочемъ, какъ замѣчаетъ Дмитрій Ивановичъ Иловайскій, мы можемъ пріурочить объ легенды и къ болѣе позднимъ историческимъ событіямъ. Нашествіе на Амастриду напоминаетъ Византійское описаніе Игорева нашествія на Виѳинскіе берега, а крещеніе русскаго князя въ Суроѣ сильно отзывается легендой о крещеніи Владиміра.

Приложеніе № 3

(къ прим. 1).

Разсказъ о походѣ Россовъ на Византію въ 941-мъ году, включенный въ формѣ видѣнія въ житіе Василія Новаго, по рукописи Московской Синодальной Библіотеки № 249, XIV-го вѣка, л. 132 об. и сл.

(Въ переводѣ А. Н. Веселовскаго. Ж. М. Н. П. 1899, январь, 87—89. Видѣніе Василія Новаго о походѣ Русскихъ на Византію въ 941 году).

Григорій, ученикъ св. Василія Новаго, разсказываетъ: „Пришедшу мнѣ въ другой разъ къ блаженному и сотворившу по обычаю поклонъ и принявшу отъ него благословеніе и обратившуся мнѣ, чтобы сѣсть по близости его, по обыкновенію, предстоящу множеству достойныхъ людей, а святому поучающу и наставляющу всѣхъ къ пользѣ души и спасенію,—внезапно воззрѣвъ, онъ рекъ мнѣ: знаешь ли, чадо Григоріе, что имѣетъ приключиться съ царствомъ Ромеевъ въ четырехъ-мѣсячный срокъ? Я же говорю ему: не знаю, господинъ мой. Онъ сказалъ: Варварскій народъ придетъ сюда на насъ свирѣпо, называемый Россъ, и Огъ и Могъ. Я говорю ему: господине мой, господине, неужели онъ возьметъ градъ сей? Онъ сказалъ: Матерь Господа нашего Іисуса Христа не попуститъ, чтобы этотъ градъ попалъ въ руки ея враговъ, ибо онъ данъ Господомъ ей въ удѣлъ, и она съумѣетъ защитить его. А тотъ народъ придетъ попущеніемъ Божіимъ за наши грѣхи и опустошитъ области по ту сторону отъ рѣки Ривы и далѣе. И много ранъ они учинятъ и выжгутъ весь берегъ отъ Хрисополя до мѣста, называемаго Гіэро и дальше. Тогда выйдетъ противъ нихъ съ достаточнымъ войскомъ Патрикій Фока, который по маломъ времени станетъ магистромъ и доместикомъ тяжело вооруженной императорской стражи; съ нимъ Ѳеодоръ, святѣйшій стратигъ, по прозванію Спонгарій. Выйдетъ имъ на помощь и доместикъ Панфиръ съ сорока тысячами воиновъ, обнажившихъ мечи, умѣлыхъ въ битвѣ. Предстательствомъ Богородицы, небесныхъ силъ и всѣхъ святыхъ они одолѣютъ враговъ, изъ которыхъ одни падутъ отъ меча, другіе обратятся въ бѣгство и, захваченные на пути, падутъ отъ страшнаго недуга, разслабленія желудка; отъ этого они погибнутъ, и лишь немногіе изъ оставшихся спасутся въ свою землю въ свидѣтельство приключившагося съ ними, и не одолѣютъ христіанъ, а пойдутъ, какъ я тебѣ раньше говорилъ. Ибо въ эту ночь, когда я стоялъ на молитвѣ, я узрѣлъ себя восхищеннымъ въ видѣніи и стоящимъ въ землѣ тѣхъ неразумныхъ; и вотъ какой-то юноша показалъ мнѣ съ высоты рукою, бѣлою какъ снѣгъ, ихъ приготовленія и совѣщанія, и коварные замыслы, и снаряженіе судовъ и всю ихъ поклажу. И вотъ голосъ вѣ-

щалъ мнѣ: На моихъ сыновъ и дщерей я пошлю этотъ народъ, ибо блудомъ и прелюбодѣяніемъ, и мужеложствомъ и всякими злыми дѣлами они оскверняютъ мое святое, пречудное и преславное имя. Я взглянулъ и увидѣлъ: вотъ они начали являться; тутъ я пришелъ въ себя. И такъ знай, сынъ мой, что идутъ на насъ нечистые народы, попущеніемъ Божіимъ, за наши грѣхи. Такъ бесѣдующу со мною блаженному и достопочтенному отцу нашему Василію, великій трепетъ и ужасъ и изступленіе объяли меня; бывшіе тамъ со мною и слышавшіе эти рѣчи святого вняли гласу рѣчей, а что объявилъ имъ святой тѣми словами — этого не далъ имъ понять праведный, ибо часто въ немъ дѣйствовала благодать Господня такъ, что одни получали способность разумѣть и познать реченное, коли онъ желалъ и хотѣлъ, другіе же, коли онъ не желалъ, не познавали того. Когда я удалялся оттуда, многіе изъ бывшихъ тамъ приставали ко мнѣ, говоря: просимъ тебя, господине брате, повѣдай намъ, о чемъ бесѣдовалъ съ тобою праведный, ибо мы слышали его рѣчи, но что такое говорилъ онъ тебѣ, не въ силахъ разумѣть. Я отвѣчалъ имъ, что народъ Россъ, и Огъ и Могъ идетъ на насъ попущеніемъ Божіимъ за наши грѣхи, и разсказалъ имъ точно, что повѣдалъ мнѣ святой. Не было еще тогда въ городѣ вѣсти объ этихъ рѣчахъ, а черезъ нѣсколько дней распространилась вѣсть во дворцѣ и между жителями города о ихъ набѣгѣ на насъ; а черезъ нѣсколько дней херсонскій стратигъ прислалъ къ царю донесеніе, заявлявшее объ ихъ нашествіи и о томъ, что они уже приблизились къ этимъ областямъ. Не по многу времени они подошли къ Гіэро; царскій флотъ, выступившій противъ нихъ, какъ предрекъ человѣкъ Божій, не пустилъ ихъ войти въ городъ, а они пробрались до Ривы, простирая свои набѣги до Праклійскаго моря и Пафлагоніи и, пройдя всю Никомидійскую стратигію, много людей поранили и выжгли весь берегъ Стена, какъ ранѣе объявилъ служитель Бога. Тогда явился съ востока доместикъ Панфиръ съ сорока-тысячнымъ войскомъ, также Патрикій Фока съ большимъ войскомъ Македонянъ, и Ѳеодоръ святѣйшій стратилатъ, по прозванію Спонгарій, съ большимъ отрядомъ Ѳракесійцевъ. Обойдя безстыдныхъ псовъ, свирѣпо лаявшихъ на насъ, они заперли ихъ въ средину, не дозволяя имъ выходить изъ судовъ на погубу христіанамъ; но болѣе всего ихъ объялъ страхъ и сильный трепетъ, они хотѣли тайно скрыться, избѣгая рукъ нашихъ воиновъ, но не могли, боясь нашего флота, сторожившаго ихъ и надзиравшаго за ними. Осмѣлившись, будучи побуждаемы насильно, они выходятъ очертя голову противъ Ромеевъ и въ послѣдовавшей боевой схваткѣ Россы были на голову разбиты; одни пали отъ меча, другіе изъ ихъ среды обрати-

лись въ бѣгство, тайно удалившись съ наступленіемъ вечера, когда нашъ флотъ стоялъ у Гіэро. Когда авангардъ развѣдалъ объ ихъ бѣгствѣ, дабы дать знать о томъ нашему богоспасаемому флоту, бо́льшая ихъ часть уже успѣла бѣжать, но насталъ ихъ конецъ. Въ послѣдовавшей стычкѣ, орудуя и пользуясь, такъ называемымъ, свѣтлымъ огнемъ или снарядомъ, наши жгли ихъ. Было страшное зрѣлище, ибо, боясь огня, проклятые произвольно кидались въ глубь моря, предпочитая утопиться въ водѣ, чѣмъ быть сожженными огнемъ, но уничтожаемые тамъ и здѣсь погибли по пророчеству святого: одни сгорѣли, другіе бросились по собственному изволенію въ морскую пучину, иные, будучи схвачены, стали рабами. Такъ кончилось ихъ предпріятіе; спасшіеся изъ рукъ нашего флота, перемерли по дорогѣ отъ страшнаго разслабленія желудка; немногіе ушли восвояси, чтобы разсказать тамъ, что съ ними было и что они претерпѣли по мановенію Божію. А нашъ святой отецъ Василій, съ того часа какъ явились беззаконные Россы, не переставалъ денно и нощно со слезами и плачемъ возсылать къ человѣколюбцу Господу молитвы и прошенія, дабы отвратить Его праведный гнѣвъ“.

Приложеніе № 4

(къ примѣч. 1-му).

Разсказъ Продолжателя Амартола о походѣ Россовъ въ 941-мъ году.

(По переводу Ф. Терновскаго, Изученіе византійской исторіи и ея тенденціозное приложеніе къ древней Руси. Кіевъ. В. I, 1875, 115—117).

„Въ 11-й день мѣсяца іюня приплыли противъ Константинополя Россы на 10 тысячахъ кораблей. Посланъ былъ противъ нихъ съ тріирами и дромонами[а], какіе случились въ городѣ, патрицій Θеоѳанъ, соучастникъ царя въ правленіи и протовестіаріи[б]. Онъ, упорядочивъ и устроивъ флотъ, а наипаче себя самаго убѣдивъ постомъ и слезами, выступилъ противъ Россовъ съ тѣмъ, чтобы дать имъ морское сраженіе. Когда Россы приняли вызовъ и были вблизи Фароса[в] (господствующаго надъ устьемъ Евксинскаго понта), то, въ такъ называемомъ Іеро, Θеофанъ напалъ на нихъ съ хладнокровнымъ мужествомъ. Врѣзавшись первый въ среду ихъ на собственномъ дромонѣ, Θеофанъ разорвалъ строй росскихъ кораблей и большую часть ихъ сжегъ искусственнымъ огнемъ, а остальные обратилъ въ бѣгство. Вслѣдъ за нимъ подоспѣли и прочіе дромоны и тріиры и довершили пораженіе Россовъ, и многихъ потопили вмѣстѣ съ кораблями, иныхъ ранили, а бо́льшую часть взяли въ плѣнъ живыми. Уцѣлѣвшіе отъ погибели Россы отплываютъ къ берегамъ Анатоліи, въ такъ называемые Сгоры. Въ догоню за Россами былъ посланъ сухимъ путемъ Варда Фока съ отборными всадниками. И такъ какъ Россы отдѣлили отъ себя немалый отрядъ въ предѣлы Вифанскіе для добыванія себѣ пищи и другого продовольствія, то на этотъ-то отрядъ и напалъ вышеупомянутый Варда Фока и, разбивъ его на голову, обратилъ въ бѣгство и перебилъ Россовъ. Подоспѣлъ тутъ же и Іоаннъ магистръ и доместикъ школъ Крокой и по частямъ побивалъ росскіе отряды, то тамъ, то здѣсь, такъ что уцѣлѣвшимъ Россамъ не оставалось ничего болѣе, какъ окончательно засѣсть на свои корабли и нигдѣ не смѣть высаживаться. Но много величайшихъ бѣдъ натворили Россы прежде чѣмъ подоспѣло римское войско. Они выжгли все такъ называемое Στενόν, а плѣнниковъ иныхъ распинали, иныхъ пригвождали къ землѣ, а иныхъ, поставивши какъ цѣль, разстрѣливали

[а]) т. е. съ трехъярусными и съ мелкими судами. [б]) Начальникъ церк. ризницы и царскихъ одеждъ. [в]) Φαρος—маякъ.

изъ луковъ. А если брали въ плѣнъ кого-либо изъ свящ. чина, то, связавъ руки назадъ, пронзали плѣнникамъ сквозь голову желѣзный шестъ: много также и св. храмовъ Россы придали огню. Когда же настала зима и Россы стали нуждаться въ пищѣ то, боясь приближающагося войска, а еще болѣе мореходныхъ тріеръ, рѣшились отплыть восвояси; и стараясь уйти незамѣченными отъ греческаго флота, (въ сентябрѣ 15 индиктіона), направились къ берегамъ Ѳракіи, но были перехвачены на пути вышеупомянутымъ патриціемъ Ѳеофаномъ, (ибо не укрылись отъ его бодрственной и благородной души). И вотъ начинается второе морское сраженіе: много росскихъ кораблей потопилъ во глубинѣ, много Россовъ перебилъ Ѳеофанъ, а остатки Россовъ съ кораблями уцѣлѣли, прижавшись къ крутому Килійскому берегу, а съ наступленіемъ ночи бѣжали. А Ѳеофанъ патриціи возвратился съ славною побѣдою и множествомъ трофеевъ и былъ принятъ почетно и великолѣпно и почтенъ саномъ паракимомена [1])".

Примѣчаніе:

[1]) „Хроника Г. Амартола (отъ С. М. по 842 г., съ продолженіями по 948 г., въ нѣкот. рук. до 1071, 1081 г., а по москов. Синод. списку даже до 1143 г.), весьма рано появляется въ славянскомъ переводѣ и пользовалась большимъ значеніемъ въ славянской письменности". В. С. Иконниковъ. Опытъ русской исторіографіи, т. II, кн. 1. Кіевъ, 1908, 84. „Что же касается собственно продолженія Георгія (по 948 г.), то эта часть лѣтописи, какъ показываютъ нѣкоторыя греческія рукописи и славянскій переводъ, принадлежитъ Симеону Логоѳету". Ibid. 88.

Приложеніе № 5.

(къ прим. 90).

ИЗВЛЕЧЕНІЕ

изъ Исторіи Льва Діакона, а также изъ Кедрина и Зонары о войнѣ Грековъ съ Святославомъ.

(По переводу Д. Попова. Исторія Льва Діакона Калойскаго и другія сочиненія византійскихъ писателей. Спб. 1820, и по изданію А. Черткова—Описаніе войны великаго князя Святослава Игоревича противъ Болгаръ и Грековъ въ 967—971 годахъ. М. 1843).

Извлеченіе изъ Исторіи Льва Діакона.

Книга IV, глава 6-я. (Никифоръ) „послалъ его (Калокира) къ Тавроскиѳамъ [1]), называемымъ обыкновенно Россами, съ тѣмъ, чтобы онъ, раздавши 1500 фунтовъ врученнаго ему золота, привелъ ихъ въ землю Мисянъ [2]) для ея завоеванія. Калокиръ поспѣшно отправился“.....

Книга V, глава 1-я. „Во время сихъ дѣяній государя въ Сиріи и Византіи, посланный по его царской волѣ къ Тавроскиѳамъ патрикій Калокиръ, пришедши въ Скиѳію, понравился начальнику Тавровъ, подкупилъ его дарами, очаровалъ лестными словами (весь Скиѳскій народъ чрезвычайно корыстолюбивъ, жаденъ къ подаркамъ и даже любитъ самыя обѣщанія) и убѣдилъ итти противъ Мисянъ съ великою ратію, съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ, покоривши ихъ, удержалъ ихъ страну въ собственной власти, а ему содѣйствовалъ въ завоеваніи Римскаго государства и полученіи престола. Онъ обѣщалъ ему за то доставить великія, безчисленныя сокровища изъ казны государственной.

2. Святославъ (Сфендославъ — такъ назывался начальникъ Тавровъ), услышавъ сіи слова, не могъ удержать душевнаго стремленія: восхищенный надеждою получить богатство, мечтая о завоеваніи Мисійской страны и, какъ человѣкъ пылкій, отважный, сильный и дѣятельный, возбудилъ все юношество Тавровъ къ сему походу. И такъ, собравъ[a)] ополченіе, состоящее изъ шестидесяти тысячъ храбрыхъ воиновъ, кромѣ обозныхъ отрядовъ, отправился противъ Мисянъ съ патрикіемъ Калокиромъ, котораго, по дружеской съ собой связи, полюбилъ, какъ роднаго брата. Мисяне, услышавъ, что проходитъ уже мимо Истра и готовится сдѣлать высадку на берегъ, выступили противъ него съ тридцатью тысячами войска. Тавры быстро сошли съ судовъ, простерли предъ собою щиты, извлекли мечи и начали поражать ихъ безъ всякой пощады. Они не выдержали перваго сего нападенія, обратились въ бѣгство и къ стыду своему заперлись въ Дористолѣ [3]) (укрѣпленный городъ Мисянъ). Тогда, говорятъ, предводитель ихъ Петръ, человѣкъ благочестивый и почтенный, тронутый симъ нечаяннымъ бѣгствомъ, получилъ

Примѣчаніе:) См. прим. *а* на стр. 104-й.

параличный ударъ и вскорѣ переселился изъ сей жизни. Такъ происходило въ Мисіи. Императоръ Никифоръ, какъ человѣкъ всегда заботливый, неусыпный и никакимъ удовольствіямъ совершенно не предающійся, (никто не могъ объ немъ сказать, что видѣлъ его на пиру когда нибудь, даже въ молодости), узнавъ о побѣдахъ Тавровъ, занялся разными въ одно время дѣлами: снаряжалъ пѣхотное войско, вооружалъ сотни, ставилъ въ строй фалангу конную, одѣвалъ всадниковъ въ желѣзныя латы, строилъ метательныя орудія и поставлялъ оныя на городскихъ стѣнахъ. Сверхъ сего, онъ прикрѣпилъ къ башнѣ, называемой обыкновенно Сотенною (Κεντηνάριος), тяжелую желѣзную цѣпь и по большимъ столбамъ протянулъ черезъ Босфоръ къ башнѣ Галатской крѣпости, находящейся на противоположномъ берегу. Онъ, какъ мужъ дѣятельный и болѣе всѣхъ извѣстныхъ намъ людей глубокомысленный, вреднымъ для себя почиталъ предпринимать войну вдругъ противъ двухъ народовъ. И такъ за нужное почелъ одинъ изъ нихъ склонить на свою сторону. Такимъ образомъ, казалось ему, весьма легко будетъ одержать верхъ надъ другимъ и покорить его въ короткое время. Послѣ сего, не надѣясь примириться съ Таврами (ибо онъ увѣренъ былъ, что патрикій Калокиръ, совратившійся съ прямого пути, свергнувшій съ себя иго власти и находящійся въ великой силѣ у Святослава, не захочетъ уже покориться его волѣ), онъ рѣшился лучше отправить посольство къ единовѣрнымъ Мисянамъ. И такъ послалъ къ нимъ патрикія Никифора Еротика (Ερωτικός) и Филоѳея Настоятеля (Πρόεδρον) Евхаитянъ, черезъ коихъ напоминалъ имъ о единовѣрствѣ (они признаютъ христіанскіе догматы безъ всякаго противорѣчія) и просилъ у нихъ дѣвъ изъ царскаго рода для соединенія ихъ бракомъ съ сыновьями императора Романа, чтобы симъ родствомъ утвердить взаимную связь и дружество между Римлянами и Мисянами. Они приняли пословъ съ радостію...[4]).

Книга VI, глава 8-я. Многія заботы колебали душу императора Іоанна..... Недостатокъ въ необходимыхъ потребностяхъ и далеко распространившійся голодъ уже около трехъ лѣтъ пожиралъ государство Римское; движеніе Россіянъ и нашествіе Карѳагенянъ и Арабовъ на сирійскую Антіохію, недавно еще завоеванную, не подавали никакой хорошей надежды..... съ Святославомъ, предводителемъ россійской рати, онъ рѣшился примириться. И такъ, отправляетъ къ нему пословъ съ требованіемъ, чтобы онъ, получивъ обѣщанную Никифоромъ награду, по случаю похода противъ Мисянъ, возвратился въ свои области, къ Киммерійскому Воспору, и оставилъ Мисію, принадлежащую Римлянамъ, какъ древнюю часть Македоніи. Говорятъ, что Мисяне, гонимые сѣвер-

ными Котрагами, (Κοτράγον), Хазарами и Куманами, оставя мѣста свои, скитались по Европѣ, наконецъ поселились въ сей странѣ при государѣ Константинѣ Брадатомъ (Погонатѣ) и назвали ее, по имени своего начальника Булгара, Булгаріею.....

Гл. 10-я. Святославъ, надменный одержанными побѣдами надъ Мисянами, исполненный варварской своей гордости (ибо онъ совершенно уже овладѣлъ ихъ страною), устрашившій и изумившій ихъ врожденною своею свирѣпостью (сказываютъ, что онъ, взявши городъ Филиппополь, жестокимъ и безчеловѣчнымъ образомъ пересажалъ на колъ двадцать тысячъ человѣкъ плѣнныхъ и, тѣмъ устрашивъ ихъ чрезвычайно, заставилъ себѣ покориться), далъ посламъ Римскимъ слѣдующій гордый отвѣтъ, что онъ не оставитъ сей богатой области, если не дадутъ ему великой суммы денегъ, если не выкупятъ завоеванныхъ городовъ и плѣнныхъ. „Ежели Римляне, говорилъ онъ, не захотятъ мнѣ столько заплатить, то да переселятся они изъ Европы имъ не принадлежащей, въ Азію; да не мечтаютъ, что Тавроскиѳы безъ сего примирятся съ ними“. Императоръ Іоаннъ, получивъ отъ Скиѳа такой отвѣтъ, вторично отправилъ къ нему пословъ съ слѣдующимъ извѣстіемъ: „Вѣруя въ Провидѣніе, управляющее вселенною, и исполняя христіанскіе законы, мы не должны сами разрывать мира, непоколебимо до насъ дошедшаго отъ предковъ нашихъ, въ которомъ самъ Богъ былъ посредникомъ. Итакъ совѣтуемъ вамъ, какъ друзьямъ, немедленно и безъ всякихъ отговорокъ выступить изъ земли, совсѣмъ вамъ не принадлежащей, не послушавъ сего совѣта, вы разорвете союзъ нашъ, а не мы. Но не почитайте отвѣтъ сей слишкомъ надменнымъ: мы надѣемся на Христа безсмертнаго Бога, что противъ воли вашей вы изгнаны будете изъ сей страны, если сами добровольно не удалитесь. Я думаю, говорилъ онъ, что ты, Святославъ, еще не забылъ пораженіе отца своего Игоря, который, презрѣвши клятву, съ великимъ ополченіемъ, на десяти тысячахъ судовъ, подступилъ къ царствующему граду Византіи и едва только успѣлъ съ десятью ладьями убѣжать въ Воспоръ Киммерійскій съ извѣстіемъ о собственномъ бѣдствіи. Я не упоминаю о его несчастной смерти, когда плѣненный на войнѣ съ Германцами, онъ привязанъ былъ къ двумъ деревамъ и разорванъ на двѣ части. Не думаю, чтобы и ты могъ возвратиться въ свое отечество, если принудишь выступить противъ себя все Римское войско; но со всею ратію погибнешь въ сей странѣ и ни одно огненосное судно не придетъ въ Скиѳію съ извѣстіемъ о постигшей васъ жестокой участи“. Святославъ, раздраженный сими словами и увлеченный

своею яростію и безумiемъ, сказалъ ему въ отвѣтъ: „Не вижу никакой необходимости, побуждающей Римскаго государя къ намъ итти; посему да не трудится путешествовать въ нашу землю, мы сами скоро поставимъ шатры свои предъ Византiйскими воротами, обнесемъ городъ крѣпкимъ валомъ и, если онъ рѣшится выступить на подвигъ, мы храбро его встрѣтимъ, покажемъ ему на самомъ дѣлѣ, что мы не бѣдные ремесленники, живущiе одними трудами, но храбрые воины, побѣждающiе враговъ оружiемъ; хотя, по невѣжеству своему, онъ считаетъ русскихъ слабыми женщинами и хочетъ устрашить ихъ своими угрозами, какъ пугаютъ грудныхъ дѣтей разными чучелами“.

Гл. 11-я. Государь, услышавъ такiя безумныя слова его, рѣшился не медлить болѣе и со всею скоростью готовиться къ войнѣ, чтобы упредить его приходъ и преградить приступъ къ царствующему граду Византiи.... Варду Склиру и патрикiю Петру Государь приказалъ отправиться съ своими полками въ пограничную и близкую область Мисiи, зимовать тамъ и занимать войско ученiемъ; обходить страну, чтобы она никакого не потерпѣла вреда отъ скиѳскихъ набѣговъ и посылать въ непрiятельскiй станъ воиновъ, одѣтыхъ въ скиѳское платье, знающихъ оба языка съ тѣмъ, чтобы они узнавали ихъ намѣренiе и ему доносили. Итакъ, получивъ отъ него такое повелѣнiе, они вступаютъ со своими полками въ Европу.

Гл. 12. Тавроскиѳы, услышавъ о ихъ переходѣ, отдѣлили отъ своего войска одну часть и, присоединивъ къ ней рать Гунновъ и Мисянъ, послали противъ Римлянъ. Тогда магистръ Вардъ, мужъ храбрый и дѣятельный, пламенный духомъ и силою, услышавъ о ихъ приближенiи, поспѣшно отправился къ нимъ на сраженiе съ отрядомъ отборныхъ ратниковъ, а Iоанна Алакаса послалъ впередъ обозрѣть Скиѳовъ, узнать о ихъ количествѣ, о мѣстѣ стана и дѣйствiяхъ и немедленно о всемъ извѣстить его, чтобы онъ могъ приготовить воиновъ къ битвѣ. Iоаннъ скоро прiѣхалъ къ Скиѳамъ и на другой же день отрядилъ нарочнаго къ магистру съ увѣдомленiемъ, что Скиѳы стоятъ близко, чтобы онъ поспѣшилъ къ нему. Получивъ извѣстiе, Вардъ раздѣлилъ все войско на три части: одной приказалъ прямо слѣдовать за собою, остальнымъ же двумъ скрыться въ лѣсахъ и, какъ скоро услышатъ трубный звукъ, выбѣжать изъ засады. Отдавъ сiе приказанiе сотникамъ самъ пошелъ прямо на Скиѳовъ съ намѣренiемъ храбро сражаться съ ними. Войско непрiятелей, состоявшее болѣе нежели изъ тридцати тысячъ человѣкъ, далеко превосходило числомъ своимъ Римлянъ: ибо у магистра, со всѣми скрывшимися въ лѣсахъ отрядами,

было не болѣе десяти тысячъ воиновъ. Во время битвы, когда съ обѣихъ сторонъ уже многіе храбрые пали, одинъ, говорятъ, Скиѳъ, надменный своею силою и огромностью тѣла, отдѣлился отъ рядовъ, выѣхалъ на средину, напалъ на Варда и мечемъ ударилъ его по шлему; но ударъ былъ неудаченъ, ибо отъ твердости шлема остріе загнулось и соскользнуло въ сторону. Патрикій Константинъ, родной братъ Варда, имѣвшій только еще пушокъ на подбородкѣ, огромный тѣломъ и непобѣдимый силою, обнаживши мечъ, бросился на сего великана, но онъ, увидя его стремленіе, припалъ спиною къ заду лошади и такимъ образомъ мечъ, мимо его, упалъ на ея шею, отрубилъ голову и Скиѳъ, поверженный вмѣстѣ съ конемъ на землю, былъ заколотъ Константиномъ.

Гл. 13. Когда сраженіе колебалось и счастіе попеременно переходило, такъ сказать, то на ту, то на другую сторону, тогда Вардъ приказалъ трубить и стучать въ бубны. Засадное войско тотчасъ по сему знаку выбѣжало изъ лѣсу, окружило съ тылу непріятелей и тѣмъ поселило въ нихъ такой ужасъ, что они начали отступать. Но въ то время, какъ бѣгство ихъ еще не было рѣшительное, нѣкто изъ знатныхъ Скиѳовъ, отличный отъ всѣхъ и великимъ ростомъ и блескомъ доспѣховъ, ходилъ предъ рядами и поощрялъ къ сраженію. Вардъ Склиръ выѣхалъ къ нему и ударилъ его мечемъ по головѣ столь сильно, что разрубилъ его до самаго залона (ζωστῆς): ни шлемъ не защитилъ его, ни броня не выдержала силы руки и удара меча. Римляне, увидя его разрубленнаго на двѣ части и поверженнаго на землю, закричали отъ радости и съ храбростью устремились; Скиѳы, устрашенные симъ новымъ и удивительнымъ пораженіемъ, съ воплемъ разорвали ряды свои и обратились въ бѣгство. Наши преслѣдовали ихъ до самаго вечера и безъ пощады убивали. У насъ, говорятъ, въ сей битвѣ, кромѣ многихъ раненыхъ, убито было пятьдесятъ пять человѣкъ, а всего болѣе пало коней, но у Скиѳовъ болѣе двадцати тысячъ человѣкъ погибло. Такимъ образомъ кончилось сраженіе.

Императоръ Іоаннъ приказалъ азіатскимъ войскамъ скорѣе переправиться черезъ Геллеспонтъ въ Европу, зимовать на поляхъ ѳракійскихъ и македонскихъ и, ожидая весенняго времени, ежедневно упражняться въ ученіи, чтобы не сдѣлаться къ военнымъ подвигамъ неспособными и въ битвахъ не уступать храбростью непріятелямъ. „Когда послѣ зимней мрачности, говорилъ онъ, откроется весна и перемѣнитъ пасмурный видъ міра въ ясный, тогда я самъ съ своими полками къ нимъ буду и со всею ратію пойду воевать со Скиѳами“.

Извлеченіе изъ Кедрина и Зонары.

Кедринъ и Зонара[a] (конецъ XI-го, начало XII-го вѣка), пользовавшіеся компиляціей Льва Діакона-Склирицы, но въ рукахъ которыхъ могли быть и другіе источники до насъ не дошедшіе (Cedreni, hist. compendium,. t II, p. 521—524. Zonarae, annales, t. II, lib. 17, c. I, p. 164—165, Вен. изд.) говорятъ: „Руссы, покоривъ Болгарію и взявъ въ плѣнъ Бориса и Романа, сыновъ Петровыхъ, не хотѣли возвратиться въ свою страну, а желали навсегда остаться въ Болгаріи, вопреки договора, заключеннаго ими съ Никифоромъ. Къ сему много возбуждалъ ихъ Калокиръ, обѣщаясь, если они возведутъ его на константинопольскій престолъ, умножить обѣщанную имъ Греками дань; тогда они навсегда останутся союзниками и друзьями Царьграда. Руссы, возгордясь этими обѣщаніями и покоривъ оружіемъ всю страну, не приняли словъ Іоанна, обѣщавшаго имъ свято соблюсти договоръ, заключенный съ ними Никифоромъ, и дали посланнымъ отвѣтъ гордый и презрительный. Такимъ образомъ императоръ принужденъ былъ начать съ ними войну. Онъ перевелъ войска свои съ востока на западъ, назначилъ военачальникомъ магистра Варда, прозваннаго Склиромъ, (т. е. жестокимъ), на сестрѣ котораго былъ женатъ Іоаннъ и въ началѣ весны хотѣлъ самъ лично принять начальство надъ всею ратію. Святославъ, услышавъ между тѣмъ о прибытіи въ Болгарію римскаго войска, и присоединя къ Руссамъ часть Болгаръ, Печенѣговъ и Турокъ, жившихъ въ Паннониі, всего въ числѣ трехсотъ восьми тысячъ человѣкъ, перешелъ Емскія горы[б], разорилъ и опустошилъ всю Ѳракію, расположилъ свои войска подлѣ Адріанополя и ожидалъ тамъ Римлянъ. Магистръ Вардъ, имѣя только двѣнадцать тысячъ ратниковъ, не могъ дѣйствовать открытою силою противъ такого количества непріятелей, а потому и рѣшился употребить хитрость при нападеніи на Руссовъ. Онъ находился съ своими войсками внутри города, и хотя непріятель часто вызывалъ его на бой и разорялъ всѣ окрестности, но онъ показывалъ видъ, что боится его. Такое притворство поселило въ Болгарахъ презрѣніе къ римскому войску. Они думали, что Вардъ дѣйствительно боится выти изъ города на сраженіе съ ними, а потому пренебрегали сохраненіемъ воен-

Примѣчаніе: [a]) "Зонара—начальникъ императорской канцеляріи, а потомъ монахъ, авторъ житій и толкователь церковныхъ правилъ, написалъ Всемірную хронику, которая имѣетъ значеніе по обилію источниковъ, какими располагалъ составитель ея". Иконниковъ, т. II, кн. 1, 95. [б]) Емскія горы (Гемусъ)—Балканскія.

наго порядка въ своемъ станѣ, безпечно разсѣивались въ окружности Адріанополя, проводили ночи въ питьѣ, разныхъ играхъ и пляскахъ варварскихъ и не имѣли даже передовой стражи. Вардъ, выбравъ благопріятное время, отрядилъ часть войска въ засаду, послалъ патриція Алакаса съ малымъ числомъ воиновъ, для наблюденія за непріятелями и приказалъ ему немедленно дать знать, гдѣ они находятся. Магистръ позволилъ Алакасу вступить въ самое сраженіе съ врагами, но съ тѣмъ, чтобы онъ притворился бѣгущимъ, и въ самомъ бѣгствѣ отступалъ бы тихо и стройно до того мѣста, гдѣ находилась скрытно засада: тогда только его воины должны были ускорить свое отступленіе. Воинство варваровъ раздѣлялось на три части: первая состояла изъ Болгаръ и Руссовъ, другая изъ Турокъ и третья изъ Печенѣговъ. Іоаннъ встрѣтился случайно съ тою, которую составляли Печенѣги, вступилъ съ ними въ сраженіе и началъ медленно отступать. Печенѣги преслѣдовали его воиновъ и между тѣмъ сами разстроили свои ряды. Римляне завлекли ихъ до мѣста засады, гдѣ внезапно ихъ окружилъ Вардъ съ скрывшимися воинами и низложилъ множество Скиѳовъ. Вардъ, разбивъ такимъ образомъ одну часть варварскаго войска и узнавъ отъ плѣнныхъ, что и другія двѣ части готовы уже къ сраженію съ Римлянами, пошелъ прямо на нихъ. Непріятель, хотя и опечаленный несчастіемъ Печенѣговъ, устремился на Римлянъ, имѣя конныхъ ратниковъ впереди, а пѣшихъ сзади. Въ самомъ началѣ сраженія всадники были отражены, отступили къ своей пѣхотѣ и тамъ дожидались новаго нападенія отъ Римлянъ. Долго сраженіе продолжалось съ равнымъ успѣхомъ съ обѣихъ сторонъ". Далѣе слѣдуетъ эпизодъ со Скиѳомъ. „Это зрѣлище возбудило храбрость въ Римскомъ войскѣ и поселило страхъ въ рядахъ Скиѳовъ. Они вскорѣ оставили сраженіе и въ безпорядкѣ обратились въ бѣгство. Римляне преслѣдовали ихъ и покрыли все поле мертвыми тѣлами. Въ плѣнъ захвачено болѣе чѣмъ убито на мѣстѣ и всѣ взятые были ранены, кромѣ немногихъ. Ни одинъ варваръ не спасся бы отъ плѣна, если-бы наступившая ночь не воспрепятствовала Римлянамъ преслѣдовать непріятеля. Со всѣмъ тѣмъ, изъ столькихъ тысячъ варваровъ очень не многіе спаслись. Римляне потеряли убитыми только двадцать пять человѣкъ: прочіе всѣ были ранены".

Извлеченіе изъ Исторіи Льва-Діакона.

Кн. VII, гл. 3. „Государь послѣ побѣды, одержанной надъ Россами, призвалъ въ Византію Варда Склира и послалъ въ Азію [3])....

Гл. 9. Скиѳы, узнавъ о переходѣ военачальника Варда изъ Европы въ Азію, посланнаго туда по повелѣнію государя, по случаю возмущенія, произведеннаго Фокою, какъ сказано было выше, дѣлали нечаянные набѣги, грабили и безъ пощады опустошали Македонію и тѣмъ весьма много вредили Римлянамъ. Начальство надъ войскомъ тогда поручено было магистру Іоанну, человѣку чрезмѣрно преданному лѣности и пьянству, въ воинскихъ дѣлахъ неопытному и неискусному; отъ чего Россіяне сдѣлались надменнѣе и отважнѣе. Итакъ государь, не могши болѣе сносить высокомѣрной ихъ дерзости и явнаго къ себѣ презрѣнія, рѣшился воевать съ ними и остановить ихъ стремленіе. Для сего онъ велѣлъ снарядить огненосныя суда и отправить на корабляхъ въ градъ Адріана (Адріанополь) хлѣбъ, кормъ для вьюковъ и оружіе для войска, чтобы во время брани ни въ чемъ не было нужды...

Книга VIII, гл. 1. Какъ скоро зимняя мрачность перемѣнилась въ весеннюю ясность, то государь, поднявши крестное знаменіе, изготовился въ походъ противъ Тавроскиѳовъ... Потомъ велѣлъ вступить въ рѣку Истръ для охраненія прохода, чтобы Скиѳамъ, обращеннымъ въ бѣгство, нельзя было уплыть въ свое отечество, къ Киммерійскому Воспору. Истръ, говорятъ, есть одна изъ рѣкъ, выходящихъ изъ Едма, называемая Фисономъ, которая, протекая отъ востока, по непостижимой премудрости Создателя, скрывается подъ землею, потомъ опять выходитъ изъ-подъ Кельтскихъ горъ, извивается по Европѣ и наконецъ, раздѣляясь на пять устьевъ, вливаетъ струи свои въ Понтъ Евксинскій...

Гл. 2. Такимъ образомъ корабли поднялись на рѣку Истръ. Императоръ Іоаннъ отправился изъ Византіи со всѣмъ войскомъ и вступилъ въ Адріанополь... Гл. 3. Здѣсь, узнавъ отъ лазутчиковъ, что неудобныя и тѣсныя дороги, ведущія въ Мисію, называемыя Клейсурами (κλεισοῦραι)[a], оставлены безъ всякой стражи, Іоаннъ созвалъ всѣхъ сотниковъ и полковниковъ и сказалъ: „Воины! я думалъ, что непріятели, ожидая нашего къ себѣ прибытія, уже давно съ великимъ стараніемъ укрѣпили выгодныя для себя тѣсныя и непроходимыя дороги какими нибудь стѣнами и оградами, чтобы трудно намъ было вступить въ ихъ землю. Но вѣроятно приближеніе Св. Пасхи воспрепятствовало имъ обезопасить пути и тѣмъ затруднить наше вступленіе; они не думали, чтобы мы, оставя всѣ обряды великаго праздника, блестящія одежды, торжественные ходы, пиршества и зрѣлища, обратились къ бѣдственнымъ браннымъ подвигамъ. И такъ самое лучшее дѣло, мнѣ кажется,

Примѣчаніе: [a]) Балканскія ущелья.

есть немедленно воспользоваться симъ случаемъ, пройти сію узкую дорогу со всей возможной скоростью, доколѣ они еще не узнали о нашемъ приходѣ и не выступили на сраженіе въ сіи опасныя для насъ мѣста. Если, перешедши оныя, мы нечаянно нападемъ на нихъ, то однимъ приступомъ, я думаю, съ помощью Божьей возмемъ городъ Преславу, столицу Мисянъ и послѣ того весьма легко преодолѣемъ яростныхъ Россіянъ"...

Гл. 4. Сказавъ сію рѣчь, Государь сѣлъ на гордаго и быстраго коня своего, покрытый превосходными доспѣхами, съ длиннымъ на плечѣ копьемъ, и первый пустился въ путь съ полкомъ безсмертныхъ своихъ воиновъ, безопасно вооруженныхъ; за нимъ слѣдовали оплиты (ὁπλῖται), числомъ до пятнадцати тысячъ и тринадцать тысячъ всадниковъ. Прочее войско съ обозомъ, съ осадными и другими орудіями шло сзади тихимъ шагомъ съ предсѣдателемъ Василіемъ, которому онъ поручилъ надъ ними начальство. Прошедши сверхъ всякаго чаянія гористыя опасныя мѣста, онъ остановился и на одномъ безопасномъ холмѣ, обтекаемомъ съ двухъ сторонъ рѣкою, обѣщавшею изобиліе въ водѣ, расположилъ для отдохновенія всю конницу и пѣхоту. Но на разсвѣтѣ онъ снялъ станъ, построилъ полки густыми рядами и, приказавши громко трубить къ бою, стучать въ тарелки (кимвалы) и бить въ бубны, пошелъ къ Преславѣ. Тогда чрезвычайный поднялся шумъ: громъ бубенъ отзывался въ тамошнихъ горахъ, доспѣхи звучали, кони ржали, всѣ воины крикомъ ободряли другъ друга къ сраженію. Изумленіе и ужасъ овладѣли Тавроскиѳами; они поражены были симъ неожиданнымъ случаемъ, увидѣвъ искусное приближеніе войска. Но не смотря на то, они немедленно схватили оружіе, подняли щиты на рамена (щиты у нихъ были крѣпкіе и для большей безопасности длинные до самыхъ ногъ), стали въ сильный боевой порядокъ и, какъ рыкающіе дикіе звѣри, съ ужаснымъ и страннымъ воплемъ выступили противъ Римлянъ на ровное поле, передъ городомъ. Наши сошлись съ ними и, сражаясь храбро, совершили великіе воинскіе подвиги, хотя битва съ обѣихъ сторонъ была равная. Тогда государь приказываетъ своимъ безсмертнымъ быстро напасть на лѣвое крыло непріятелей; они простерли копья впередъ и, кольнувши коней, на нихъ поскакали. Скиѳы, какъ пѣхотные воины, не устояли противъ коній (у нихъ не было обыкновенія сражаться на коняхъ: они никогда тому не учились[а]), обратились въ бѣгство и заперлись въ стѣнахъ города, наши

Примѣчаніе: [а]) См. прим. *б* на стр. 105-й.

преслѣдовали ихъ и побивали безъ всякой пощады. У нихъ, говорятъ, убито было въ семъ сраженіи восемь тысячъ пятьсотъ человѣкъ.

Гл. 5. Но убѣжавшіе въ городъ сильно со стѣнъ стрѣляли. Тогда, говорятъ, патрикій Калокиръ, находившійся въ Преславѣ, подвигшій, какъ я выше сказалъ, россійскую рать на Мисянъ, узнавъ о прибытіи императора (ибо нельзя было не замѣтить его, потому что золотые царскіе знаки чрезвычайный издавали блескъ и сіяніе), тайно, въ самую глухую ночь, уѣхалъ изъ города къ Святославу, стоявшему со всею ратію у города Дористола, называемаго нынѣ Дристрою. Такимъ образомъ онъ убѣжалъ, а наступившая ночь заставила Римлянъ прекратить сраженіе. На другой день, когда и остальное войско съ осадными орудіями подоспѣло (сей день былъ великая пятница...), императоръ Іоаннъ, рано по утру, вышелъ изъ стана, поставилъ полки въ твердый, неразрывный строй и, приказавъ трубить къ бою, придвинулся къ стѣнѣ, чтобы однимъ приступомъ взять городъ. Россы, побуждаемые полководцемъ Сфенкеломъ (онъ занималъ у нихъ третье мѣсто послѣ главнаго ихъ начальника Святослава), построились на стѣнахъ и всѣми силами начали защищаться, бросая копья, стрѣлы и камни. Римляне, стрѣляя снизу изъ луковъ, камнеметныхъ орудій и пращей и кидая также копья, сильно отражали ихъ и не давали стоять на оградѣ безъ всякаго страха. Императоръ, приказавъ приставить къ стѣнѣ лѣстницы, громкимъ голосомъ своимъ усилилъ осаду; всѣ при глазахъ его сражались храбро, надѣясь скоро получить отъ него награду, соразмѣрную своимъ подвигамъ.

Гл. 6. Когда Римляне бросились и приставили лѣстницы, тогда одинъ благородный юноша, съ пушкомъ еще только на ланитахъ, родомъ изъ восточной земли, по имени Ѳеодосій Месоникт, извлекши правою рукою мечъ, а лѣвою поднявши щитъ свой выше головы, чтобы не быть поражаему сверху, всходитъ на ограду. Приближась къ брустверу (грудному заслону стѣны), онъ поражаетъ въ выю стоявшаго тамъ Скиѳа, защищавшагося копьемъ — и отрубленная голова его вмѣстѣ съ шлемомъ скатилась на землю. Наши, при семъ удивительномъ подвигѣ, подражая его отважности, съ криками побѣжали вверхъ по лѣстницамъ. Но Месоникт, овладѣвшій брустверомъ, убивалъ весьма многихъ сражавшихся Россіянъ и низвергалъ на землю. Когда уже многіе со всѣхъ сторонъ взобрались на стѣну и со всею силою кололи Скиѳовъ, тогда они со стыдомъ устремились оттуда на царскій дворъ, обнесенный оградою, въ которомъ хранилась казна Мисянъ и однихъ воротъ за собой не затворили. Въ сіе время римское войско, стоявшее за стѣною,

сломавши крюки и сбивъ запоры у воротъ, вбѣжало въ городъ и побило безчисленное множество непріятелей. Тогда, говорятъ, Борисъ, юный государь Мисянъ, еще съ бѣлымъ только пушкомъ на лапитахъ, взятъ былъ въ плѣнъ съ женою и двумя малолѣтними дѣтьми и приведенъ къ императору, который принялъ его съ честью, называлъ господаремъ Болгаровъ, говоря, что онъ пришелъ отмстить Скиѳамъ за претерпѣнныя Мисянами обиды.

Гл. 7. Ворвавшіеся въ городъ Римляне ходили по улицамъ, убивали непріятелей и грабили ихъ имѣніе. Они приступили тогда къ царскому двору, гдѣ находилась часть россійскаго войска. Скиѳы храбро встрѣтили ихъ въ воротахъ и побили около ста пятидесяти мужественныхъ воиновъ. Государь, узнавъ о семъ пораженіи, тотчасъ выѣхалъ, поощряя своихъ ратниковъ устремиться всѣми силами къ сраженію; но видя, что ничего хорошаго сдѣлать не можно (ибо имъ легко было убивать входящихъ въ узкія ворота Римлянъ) остановилъ безполезное ихъ стремленіе и со всѣхъ сторонъ приказалъ бросать огонь на дворецъ черезъ ограду. Когда сильное пламя быстро стало все пожигать, тогда Россіяне, числомъ болѣе семи тысячъ человѣкъ, вышли на открытое мѣсто, построились и готовы были защищаться. Государь послалъ противъ нихъ храбрый отрядъ съ магистромъ Вардомъ Склиромъ, который, окруживши ихъ, немедленно приступилъ къ дѣлу. Они сильно сражались и не обращались въ бѣгство; но наши со своею доблестью и воинскою опытностью всѣхъ перекололи. Въ сей битвѣ весьма много пало и Мисянъ, сражавшихся съ Римлянами какъ виновниками скиѳскаго на нихъ нашествія. Сфенкелъ съ немногими спасся бѣгствомъ и ушелъ къ Святославу. Онъ скоро послѣ сего былъ убитъ, о чемъ я ниже упомяну. Такимъ образомъ въ нѣсколько дней Преслава была взята.

Гл. 8. Императоръ Іоаннъ, сдѣлавши войску должныя награды и давши ему отдыхъ, праздновалъ тамъ божественное Воскресеніе Спасителя. Выбравъ нѣсколько человѣкъ изъ плѣнныхъ Тавроскиѳовъ, онъ послалъ ихъ къ Святославу съ извѣстіемъ о взятіи города и побіеніи его ратниковъ и съ объявленіемъ, чтобы онъ немедленно избралъ одно изъ двухъ: или, бросивъ оружіе, покорился побѣдителямъ, просилъ прощенія въ дерзости и тотчасъ выступилъ изъ страны Мисянъ, или, если онъ по природной своей гордости сего не пожелаетъ, защищался всѣми силами отъ римскаго войска. Такъ онъ велѣлъ ему сказать. Пробывши нѣсколько дней въ городѣ, онъ поправилъ разрушенныя стѣны, назвалъ его по своему имени Іоаннополемъ и, оставивъ достаточную стражу, отправился со всѣмъ ополченіемъ къ Дористолу. Іоаннъ на дорогѣ взялъ

Плескуву, Дпнею и многіе другіе города, которые отложились отъ Россіянъ и пристали къ Римлянамъ. Святославъ, узнавъ о семъ пораженіи подъ Преславою, досадовалъ и печалился, почитая сіе нехорошимъ предзнаменованіемъ будущаго, но побуждаемый скиѳскимъ своимъ безуміемъ и надмѣнный побѣдами одержанными, надъ Мисянами, надѣялся скоро побѣдить и наше воинство.

Гл. 9. Видя, что Мисяне отступаютъ отъ его союза и переходятъ на сторону государя и зная, что, если всѣ они присоединятся къ нему, дѣла его кончатся худо, онъ созвалъ всѣхъ знаменитыхъ родомъ и богатствомъ Мисянъ, числомъ до трехсотъ человѣкъ и совершилъ надъ ними жестокое и безчеловѣчное злодѣйство: приказалъ всѣмъ отрубить головы, а прочихъ въ оковахъ заключить въ темницы. Послѣ сего, собравши все ополченіе Тавроскиѳовъ, числомъ до шестидесяти тысячъ человѣкъ, онъ выступилъ противъ Римлянъ.[a] Такъ какъ Государь медленно къ нимъ приближался, то нѣкоторые храбрые ихъ воины, надменные чрезвычайною отважностью, вышли изъ строя, засѣли въ скрытомъ мѣстѣ и, сдѣлавъ нечаянное нападеніе, убили нѣсколько передовыхъ нашихъ ратниковъ. Императоръ, увидя на дорогѣ распростертыя ихъ тѣла, и жалѣя о погибели своихъ соотечественниковъ, остановилъ коня своего и приказалъ искать виновниковъ. Пѣхотная отборная дружина со всею скоростью обѣжала лѣса и овраги, поймала сихъ злодѣевъ и привела къ нему на—лицо; онъ тотъ же часъ велѣлъ ихъ умертвить— и немедленно ихъ изрубили мечами. Какъ скоро римскія войска сошлись къ городу Дористолу, обыкновенно называемому Дристрою, то Тавроскиѳы, сомкнувъ щиты и копья на подобіе стѣны, ожидали ихъ на мѣстѣ сраженія. Государь выстроилъ Римлянъ: по сторонамъ стояли всадники, вооруженные желѣзными латами, а сзади стрѣльцы и пращники, которымъ онъ приказалъ стрѣлять безпрестанно; въ такомъ порядкѣ онъ повелъ на нихъ свое ополченіе.

Гл. 10. Войска сошлись;—и началась сильная битва, которая долго съ обѣихъ сторонъ была въ равновѣсіи. Россы, пріобрѣвшіе славу побѣдителей у сосѣдственныхъ народовъ, почитая ужаснымъ бѣдствіемъ лишиться оной и быть побѣжденными, сражались отчаянно. Римляне,

---

Примѣчанія: [a]) А. Чертковъ отказывается принять цифру Льва Діакона— 60т человѣкъ и полагаетъ, что число воиновъ было то же, что и у Аскольда и Дира. А. Чертковъ, О числѣ русскаго войска, завоевавшаго Болгарію и сражавшагося съ Греками во Оракіи и Македоніи въ 967—971 годахъ. Записки Одесскаго Общества исторіи и древностей, Т. I. Одесса, 1844, 167.

побѣждавшіе всѣхъ враговъ своихъ оружіемъ и своею доблестью, также стыдились быть побѣжденными, подобно неопытнымъ въ дѣлахъ воинскихъ[а] и притомъ народомъ, неумѣющимъ ѣздить на коняхъ, и въ одну минуту лишиться великой своей славы. Питая въ себѣ такія мысли, оба войска сражались очень храбро. Россы, предводимые природнымъ звѣрствомъ своимъ и яростію, со всею быстротою, какъ бѣшенные, съ ревомъ бросились на Римлянъ, выступавшихъ съ опытностью и военнымъ искусствомъ. Весьма многіе съ обѣихъ сторонъ упадали;—сраженіе колебалось и побѣда, до самаго вечера, казалась неизвѣстною. Но когда свѣтоносное солнце (φωσφόρος) начало спускаться къ западу, тогда государь послалъ противъ нихъ всю конницу и, воскликнувъ громко:—Докажите Римляне на самомъ дѣлѣ свою доблесть, ободрилъ духъ воиновъ. Они устремились съ необыкновенною быстротою. Трубачи затрубили къ бою; ужасный поднялся крикъ. Скиѳы, не выдержавъ ихъ нападенія, обратились въ бѣгство и заключились въ стѣнахъ города: они многихъ потеряли въ сей битвѣ. Римляне пѣли побѣдныя пѣсни, восхваляли императора, который раздавалъ имъ чины, угощалъ ширами и тѣмъ болѣе ободрялъ ихъ къ сраженію“.

Извлеченіе изъ Кедрина и Зонары.

Кедринъ и Зонара (Cedr. II, p. 526—529.—Zonar II, lib. 17, c. 11, p. 166—167. Вен. изд.) говорятъ: „Когда всѣ приготовленія къ походу были окончены, то Іоаннъ, весною, во второе лѣто своего царствованія, вышелъ изъ Царьграда съ римскимъ ополченіемъ. Прибывъ къ Редесту, онъ встрѣтилъ двухъ Скиѳовъ, присланныхъ къ нему, какъ они объявили, послами отъ ихъ князя, но дѣйствительно имѣвшихъ только порученіе осмотрѣть римское войско. Послы приносили жалобы на обиды, полученныя Руссами отъ Грековъ. Іоаннъ вмѣсто отвѣта приказалъ показать этимъ двумъ Скиѳамъ свои войска, (ибо онъ зналъ настоящую причину ихъ пришествія) и потомъ, возвратясь къ Святославу, объявить ему, что самъ императоръ идетъ на него съ ополченіемъ, обученнымъ и привыкшимъ къ повиновенію. Послѣ этого Іоаннъ, отобравъ изъ всего своего войска, храбрѣйшихъ воиновъ, пѣшихъ до пяти тысячъ и конныхъ до четырехъ тысячъ, перешелъ съ симъ отборнымъ отрядомъ Емскія горы, вступилъ въ непріятельскую страну, внезапно явился передъ

Примѣчаніе: а) Интересна характеристика Руссовъ, какъ народа, не умѣющаго ѣздить на коняхъ.

Преславою, столицею Болгаріи, и тутъ разбилъ свой станъ. Остальному ополченію, подъ начальствомъ Куникуларія Василія, императоръ приказалъ слѣдовать медленно за собою. Неожиданное прибытіе греческихъ войскъ къ Преславѣ изумило и встревожило Руссовъ. Калокиръ, виновникъ этой войны, находился тогда въ городѣ. Увидя греческое ополченіе, предводительствуемое самимъ императоромъ и услыша звуки трубъ, онъ испугался и тайно ушелъ изъ Преславы въ русскій станъ. Здѣсь Руссы, увидѣвъ его и узнавъ о прибытіи императора, были сильно поражены этимъ извѣстіемъ; но, ободренные увѣщаніями Святослава, пошли въ походъ и разбили свой станъ противъ римскаго. Въ скоромъ времени греческія войска напали внезапно на враговъ, выстроившихся передъ городомъ въ числѣ восьми тысячъ пятисотъ воиновъ. Долго сражались съ обѣихъ сторонъ; но наконецъ Скиѳы, утомленные битвою, побѣжали назадъ въ городъ и многіе были убиты. Во время этого сраженія, другіе Скиѳы, остававшіеся въ Преславѣ, увидя внезапное нападеніе Римлянъ и схватя оружіе, какое тогда у нихъ подъ руками находилось, вышли на помощь къ своимъ. Они выступили изъ города, не соблюдая воинскаго строя и столь разсѣянно, что Греки безъ труда ихъ побивали, и обращали въ бѣгство. Тогда римская конница преградила имъ обратный путь и принудила еще болѣе разсѣяться по окрестнымъ полямъ, которыя покрылись ихъ трупами и много было взято въ плѣнъ. Сфагеллъ, первый военачальникъ Святослава, приказалъ затворить городскія ворота и отражалъ со стѣнъ Преславы камнями и стрѣлами нападавшихъ Римлянъ. Наступившая ночь прекратила сраженіе. На другой день, съ восходомъ солнца, прибыло къ императору все остальное римское войско, подъ начальствомъ Василія. Іоаннъ очень обрадовался этому прибытію, взошелъ на холмъ, дабы показать себя Руссамъ и приказалъ всему ополченію римскому окружить городъ. Онъ послалъ сказать Скиѳамъ, чтобы они не упорствовали въ сдачѣ города и не предавали себя видимой опасности. Но враги не внимали его увѣщаніямъ и продолжали сражаться со стѣнъ Преславы. Тогда Римляне подошли къ городу, поражали непріятелей стрѣлами и приставили къ стѣнамъ лѣстницы“:

Слѣдуетъ разсказъ о штурмѣ города Преславы и наступленіи Іоанна на Доростолъ. „Руссовъ было семь тысячъ, а Римлянъ съ ними сражавшихся, только триста человѣкъ. Святославъ, со всѣмъ своимъ войскомъ, (котораго считали до 330 тысячъ) расположился станомъ за двѣнадцать миль не доходя до Доростола. Храбрые Римляне, гордясь одержанными недавно побѣдами, весьма желали вступить въ сраженіе,

ибо знали, что само Провидѣніе всегда помогаетъ не начинающимъ, а тѣмъ, которые принуждены защищать себя отъ враговъ. Когда войска сошлись, то какъ императоръ, такъ равно и Святославъ ободряли своихъ воиновъ, и оба ополченія, по трубному звуку, вступили въ бой. Въ началѣ сраженія Римляне сильно потѣснили Скиѳовъ и поколебали ихъ войско; но Руссы нимало не смутились и вновь, съ крикомъ, напали на нашихъ. Долго оба ополченія сражались съ равными успѣхами. Только уже вечеромъ Римляне, взаимно другъ друга ободряя, сильно устремились и отчаянно напали на лѣвое крыло Скиѳовъ. Руссы подкрѣпили эту часть своего войска. Императоръ также съ своей стороны послалъ на помощь къ своимъ, а наконецъ и самъ прибылъ туда, возбуждалъ воиновъ къ сильнѣйшему нападенію, приказалъ открыть знаменія императорскія и даже самъ бросалъ копье въ непріятеля. Сѣча была жестокая и счастье переходило отъ одной стороны къ другой (говорятъ, что двѣнадцать разъ войско было отражаемо и бѣжало назадъ) но Руссы уступили и разсѣялись по полю. Римляне ихъ преслѣдовали и предавали смерти. Такимъ образомъ погибло много враговъ, но еще болѣе ихъ взято въ плѣнъ: остальные отступили въ Доростолъ. Императоръ принесъ торжественное благодареніе Св. мученику Георгію, потому что въ день празднуемой памяти этого святого онъ одержалъ побѣду“.

Извлеченіе изъ Льва Діакона.

Кн. IX. Гл. I. „На другой день, государь укрѣпилъ свой станъ высокимъ валомъ слѣдующимъ образомъ. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Доростола была небольшая возвышенность, на коей онъ расположилъ шатры; вокругъ оной велѣлъ копать ровъ, вырываемую землю сыпать на край его; на сей насыпи, когда она уже довольно будетъ высока, приказалъ поставить копья и повѣсить на нихъ щиты, одинъ подлѣ другого, такъ чтобы ровъ и насыпная земля служили стану оградою, чтобы непріятели не могли въ него вступить и, добѣжавъ до рва, принуждены были остановиться. Такъ обыкновенно Римляне строили станы въ землѣ непріятельской. Укрѣпивши такимъ образомъ шатры, государь, на другой день, повелъ войско къ стѣнѣ города. Скиѳы, стоя на башняхъ, бросали въ него стрѣлы и камни изъ всѣхъ метательныхъ орудій. Римляне снизу защищались одними пращами и стрѣлами. Сраженіе кончилось сею перестрѣлкою съ обѣихъ сторонъ, наши отступили въ станъ для подкрѣпленія себя пищею; а непріятели ввечеру выѣхали за ограду. Тогда они еще въ первый разъ явились на

коняхъ, ибо прежде всегда пѣшіе обыкновенно выходили въ бой и вовсе не умѣли на лошадяхъ сражаться.[a] Римляне немедленно вооружились доспѣхами, сѣли на коней и съ длинными копьями въ рукахъ (какія обыкновенно они имѣютъ въ битвѣ), со всею быстротою, съ сильнымъ напоромъ на нихъ устремились. Не умѣя править конями, поражаемые копьями, они обратились въ бѣгство и въ стѣнахъ заперлись.

Гл. 2. Въ тоже время показались на рѣкѣ Истрѣ огненосные римскіе корабли съ запасными судами. Наши, увидя оные, исполнились чрезвычайной радости, а Скиѳы, боявшіеся текучаго огня, объяты были ужасомъ. Они слыхали отъ своихъ старѣйшинъ, что Римляне симъ мидійскимъ огнемъ на Евксинскомъ морѣ обратили въ пепелъ безчисленное войско Игоря (Ἴγγωρ), родителя Святослава. Итакъ, они немедленно собрали всѣ свои ладьи и поставили подлѣ стѣны, гдѣ Истръ омываетъ одну сторону Дористола. Но огненные наши корабли стерегли со всѣхъ сторонъ, чтобы имъ невозможно было сѣсть на оные и спасаться бѣгствомъ въ свою землю. Итакъ на другой день съ длинными до самыхъ ногъ щитами, въ кольчужныхъ броняхъ, они вышли изъ города на поле и выстроились. Римляне, также хорошо вооруженные, выступили изъ стана. Обѣ стороны сильно сражались и побѣда долго казалась сомнительною: попеременно одна другую преодолѣвала. Но когда одинъ римскій воинъ, выступивъ изъ строя, поразилъ копьемъ храбраго великана Сфенкела, занимавшаго третье мѣсто послѣ Святослава, тогда Тавроскиѳы, устрашенные паденіемъ его, начали мало-помалу отступать съ поля битвы и подвигаться къ городу. Въ то время и Ѳеодоръ Лалаконъ, мужъ неприступный и непобѣдимый храбростью и силою тѣлесною, весьма много побилъ непріятелей желѣзною своею булавою, которою онъ, по крѣпости руки своей, раздроблялъ и шлемъ и покрытую онымъ голову. Такимъ образомъ Скиѳы, обращенные въ бѣгство, возвратились въ городъ. Государь приказалъ трубить къ отступленію въ станъ, гдѣ онъ награждалъ своихъ ратниковъ дарами и дѣлалъ имъ угощенія, возбуждая тѣмъ большую охоту храбро выходить на сраженіе...

Гл. 5. Россы... вышли на поле и всѣми силами покушались сжечь метательныя наши орудія, ибо не могли стоять противъ свистящихъ ихъ выстрѣловъ; и ежедневно множество ихъ убиваемо было бросаемыми изъ оныхъ камнями. Магистръ Іоаннъ Куркуасъ, ближній родственникъ государя, бывшій тогда начальникомъ при сихъ орудіяхъ, увидя от-

---

Примѣчаніе: [a]) Обстоятельство, обращающее на себя вниманіе.

важное ихъ стремленіе, несмотря на то, что отъ вина сонъ одолѣвалъ его (потому что это было послѣ обѣда), сѣлъ на коня и быстро на нихъ устремился. Конь на бѣгу оступился въ яму и сшибъ его съ себя. Скиѳы, увидя превосходные доспѣхи, конскую сбрую и блистательныя на оной бляхи (онѣ были вызолочены), почли его за самаго государя и, прибѣжавши къ нему, мечами и сѣкирами изрубили вмѣстѣ съ доспѣхами безъ всякой пощады. Отрубленную голову его вонзили на копье и поставили на башнѣ, смѣясь надъ Римлянами, что они государя ихъ закололи, какъ агнца на жертву..

Гл. 6. Россы, надменные сею побѣдою, на другой день вышли изъ города и построились къ сраженію. Римляне также выступили противъ нихъ густою фалангою. Тогда Анемасъ, одинъ изъ тѣлохранителей государя, сынъ предводителя Критянъ, увидя храбраго исполина Икмора, перваго мужа и вождя скиѳскаго войска послѣ Святослава, съ яростью стремящагося съ отрядомъ отборныхъ ратоборцевъ и побивающаго множество Римлянъ, тогда, говорю, Анемасъ, воспаленный душевнымъ мужествомъ, извлекъ свой мечъ, при бедрѣ висѣвшій, сдѣлалъ нѣсколько скачковъ на конѣ въ разныя стороны и, кольнувъ его, пустился на сего великана, настигъ и поразилъ его въ выю и отрубленная вмѣстѣ съ правою рукою голова повергласъ на землю. При семъ его паденіи, поднимается у Скиѳовъ ужасный крикъ, смѣшанный съ воплемъ, а Римляне быстро на нихъ нападаютъ. Они не выдержали сего напора и, чрезвычайно огорченные бѣдствіемъ своего полководца, закинули щиты на спину и начали отступать къ городу. Наши, преслѣдуя ихъ, побивали. Какъ скоро наступила ночь и явилась полная луна на небѣ, то Россы вышли на поле, собрали всѣ трупы убитыхъ къ стѣнѣ и на разложенныхъ кострахъ сожгли, заколовъ надъ ними множество плѣнныхъ и женщинъ. Совершивъ сію кровавую жертву, они погрузили въ струи рѣки Истра младенцевъ и пѣтуховъ и такимъ образомъ задушили... Уважая Еллинскія таинства, которымъ они научились или отъ философовъ своихъ Анахарсиса и Замолксиса или отъ товарищей Ахилла, они всегда совершали надъ умершими жертвы и возліянія. Тавроскиѳы еще и нынѣ обыкновенно рѣшаютъ свои распри убійствомъ и кровію. Но что сей народъ отваженъ до безумія, храбръ, силенъ, что нападаетъ на всѣхъ сосѣдственныхъ народовъ, то многіе свидѣтельствуютъ и даже божественный Іезекіиль о семъ упоминаетъ въ слѣдующихъ словахъ: „Се азъ навожу на тя Гога и Магога, князя Россъ“ (Іезек. 39). Но о кровавыхъ жертвахъ Тавроскиѳовъ довольно.

Гл. 7. На другой день Святославъ созвалъ знаменитыхъ мужей въ совѣтъ, называемый на ихъ языкѣ коментомъ. Когда онъ спросилъ собравшихся къ нему, что должно дѣлать, тогда нѣкоторые изъ нихъ совѣтовали тихо, въ глухую ночь, сѣсть на суда и спасаться бѣгствомъ, ибо невозможно, говорили они, сражаться со всадниками, покрытыми желѣзными латами, особливо потерявши первыхъ ратоборцевъ, подкрѣплявшихъ войско и ободрявшихъ духъ воиновъ. Другіе, напротивъ того, совѣтовали примириться съ Римлянами и такимъ образомъ, взявши съ нихъ клятву въ вѣрности, сохранить по крайней мѣрѣ остатокъ войска: ибо трудно, говорили они, тайно уплыть, когда огненосные корабли съ обѣихъ сторонъ стоятъ у береговъ и стерегутъ наши суда, чтобы немедленно всѣхъ ихъ сжечь, какъ скоро покусимся на нихъ отправиться по рѣкѣ. Тогда Святославъ, вздохнувъ отъ глубины сердца, сказалъ: „Погибнетъ слава, сопутница Россійскаго оружія, безъ труда побѣждавшаго сосѣдственныхъ народовъ и безъ пролитія крови покорявшаго цѣлыя страны, если мы теперь постыдно уступимъ Римлянамъ. Итакъ, съ храбростью предковъ нашихъ и съ тою мыслью, что русская сила была до сего времени непобѣдима, сразимся мужественно за жизнь нашу. У насъ нѣтъ обычая бѣгствомъ спасаться въ отечество, но или жить побѣдителями или, совершивши знаменитые подвиги, умереть со славою“. Такъ совѣтовалъ Святославъ.

Гл. 8. Говорятъ, что побѣжденные Тавроскиѳы никогда живые не сдаются непріятелямъ, но, вонзая въ чрево мечи, себя убиваютъ. Они сіе дѣлаютъ по причинѣ мнѣнія своего, что убитые въ сраженіи, по смерти своей или разлученіи души съ тѣломъ, служатъ въ адѣ своимъ убійцамъ. Посему, страшась сего рабства, боясь служить своимъ врагамъ, они сами себя закалываютъ. Такое господствуетъ у нихъ мнѣніе. Услышавъ слова своего правителя, они со всею охотою рѣшились за свою жизнь подвергнуться опасности и съ мужествомъ выступить противъ римской силы. Итакъ на другой день (въ шестой день недѣли, 24-го числа іюля), при захожденіи солнца, они вышли изъ города, построились въ твердую фалангу и, простерши копья свои, рѣшились итти на подвигъ. Государь также поставилъ войско въ строй и вывелъ изъ стана. Открылось сраженіе: Скиѳы сильно напали на Римлянъ, кололи ихъ копьями, поражали коней стрѣлами и всадниковъ сбивали на землю. Тогда Анемасъ, отличившійся наканунѣ убіеніемъ Икмора, увидѣвъ Святослава съ бѣшенствомъ и яростію стремящагося на нашихъ воиновъ и одобряющаго полки свои, сдѣлалъ нѣсколько скачковъ на конѣ въ разныя стороны (дѣлая такимъ образомъ, онъ

обыкновенно побивалъ великое множество непріятелей) и потомъ, опустивъ повода, поскакалъ прямо на него, поразилъ его въ самую ключевую кость и повергнулъ ницъ на землю. Но не могъ умертвить; кольчужная броня и щитъ, которыми онъ вооружался отъ римскихъ мечей, его защитили. Конь Анемаса частыми ударами копій сраженъ былъ на землю; тогда окруженный фалангою Скиѳовъ, онъ множество ихъ перебилъ, защищаясь, но наконецъ изъязвленный упалъ сей мужъ, превосходившій всѣхъ своихъ сверстниковъ воинскими подвигами.

Гл. 9. Итакъ Россы, ободренные его паденіемъ, съ громкимъ и дикимъ крикомъ бросились на Римлянъ, кои, устрашенные необыкновеннымъ ихъ стремленіемъ, начали отступать. Государь, увидѣвъ отступленіе войска, боясь, чтобы отъ страха къ чрезвычайному нападенію враговъ, оно не подверглось крайней опасности, съ копьемъ въ рукѣ, храбро пошелъ на нихъ со своимъ отрядомъ. Загремѣли бубны и трубы зазвучали къ бою. Римляне, слѣдуя стремленію императора, обратили коней и быстро пустились на непріятелей. Внезапно возставшая и разлившаяся по воздуху буря съ дождемъ разстроила Россовъ: ибо поднявшаяся пыль вредила ихъ глазамъ. Тогда, говорятъ, явился предъ Римлянами нѣкій воинъ на бѣломъ конѣ и ободрялъ ихъ итти на враговъ. Онъ чудеснымъ образомъ разсѣкалъ и разстраивалъ ихъ ряды. Никто не видалъ его въ станѣ ни прежде, ни послѣ сраженія. Государь, желая достойно наградить его и изъявить должную благодарность за подвиги, вездѣ искалъ его, но нигдѣ не могъ найти. Послѣ того всеобщее распространилось мнѣніе, что онъ былъ великій мученикъ Ѳеодоръ, котораго государь молилъ быть себѣ въ сраженіяхъ помощникомъ, защищать и хранить себя вмѣстѣ съ воинствомъ.

Гл. 10. Римляне пошли за симъ божественнымъ предводителемъ и вступили въ бой съ непріятелями. Какъ скоро началось сильное сраженіе, то Скиѳы, окруженные магистромъ Склиромъ, не могши выдержать стремленія конной фаланги, обратились въ бѣгство и, преслѣдуемые до самой стѣны, съ безславіемъ упадали мертвы на мѣстѣ. Самъ Святославъ, израненный и истекшій кровію, не остался бы живъ, если бы не спасла его наступившая ночь. У непріятелей, говорятъ, на семъ сраженіи убито было 15 тысячъ человѣкъ, взято было 20 тысячъ щитовъ и множество мечей; а у нашихъ убитыхъ было только 350 человѣкъ и множество раненыхъ. Такую побѣду одержали Римляне въ сей битвѣ. Святославъ всю ночь печалился о побіеніи своей рати, досадовалъ и пылалъ гнѣвомъ. Но чувствуя, что ничего уже не можетъ сдѣлать непобѣдимому нашему войску, почиталъ обязанностію благо-

разумнаго полководца, не предаваясь печали въ крайнихъ обстоятельствахъ, всѣми силами стараться сохранить оставшихся воиновъ. Итакъ на другой день, по утру, посылаетъ къ императору просить мира съ такими условіями: Тавроскиѳы должны отдать Римлянамъ Дористолъ, отослать плѣнныхъ, выйти изъ Мисіи и возвратиться въ свое отечество; а Римляне должны дать имъ безопасно отплыть на судахъ своихъ, не нападая на нихъ съ огненосными кораблями (ибо они чрезвычайно боялись мидійскаго огня, могущаго даже камни превращать въ пепелъ), позволить привозить къ себѣ хлѣбъ и посланныхъ для торговли въ Византію считать по прежнему обычаю—друзьями.

Гл. 11. Государь охотно принялъ предложеніе союза (онъ миръ предпочиталъ войнѣ, зная, что одинъ сохраняетъ, а другая, напротивъ того, истребляетъ народы), утвердилъ условіе и далъ каждому по двѣ мѣры хлѣба. Получившихъ хлѣбъ было только 22 тысячи человѣкъ, оставшихся изъ 60 тысячъ русскаго войска; слѣдственно, прочіе 38 тысячъ пали отъ римскаго меча. По утвержденіи міра, Святославъ просилъ позволенія у государя притти къ нему для личныхъ переговоровъ. Онъ согласился и, въ позлащенномъ вооруженіи, на конѣ пріѣхалъ къ берегу Истра, сопровождаемый великимъ отрядомъ всадниковъ, блестящихъ доспѣхами. Святославъ переѣзжалъ черезъ рѣку на нѣкоторой скиѳской ладьѣ и, сидя за весломъ, гребъ наравнѣ съ прочими безъ всякаго различія. Видомъ онъ былъ таковъ: средняго роста, не слишкомъ высокъ, не слишкомъ малъ, съ густыми бровями, съ голубыми глазами, съ плоскимъ носомъ, съ бритою бородою и съ густыми длинными висящими на верхней губѣ волосами. Голова у него была совсѣмъ голая, но только на одной ея сторонѣ висѣлъ локонъ волосъ, означающій знатность рода. Шея толстая, плечи широкія и весь самъ довольно стройный. Онъ казался мрачнымъ и дикимъ. Въ одномъ ухѣ висѣла у него золотая серьга, украшенная двумя жемчужинами съ рубиномъ посреди ихъ вставленнымъ. Одежда на немъ была бѣлая, ничѣмъ кромѣ чистоты отъ другихъ не отличная. И такъ, поговоривъ немного съ императоромъ о мирѣ, сидя въ ладьѣ на лавкѣ, онъ переправился назадъ. Такимъ образомъ кончилась война Римлянъ съ Россами.

Гл. 12. Святославъ отдалъ по договору плѣнныхъ, оставилъ Дористолъ и поспѣшно съ остальными воинами отправился на судахъ въ свое отечество. Но Пацинаки (Печенѣги), многочисленный пастушескій народъ, вшедшій, кочующій и живущій большею частію въ кибиткахъ, нечаянно на пути напали на него, всѣхъ почти истребили и его самаго

со всѣми прочими убили, такъ что весьма немногіе изъ всего великаго русскаго войска благополучно возвратились подъ отеческіе кровы [6]).

Извлеченіе изъ Кедрина и Зонары.

Кедринъ и Зонара (Cedr. II, p. 529—534. Zonar. II, lib. XVII, c. II—IV, p. 167—168) о сраженіи при Доростолѣ и послѣдующихъ событіяхъ говорятъ: „На другой день одержанной побѣды императоръ со всѣмъ войскомъ подошелъ ближе къ Доростолу. Здѣсь онъ приказалъ сдѣлать укрѣпленія около своего стана; но осады города не начиналъ, потому что греческіе корабли еще не прибыли къ Доростолу, и Іоаннъ опасался отплытія Руссовъ Истромъ изъ города. Такимъ образомъ онъ положилъ дожидаться прихода своихъ кораблей; а Святославъ, въ это время, заключилъ въ оковы до двадцати тысячъ плѣнныхъ Болгаръ, опасаясь ихъ возмущенія, и приготовился выдержать осаду. Когда корабли пришли къ Доростолу, то императоръ приступилъ къ осадѣ города со всѣми своими войсками, и Скиѳовъ, дѣлавшихъ частыя вылазки, поражалъ неоднократно. Однажды вечеромъ, въ то время какъ Римляне приготовляли себѣ ужинъ, Руссы вышли изъ города двумя разными воротами, восточными и западными. Первыя охранялъ столоначальникъ Петръ съ войскомъ ѳракійскимъ и македонскимъ; другія — Вардъ Склиръ съ ополченіемъ восточнымъ. Руссы также раздѣлены были на два отряда, одинъ конный, другой состоявшій изъ пѣшихъ воиновъ. Тогда въ первый разъ увидѣли Руссовъ, сражавшихся на коняхъ: въ предшествовавшихъ сраженіяхъ они всегда выходили пѣшими. Началась жестокая битва и долго продолжалась съ равнымъ успѣхомъ для обоихъ ополченій. Наконецъ Римляне одолѣли Скиѳовъ, много ихъ побили, и болѣе всего всадниковъ; остальныхъ прогнали въ городъ. Изъ римскихъ воиновъ ни одинъ не былъ раненъ и убито только три всадника. Скиѳы, въ продолженіи всей ночи, оплакивали своихъ убитыхъ товарищей; ихъ ужасные вопли походили болѣе на рыканіе звѣрей, чѣмъ на рыданія людскія. Передъ восхожденіемъ солнца императоръ привелъ въ движеніе свои войска, вывелъ ихъ передъ городскія стѣны и ожидалъ нападенія Руссовъ. Но видя, что непріятель не выходитъ изъ Доростола, Іоаннъ приказалъ своему ополченію возвратиться въ станъ. Тогда прибыли къ императору посланныя изъ Константіи и другихъ укрѣпленныхъ мѣстъ, находившихся за Истромъ, съ просьбою о помилованіи и о принятіи всѣхъ этихъ городовъ въ римское владѣніе. Іоаннъ принялъ благосклонно присланныхъ и отрядилъ военачальниковъ, съ достаточнымъ войскомъ, для охраненія покорившихся ему крѣпостей. Въ этотъ же день вечеромъ Руссы, отворивъ ворота, съ гораздо большимъ числомъ

войскъ чѣмъ прежде, напали на Римлянъ, ни мало не ожидавшихъ этого натиска по причинѣ почти наступившей ночи. Скиѳы думали побѣдить императора; но когда былъ убитъ Сфагеллъ, сражавшійся какъ герой, то они, потерявъ его, пришли въ смятеніе, ослабили свое нападеніе, и вскорѣ Римляне одержали верхъ надъ ними. Не смотря на это, Руссы всю ночь и слѣдующій день до самаго полудня оставались на мѣстѣ сраженія. Тогда императоръ послалъ отрядъ для пресѣченія имъ возвратнаго пути въ городъ, и Руссы, увидѣвъ это, обратились въ бѣгство, разсѣялись и многіе были убиты. Въ слѣдующую ночь Святославъ приказалъ вырыть вокругъ стѣнъ глубокій ровъ, дабы осаждающіе не могли подходить близко и удобно къ городу. Укрѣпивъ такимъ образомъ Доростолъ, русскій князь рѣшился храбро защищать городъ. Руссы имѣли множество раненыхъ и терпѣли большой недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, которые совершенно были истощены по причинѣ долговременной осады. Выходить-же изъ города, для снисканія пищи, Римляне имъ не дозволяли. Въ этомъ стѣсненномъ положеніи Руссы принуждены были прибѣгать къ тайнымъ средствамъ для пріисканія съѣстныхъ припасовъ. Такимъ образомъ, въ одну темную и бурную ночь, съ сильнымъ дождемъ и грозою, Святославъ послалъ на ладьяхъ двѣ тысячи воиновъ для пріисканія продовольствія своему ополченію. Руссы, собравъ множество всякаго рода припасовъ, возвращались уже по Истру въ Доростолъ; но увидя на берегу Римлянъ, поившихъ коней и собиравшихъ дрова и сѣно, воины, посланные Святославомъ, причалили къ берегу. Тутъ вышли они изъ своихъ челноковъ и тихо, лѣсомъ, обошли императорскихъ воиновъ, напали на нихъ стремительно, многихъ побили, а остальныхъ принудили разбѣжаться по окружавшимъ лѣсамъ. Руссы, совершивъ это, сѣли опять на свои ладьи и возвратились съ большою добычею въ Доростолъ. Это извѣстіе очень огорчило императора: онъ гнѣвался на своихъ корабельныхъ начальниковъ за то, что они допустили Руссовъ выти изъ Доростола, и даже угрожалъ имъ смертію, если они еще разъ будутъ столь-же небрежны. Съ этихъ поръ Руссы не могли болѣе плавать по Истру. Тогда уже минуло шестьдесятъ пять дней съ тѣхъ поръ, какъ началась осада города и происходили почти ежедневныя стычки. Императоръ почелъ за должное испытать еще, какое дѣйствіе произведетъ голодъ на осажденныхъ Руссовъ. Для этого приказалъ всѣ пути, ведущіе изъ Доростола, перекопать рвами, вездѣ поставилъ стражу, дабы никто не могъ выти изъ города; а самъ жилъ спокойно въ своемъ станѣ. Между тѣмъ Скиѳы терпѣли голодъ въ Доростолѣ и много страдали отъ стѣнобитныхъ орудій; но

болѣе всего причиняли имъ вредъ тѣ, которыя охранялъ магистръ Іоаннъ, сынъ Романа Куркуаса. Святославъ выслалъ избранныхъ воиновъ для истребленія этихъ орудій. Тогда и Куркуасъ, взявъ храбрѣйшихъ изъ своихъ, вступилъ съ Руссами въ битву и сражался до тѣхъ поръ, какъ упалъ съ коня своего, пронзеннаго копьемъ. Руссы бросились на Куркуаса и умертвили его, но Римляне отстояли свои орудія и прогнали непріятеля въ городъ. Іюля 20 дня вышли изъ Доростола всѣ Руссы, подъ предводительствомъ и распоряженіемъ Икмора, воина знаменитѣйшаго у Скиѳовъ и занимавшаго, послѣ смерти Сфагелла, второе мѣсто въ Русскомъ войскѣ". Приведенъ эпизодъ смерти Икмора. Скиѳы ушли въ городъ. „Самъ Святославъ попался-бы въ плѣнъ, еслибы наступившая ночь не спасла его отъ этого позора. Ушедшіе въ городъ оплакивали тамъ смерть Икмора съ горькимъ воплемъ и рыданіемъ. Римляне нашли на полѣ сраженія, между трупами, убитыхъ женщинъ, которыя въ мужскомъ одѣяніи сражались столь-же храбро, какъ ихъ соотечественники. Всѣ обстоятельства начатой войны клонились ко вреду Руссовъ. Имъ не оставалось ни малѣйшей надежды получить откуда-либо себѣ помощь. Собственная ихъ страна находилась очень далеко, а сосѣдственные варварскіе народы, боясь Римлянъ, не соглашались помогать имъ. Непріятель претерпѣвалъ голодъ, и всѣ средства къ полученію съѣстныхъ припасовъ были ему преграждены Римлянами, корабли которыхъ возбраняли всякій выходъ Истромъ изъ Доростола. Напротивъ того императорскій станъ не имѣлъ ни въ чемъ недостатка, обиліе всѣхъ благъ стекало ежедневно къ нашимъ воинамъ и свѣжія войска, какъ пѣхотныя, такъ и всадники подкрѣпляли римское ополченіе и замѣняли убитыхъ. Руссы не могли даже на челнокахъ пробраться скрыто въ свою страну, потому что всѣ пути были сильно оберегаемы Римлянами. Это крайне тягостное положеніе принудило Святослава собрать своихъ военачальниковъ на совѣтъ. Одни изъ нихъ предлагали тайно, ночью, выти изъ города; другіе заключить миръ и тогда спокойно возвратиться на Русь. Нѣкоторые совѣтовали взять и другія мѣры, сходныя съ обстоятельствами, въ которыхъ они находились; но всѣ вообще желали скорѣе окончить войну. Самъ Святославъ однако-же, не принялъ ихъ мнѣнія. На другой день, рано утромъ, отворились городскія ворота и всѣ Руссы, подъ предводительствомъ Святослава, бодро и отважно выступили противъ Римлянъ. Скиѳы, вышедъ на поле, затворили опять ворота, дабы никто изъ нихъ не могъ и подумать оставить сраженіе и спасти жизнь свою посредствомъ бѣгства". Описывается битва. „Императоръ, примѣтивъ, что по тѣснотѣ мѣста выгода

сраженія остается на сторонѣ Руссовъ и они большой вредъ наносятъ Римлянамъ, приказалъ своимъ войскамъ отступить отъ городскихъ стѣнъ, на удобнѣйшее для нашихъ мѣстоположеніе, и когда дойдутъ до него, то внезапно повернуть коней и напасть на враговъ. Военачальники исполнили приказаніе императорское, а Руссы, принявъ отступленіе Римлянъ за настоящее бѣгство, съ крикомъ побѣжали за ними. Но Римляне, дошедъ до назначеннаго мѣста, обернулись назадъ и храбро напали на Руссовъ. Здѣсь началась жестокая сѣча. Когда лошадь подъ Ѳеодоромъ Мисѳіанипомъ, однимъ изъ нашихъ военачальниковъ, была убита, то онъ упалъ на землю. Руссы, увидѣвъ его паденіе, бросились на него и хотѣли умертвить, но Римляне защищали его. Этотъ Ѳеодоръ, схвативъ за поясъ одного изъ Скиѳовъ, двигалъ его подобно щиту то въ одну, то въ другую сторону, и ограждался имъ отъ бросаемыхъ Руссами копій. Такимъ образомъ, защищая себя и отступая мало по малу, возвращался онъ къ товарищамъ. Наконецъ Римляне подоспѣли къ нему на помощь, прогнали Скиѳовъ и избавили его отъ бѣдствія. Послѣ этого обѣ стороны прекратили битву, не одержавъ одна надъ другою побѣды. Императоръ, видя, что Скиѳы еще храбрѣе сражаются, чѣмъ прежде, и сожалѣя о трудахъ, переносимыхъ Римлянами, хотѣлъ скорѣе окончить войну посредствомъ единоборства. Вслѣдствіе этого послалъ онъ предложить Святославу выѣхать съ нимъ на поединокъ и велѣлъ сказать ему, что лучше окончить войну смертію одного человѣка, чѣмъ быть виновникомъ погибели множества людей, и что тотъ изъ нихъ двоихъ, который останется въ живыхъ, будетъ повелителемъ обоихъ народовъ. Святославъ не согласился на это предложеніе и отвѣчалъ презрительно: „Я самъ знаю лучше моего врага, что мнѣ полезно. Если-же Іоанну жизнь надоѣла, то въ его власти находится много другихъ средствъ, ведущихъ къ смерти: да избираетъ онъ любое“. Сдѣлавъ такой отвѣтъ, онъ еще болѣе заботился о возобновленіи битвы. Императоръ, видя, что должно защищаться, старался всѣми силами заградить Скиѳамъ отступленіе въ Доростолъ. Іоаннъ препоручаетъ это исполнить Варду Склиру съ воинами, находившимися подъ его начальствомъ, а достальнымъ войскамъ, подъ предводительствомъ столоначальника Петра и патриція Романа, сына императора Константина, приказалъ напасть на Руссовъ. Тогда началось кровопролитное сраженіе; съ обѣихъ сторонъ дрались отчаянно, побѣда перемѣнно ласкала тѣхъ и другихъ и долго оставалась нерѣшенною“. Дальше слѣдуетъ разсказъ о нападеніи Анемаса на Святослава, бурѣ въ лицо Скиѳамъ и помощи Св. Ѳеодора, переговорахъ о мирѣ и свиданіи Святослава съ императоромъ. „Святославъ

возвратился къ своимъ. Императоръ по его-же просьбѣ послалъ къ Печенѣгамъ съ предложеніемъ быть имъ въ союзѣ съ Римлянами, не переходить черезъ Истръ, не разорять Болгаріи и позволить Руссамъ пройти черезъ ихъ землю въ свое отечество. Ѳеофилъ, архіепископъ Эвхаитскій, былъ отправленъ съ этими предложеніями къ Печенѣгамъ. Они согласились на всѣ условія Іоанновы, кромѣ только пропуска Руссовъ черезъ ихъ землю". Печенѣги истребляютъ возвратившійся отрядъ Святослава.

Примѣчанія:

[1]) Названіе *Тавроскиѳы* встрѣчается еще у Птоломея, около 140-го года по Р. Х. „У византійскихъ писателей Русскіе называются Тавроскиѳами постоянно со времени Льва Діакона; въ этомъ выражается просто фактъ географической преемственности". В. Васильевскій, Рус. Визант. отрывки, Ж. М. Н. Пр. 1878, кн. 1 и 2.

[2]) Т. е. Болгарію. Мисіей Европейской называлась провинція, граничившая къ востоку съ Чернымъ моремъ, къ югу — съ хребтомъ Емскихъ горъ (Балканъ), къ западу — съ Паноніей и къ сѣверу — съ Дунаемъ (Geografia di Cl. Tolomeo, tradotta da Ruscelli, p. 157, Venezia, 1574).

[3]) *Διςρα, Δριςρα, Δοροςολος*, нынѣшняя Селистрія, по Птоломею—Дуростолъ, въ которомъ прежде стоялъ римскій легіонъ. Geografia di Cl. Tolomeo, p, 157.

[4]) Дальше идетъ описаніе взятія Антіохіи, заговора противъ Никифора и убіеніе его Іоанномъ Цимисхіемъ. Кедринъ (XII в.), пользовавшійся компиляціей Льва Діакона—Скилицы, писавшаго въ исходѣ XI вѣка, говоритъ: „Руссы, склонясь на предложенія Калокира, напали на Болгарію въ августѣ мѣсяцѣ, одиннадцатаго индиктіона, въ пятый годъ царствованія Никифора. Они разорили до основанія множество городовъ болгарскихъ и, взявъ огромную добычу, возвратились въ свою страну. Въ слѣдующемъ году Руссы вторично завоевали Болгарію и поступили еще съ большею жестокостью, чѣмъ прежде". А. Чертковъ. Описаніе войны Великаго Князя Святослава Игоревича противъ Болгаръ и Грековъ въ 967—971 годахъ. М. 1843, 26.

[5]) Гильфердингъ (въ Собр. сочин. т. I, стр. 149 и примѣч. 4) говоритъ, что „сраженіе подъ Адріанополемъ случилось несомнѣнно осенью 970 года", и догадывается, что въ этомъ сраженіи и побѣда была ничья", а Бѣловъ (Ж. М. Н. Пр. 1873, дек., 176), утверждаетъ, что побѣдили Русскіе, а Греки потерпѣли пораженіе, почему Цимисхій и

вызвалъ тотчасъ съ величайшею поспѣшностью новыя войска изъ Азіи. Къ тому же заключенію приходитъ и Дриновъ въ своей монографіи *Южные Славяне и Византія въ X вѣкѣ* (М. 1876, 101). По мнѣнію Ламбина разсказъ лѣтописи о походѣ Святослава относится къ лѣту 970-го года, когда, вслѣдствіе возстанія въ Азіи и отвлеченія туда части греческихъ силъ, перевѣсъ на театрѣ войны былъ на сторонѣ Русскихъ. Н. П. Ламбинъ, О годѣ смерти Святослава Игоревича великаго князя Кіевскаго (Зап. И. А. Н. Т. XXVII, 1876, 137, 144).

[6]) Александръ Дмитріевичъ Чертковъ въ своемъ описаніи войны В. М. Святослава (стр. 209)говоритъ: „Лѣтъ тридцать тому назадъ, писалъ ко мнѣ покойный А. Н. Оленинъ, попался въ рыбачій неводъ, въ Днѣпровскихъ порогахъ, серебряный сосудъ съ Греческою надписью; въ немъ найдены были монеты византійскихъ императоровъ: Никифора Фоки и Іоанна Цимисхія и мѣдный складный ключъ. Все это предполагалось изобразить въ Древностяхъ Россійскаго Государства, которыя приготовлялъ къ изданію покойный президентъ Академіи Художествъ, и можетъ служить новымъ живымъ доказательствомъ, что Святославъ, съ воинами своими, погибъ въ Днѣпровскихъ порогахъ: иначе какимъ образомъ могли-бы попасть въ эти пучины именно монеты Никифора и Цимисхія, двухъ цареградскихъ владыкъ, воевавшихъ съ нашимъ великимъ княземъ? Также и серебряный сосудъ есть конечно одна изъ добычъ нашихъ Руссовъ, отправившихся обратно восвояси, — вземъ имѣніе много у Грекъ и полонъ бещисленъ, какъ говоритъ нашъ лѣтописецъ“. Чертковъ, Опис. вой. в. к. Свят. Игор., ст. 209—210.

Приложеніе № 6

(къ прим. 115).

Извѣстія Ипатской лѣтописи о движеніи Руси на Грековъ при Владимірѣ Святомъ.

В(ъ) лѣто 6488..... По семъ рѣша Варязи Володимиру:

— Се град(ъ) нашь, и мы пришли(ъ) и, да хощем(ъ) имати л. 31.
откупъ на них(ъ), по 2 гривнѣ от(ъ) ч(е)л(о)в(ѣ)ка. И р(е)че имъ Володимиръ:—Пожьдете, даже вы куны сберут(ь), за м(ѣ)с(я)ць. И жьдаша за м(ѣ)с(я)ць, и не дасть имъ. И рѣша Варязи: — Сѣльстилъ еси нами, да покажи ны путь въ Грѣкы. Онъ же р(е)че:—Идете. Изъбра от(ъ) нихъ[а] мужа добры, и смыслены, и храбъры, и раздая имъ грады; прочии же идоша Ц(е)с(а)рюград(у). И посла пред(ъ) ними послы, гл(агол)я сице Ц(е)с(а)реві: — Се идуть к(ъ) тебѣ Варязи, не мози ихъ дѣржати в(ъ) городѣ, или то створят(ь) ти въ градѣ, яко здѣ, но расточи я раздно, а семо не пущаи ни единог(о) [1]). И нача княжити Володимиръ въ Киевѣ одинъ. . . . . .

В(ъ) лѣто 6493 [2]). Иде Володимиръ на Болъгары съ Добрынею л. 33.
уемъ своимъ в(ъ) лодьяхъ, а Торкы берегомъ приведе на конехъ, и тако побѣди Болгары. И р(е)че Добърыня[а] Володимиру:—Съглядахъ колодникъ, и суть вси в(ъ) сапозѣхъ; симъ дани намъ не платити, поидевѣ искать лапотникъ. И сътвори миръ Володимиръ с(ъ) Болгары, и ротѣ заходиша межи собою, и рѣша Болгаре:—Толи не буди мира межи нами, оли же камень начнетъ плавати, а хмель грязнути. И приде Владимиръ къ Киев(у) [3]). . . . . .

В(ъ) лѣт(о) 6496. Иде Володимеръ с(ъ) вои на Корсунь, град(ъ) л. 41 об.
Грѣчкый, и затворишася Корсуняни въ град(ъ). И ста Володимѣръ (объ) онъ полъ град(а) в(ъ) лимени, вьдале град(а) стрѣлища[б] единого, и борящуся крѣпко горожанѣ с(ъ) ними; Володимеръ обьстоя град(ъ) [4]). И изнемогаху людие въ град(ѣ), и р(е)че Володимеръ к(ъ) гражаномъ:—Аще ся не вдасте, имамъ стояти за три лѣт(а). Они же не послушаша того. Володимеръ же изряди воя своя и повелѣ приспу сыпати к(ъ) град(у) [5]).

Примѣчанія: [а]) ъ замыкаетъ строку при переносѣ. [б]) Буква *а* переправлена изъ *е*.

Сим(ъ) же спущимъ Корсуняне, подкопавше стѣну градьскую, крадяху сыпленую перьсть, и ношаху к(ъ) собѣ в(ъ) град(ъ), сыплюще посредѣ града; вои же присыпаху боле и Володимеръ стояше. И се мужь именемь Анастасъ Корсунянинъ стрѣли, написавъ на стрѣлѣ: „Кладязи, яже суть за тобою от(ъ) вьстока, ис(ъ) того вода идеть по трубѣ; копавше преимете воду“. Володимеру[а] же се слыша, възрѣвъ на н(е)бо, и р(е)че: Аще ся сбудеть, се имамъ кр(е)ститися. И ту абье повелѣ копати прекы трубамъ, и переяша воду. И людье изнемогаху жажею водною и предашася[6]. И виде Володимеръ въ град(ъ) и дружина[б] его, и посла Володимиръ къ ц(е)с(а)р(е)ви Василию и Костянтину, гл(агол)я сице: —Се град(ъ) ваю славный взях(ъ), слышю же се, яко сестру имасте д(ѣ)вою, да аще ея не вдасте за мя, то створю град(у) вашему, яко и сему створихъ. И се слышавша ц(е)с(а)ря, быста печал(ь)на, посласта вѣсть, сице гл(аголю)ще:[в]—Не дость кр(е)ст(ья)н(о)мъ за поганыя посягати и
л. 42. и даяти, аще ли ся кр(е)стиши, то прии || меши се, и получиши ц(е)с(а)рство н(е)б(е)сное, и с(ъ) нами единовѣрникъ будеши. Аще ли сего не хощеши створити, не можевѣ дати[г] сестры своеи за тя. И се слышавъ Володимѣръ и р(е)че посланымъ от(ъ) ц(е)с(а)рю:—Гл(аголи)те ц(е)с(а)р(е)ма тако: яко азъ крещюся, яко испытахъ преже сихъ днии законъ вашъ, и есть ми любъ, и вѣра ваша и служение, иже ми исповѣдаша послании нами мужи. И се слышавша ц(е)с(а)ря и рада быста и умолиста сестру свою, именемь Анну, и посласта[д] к(ъ) Володимеру, гл(аголю)щи: —Крестися, тогда послевѣ сестру свою к(ъ) тобѣ. И р(е)че Володимиръ: —Да пришедше сестрою вашею, кр(е)с(тя)ть мя. И послушаста ц(е)с(а)ря и посласта сестру свою и сановникы нѣкыя и прозвутеры. Она же не хотяше ити, яко в(ъ) поганыя и р(е)че има:—Луче бы ми сде умрети. И р(е)чества[е] ей брата:—Егда како обратить Б(ог)ъ Рускую землю в(ъ) покаяние, а Грѣчкую землю избавивши от(ъ) лютыя рати; видиши ли
л. 43. об. колико зло створиша Русь Грѣкомъ? Нынѣ же, аще не идеши, то же
л. 44 имуть творит(и) намъ. И одва припудиста[7] . . . . . Володимеръ же поимъ ц(е)с(а)р(и)цю, || и Настаса, и попы Корсуньскыя, мощи с(вя)т(а)го Климента и Фива[8], уч(е)н(и)ка его, и поима сьсуды ц(е)рк(о)вныя, иконы на бл(а)гословенье себе[9]. . . . . Вдасть же за вѣно Корсунь Грѣкомъ, ц(е)с(а)р(и)цѣ дѣля, а самъ приде Кыеву[10]. . . . . .

Примѣчанія: [а]) Вѣроятно Володимеръ. [б]) Такъ въ рукописи. [в]) Вмѣсто *достоить*. [г]) Слово *дати* переправлено изъ *створити*, причемъ *ство* зачеркнуто. [д]) Переправлено изъ *посласта*. [е]) По старочешски; на древнерусскомъ языкѣ ожидали бы *рекоста*·

Примѣчанія:

[1]) А. А. Шахматовъ полагаетъ, что эпизодъ съ Варягами вставленъ сюда произвольно. „Можно, конечно, допустить, говоритъ онъ, что разсказъ основанъ на припоминаніяхъ; но странно, что въ немъ не сохранилось тѣхъ чертъ, которыя могли бы запечатлѣться у Кіевлянъ особенно рѣзко,—что въ немъ не говорится, что же именно совершили Варяги въ Кіевѣ". Изслѣдователь предполагаетъ, что лѣтописецъ перенесъ сюда событіе, имѣвшее на самомъ дѣлѣ мѣсто въ 1017-мъ году. „До насъ дошло ясное свидѣтельство Титмара Мерзебургскаго о разореніи и пожарѣ Кіева въ 1017-мъ году". Не былъ ли пожаръ слѣдствіемъ безчинства Варяговъ въ завоеванномъ городѣ? „И не побудили ли Ярослава эти ихъ безчинства отправить ихъ въ Грецію съ должнымъ предупрежденіемъ византійскаго императора, съ которымъ русскій княжескій домъ состоялъ въ родственныхъ отношеніяхъ". Шахматовъ. Разысканія, 482, 483. Иконниковъ напоминаетъ объ уходѣ впослѣдствіи, по смерти Анны, 800 русскихъ на судахъ, съ родственникомъ Владиміра, въ Грецію, гдѣ они подняли бунтъ и были истреблены (Кедринъ. stritter, II, 1010). Когда Изяславъ I, изгнанный Кіевлянами, шелъ на Кіевъ (1069) съ Поляками, то Кіевляне грозили его братьямъ (Святославу и Всеволоду), если они не заступятся за нихъ, уйти въ Грецію (Лавр., 168); а Мстиславъ Владиміровичъ въ 1129 г. ссылаетъ пятерыхъ полоцкихъ князей въ Грецію за то, что они не подали помощи противъ Половцевъ. Иконниковъ, т. II, кн. I, 130. „В(ъ) лѣто 6638 . . . у се же лѣто поточи Мьстиславъ—полотьскии кн(я)зѣ съ женами и с(ъ) дѣт(ь)ми въ Грѣкы, еже преступиша хрестьное целованне". П. С. Р. Л. Т. II, Ипат. лѣт. С. П. Б. 1908, 293.

[2]) Конечно, годъ этотъ явился искусственно; рядъ Владиміровыхъ походовъ пріуроченъ къ послѣдовательному ряду годовъ; объ этихъ походахъ (но, конечно, безъ указанія послѣдовательности ихъ) сообщали, вѣроятно, народныя преданія. Шахматовъ, Разысканія, 462.

[3]) А. А. Шахматовъ считаетъ вѣроятнымъ, что Древнѣйшій Сводъ сообщалъ о походѣ на Болгаръ дунайскихъ, а не волжскихъ, ибо походъ совершается въ ладьяхъ, а вспомогательное войско изъ Торковъ идетъ берегомъ на коняхъ. Соображенія эти были высказаны въ свое время Иваномъ Андреевичемъ Линиченко въ Трудахъ Кіев. Дух. Акад. 1886, XII, 684. (Соврем. сост. вопр. объ обстоят. крещ. Руси). Вставку же о легендарномъ Добрынѣ, Владиміровомъ спутникѣ, Шахматовъ относитъ на счетъ новгородскаго сводчика, заимствовавшаго ее изъ

исторической пѣсни о походѣ Владиміра и Добрыни. Ibid. 175, 176. Составитель Начальнаго Свода, работавшій около 1095-го года, имѣлъ, какъ полагаетъ Шахматовъ, въ своемъ распоряженіи, кромѣ Древнѣйшаго Свода, еще и Новгородскій Сводъ. Ibid. 181.

„Въ 985—986 гг. русское войско и флотъ направились въ Болгарію и въ союзѣ съ Болгарами (при Самуилѣ) дѣйствовали противъ Грековъ. Слѣдствіемъ этого похода было пораженіе, нанесенное Грекамъ при Сердикѣ [а] (Средцѣ) въ 986 и угрожающее движеніе за Балканы, а въ 989 г. Русскіе лишаютъ Византію послѣдняго оплота на сѣверномъ берегу Чернаго моря—Корсуня". Иконниковъ, 126.

[4]) Слова „Володимеръ обьстоя градъ", т. е. что онъ установилъ полную блокаду города, по замѣчанію Шахматова, явно не согласованы съ указаніемъ, что Владиміръ сталъ „объ онъ полъ града въ лимени, въдале, [б] града стрѣлища единого", т. е. осадилъ Корсунь съ моря. Шахматовъ относитъ первое указаніе къ Древнѣйшему Своду, второе—къ Корсунской лэгендѣ. Шахматовъ, Разысканія, 140. Корсунская легенда, по мнѣнію Шахматова, сложилось не раньше второй половины или даже послѣдней четверти XI-го столѣтія. Легенда не дошла до насъ въ цѣльномъ и первоначальномъ видѣ. Ibid 133, 134.

[5]) Эпизодъ съ сооруженіемъ земляного вала вокругъ города, свидѣтельствующій о предпринятой осадѣ съ суши, Шахматовъ относитъ къ Древнѣйшему Своду. Ibid. 141.

[6]) „Взятіе Корсуня связано съ помощью, оказанною Владиміру Анастасомъ Корсунцемъ; объ этой личности, игравшей, вѣроятно, замѣтную роль во все послѣдующее княженіе Владимира, могли помнить и въ концѣ тридцатыхъ годовъ, тѣмъ болѣе, что въ 1018 году Анастасъ былъ еще живъ: Древи. Сводъ сообщалъ объ измѣнѣ его Ярославу и объ отъѣздѣ его изъ Кіева съ Болеславомъ, которому ввѣрился онъ лестью, за что былъ поставленъ имъ надъ своимъ имѣніемъ (захваченнымъ въ Кіевѣ)". Шахматовъ, 463. Анастасъ, какъ извѣстно, былъ священникомъ и Шахматовъ сомнѣвается, чтобы онъ пустилъ предательскую стрѣлу. Шахматовъ считаетъ эпизодъ со стрѣлой заимствованнымъ въ Начальный Сводъ изъ Корсунской легенды, гдѣ такую стрѣлу пускаетъ Варягъ Жьдьберинъ. Ibid. 141. (Осада ведется Владиміромъ съ моря; Варягъ Жьдьберинъ пускаетъ изъ Корсуня стрѣлу, на которой написано, какъ взять городъ, какъ заставить его сдаться; надо

Примѣчанія: [а]) Срѣдецъ=Софія. [б]) Должно быть нарѣчіе.

перекопать путь, которымъ съ суши доставляется въ Корсунь провіантъ; Владиміръ слушается совѣта; городъ, по истеченіи трехъ мѣсяцевъ, сдается).

[7]) „Актъ крещенія Владиміра до такой степени былъ дѣломъ личной воли его, что онъ остался совершенно неяснымъ ближайшимъ за нимъ поколѣніямъ: черезъ сто лѣтъ уже не могли Русскіе сказать, гдѣ онъ крестился—въ Кіевѣ, Василевѣ, Корсуни или можетъ быть, въ Константинополѣ". Ѳ. Успенскій, 36—37. „Походъ Владиміра на Корсунь, взятіе Корсуни, женитьба на греческой царевнѣ—все это факты не вымышленные; они засвидѣтельствованы и византійскими и арабскими источниками, притомъ современными этимъ событіямъ". Шахматовъ, Разысканія, 134.

[8]) Фифа. „Думаю, говоритъ А. И. Шахматовъ, что слова *и Настаса, и попы Корсуньски, с мощми святаго Климента и Фифа, ученика его*, восходятъ къ Корсуньской легендѣ". Ibid. 142.

[9]) „Легенда о построеніи Св. Богородицы Десятинной сохранила воспоминаніе о походѣ Владиміра на Корсунь; походъ былъ предпринятъ съ прямой цѣлью добыть священниковъ, священныя книги и сосуды необходимые для новопросвѣщенной страны; Владиміръ идетъ, слѣдовательно на Корсунь уже по принятіи христіанства; вотъ почему онъ находитъ помощь со стороны священника корсунскаго Анастаса". По мнѣнію Шахматова „легенда эта составителемъ Древн. Свода использована не вполнѣ; къ ней вернулся впослѣдствіи составитель Начальнаго Свода, но въ концѣ XI вѣка она успѣла принять уже совершенно иной характеръ; она преобразовалась въ Корсунскую легенду, повѣствовавшую, вопреки лѣтописи, что самое крещеніе Владиміръ принялъ въ Корсунѣ. Такимъ образомъ въ дошедшемъ до насъ лѣтописномъ текстѣ имѣются заимствованія и изъ болѣе древней легенды о созданіи церкви Богородицы Корсунской и изъ болѣе новой легенды о крещеніи Владиміра въ Корсунѣ". Ibid. 486.

[10]) О результатахъ брака Владиміра съ Анной по отношенію къ Византіи Зонара въ своей хроникѣ говоритъ: „Когда Дельфинъ (одинъ изъ враждебныхъ императору патриціевъ) ополчился противъ Хрисополя, то Василій внезапно напалъ на него съ русскимъ войскомъ, ибо, сдѣлавшись родственникомъ русскаго князя Владиміра черезъ сестру свою Анну, получилъ оттуда помощь, безъ труда одолѣлъ враговъ и, поймавъ самаго Дельфина, посадилъ его на колъ". Терновскій, 140.

При Владимірѣ русскій отрядъ несомнѣнно былъ отправленъ и успѣшными дѣйствіями въ Малой Азіи оказалъ имп. Василію большую услугу. Б. Розенъ, Имп. Василій Болгаробойца, Спб. 1863, 23 и сл.

Баронъ Розенъ издалъ и снабдилъ комментаріями значительное извлеченіе изъ арабской лѣтописи Якъи Антіохійскаго (вѣроятно родился въ 70-хъ годахъ X-го вѣка). Якъя говоритъ: „И истощился его (Василія) богатства, и побудила его нужда послать къ царю Руссовъ,—а они его враги,—чтобы просить ихъ помочь ему въ настоящемъ его положеніи. И согласился царь Руссовъ на это (продолжаетъ Яхъя). И заключили они между собою договоръ о свойствѣ, и женился царь Руссовъ на сестрѣ царя Василія, послѣ того какъ онъ поставилъ ему условіе, чтобы онъ крестился и весь народъ его страны, а они народъ великій... И прибыли *войска Руссовъ* также *и соединились съ войсками Грековъ*, и отправились всѣ вмѣстѣ на борьбу съ Вардою Фокою моремъ и сушей въ Хрисополь. И побѣдили они Фоку“ (который поднялъ бунтъ). А. Липовскій. Изъ исторіи Греко-Болгарской войны X—XI вв. Ж. М. Н. П. 1891, XI, 131.

Кедринъ (II, 444) пишетъ, что когда отрядъ Варды явился въ виду Хрисополя (теперь Скутари), то Василій II „приготовилъ ночью корабли и посадилъ на нихъ Русь, такъ какъ кстати онъ призвалъ къ себѣ изъ нихъ союзную (военную) силу и сдѣлалъ зятемъ князя ихъ Владиміра по своей сестрѣ Аннѣ; переправившись съ ними, онъ неожиданно нападаетъ на враговъ и легко захватываетъ ихъ въ свои руки“. Въ подобныхъ же выраженіяхъ описывается событіе у Зонары (vol. II, p. 222. B. Paris). Помимо византійцевъ, объ отправленіи Владиміромъ вспомогательнаго союзнаго отряда свидѣтельствуютъ два армянскихъ историка—Степанъ Торонскій, по прозванію Асохикъ, ближайшій современникъ Владиміра и Василія II. В. Г. Васильевскій, Варяго-русская и Варяго-англійская дружина въ Константинополѣ XI и XII вѣковъ, Т. I. Спб. 1908, 197, 200. „Со времени Владиміра на службѣ у византійскаго правительства былъ постоянный корпусъ изъ Русскихъ, — мы видимъ его въ войнахъ съ Грузинами, Сарацинами, Норманами, Ю. Италіей въ XI вѣкѣ“, Козловскій, 6. „Исторія дипломатическихъ сношеній Россіи съ Византіей въ X вѣкѣ обрывается на глухомъ извѣстіи Никоновскаго Свода о приходѣ, около 988—900 г., греческихъ уполномоченныхъ къ Владиміру Св. Послѣ крещенія . . . . . *многими послы приходиша изъ Грекъ отъ царей со многою честью и зъ дары и съ любвью. „Того же лѣта 990 пріидоша отъ греческихъ царей послы о любви“*. Лонгиновъ, 113. Установившіеся затѣмъ дружественныя отношенія были нарушены лишь при Ярославѣ, когда состоялся послѣдній походъ Руси на Византію 1043-го года (см. *приложеніе* № 7).

Приложеніе № 7

(Къ прим. 10 прил. № 6).

Походъ Русскихъ на Грековъ при Ярославѣ Мудромъ.

(По Ипатскому списку).

В(ъ) лѣт(о) 6551. Посла Ярославъ Володимира, с(ы)на своего, л. 57 об.
на Грѣкы [1]), и да ему воя многы [2]), а воеводьство поручи Вышатѣ, о(т)цю Яневу [3]). И поиде Володимиръ на Ц(е)с(а)рьград(ъ) в(ъ) лодьяхъ и придоша в(ъ) Дунаи, и от(ъ) Дуная поидоша ко Ц(е)с(а)рюград(у); и быс(ть) буря велика, и разби кораблѣ Руси [4]), и княжь корабль разби вѣтръ и взяша князя в(ъ) кораблии [а)] Иванъ Творимирича, воеводы Ярославля. Прочии вои Володимѣрѣ выверженн быша брег[б)]ъ, числомъ 6000, и хотяче поити в(ъ) Русь, и не иде с(ъ) ними никто же от(ъ) дружины[в)] княжа. И рече Вышата:—Азъ поиду с(ъ) ними. И высѣде ис(ъ) корабля к(ъ) ним, рекъ:—Аще живъ буду, то с(ъ) ними, аще ли погибну-с(ъ) дружиною. И поидоша хот(я)че в(ъ) Русь. И быс(ть) вѣсть Грѣкомъ, яко избило море Русь, иославъ ц(е)с(а)рь, именемъ Мономахъ, по Руси олядіи 14. Володимеръ же, видивъ яко идуть по нихъ, в(ъ)сня || тився, л. 53.
изби олядии Грѣчькия, и вьзвратися в(ъ) Русь, сьсѣдавшися в(ъ) кораблѣ своѣ. Вышату же яша с(ъ) изверженьми на брегъ, и приведоша я Ц(е)с(а)рюграду, и слѣниша Руси много. По 3-хъ же л(ѣ)тѣхъ миру бывшю, и пущенъ быс(ть) Вышата вь Русь къ Ярославу [5]).

[1]) „Любовныя узы, связывавшія Русь съ Греціей, не разрывались и въ первой половинѣ XI вѣка, до 1043 г. По Кедрину, Зонарѣ и др. миръ, въ силу договора и родства греческаго царскаго дома съ русскимъ княземъ, возстановившій право Русскихъ вести торговлю съ Греками, длился весьма долго, пока не былъ прерванъ въ томъ году, на три года, убійствомъ въ Царьградѣ русскаго мужа, которое вызвало несчастный походъ Русскихъ къ Царьграду". Лонгиновъ, 114.

[2]) Владиміръ Ярославичъ († 1052 въ Новгородѣ) вторгся въ предѣлы Византіи съ большимъ войскомъ, доходившимъ по Кедрину до 100 тысячъ человѣкъ.

Примѣчанія: а) Вмѣсто *кораблю*. б) Пропущено *на*. в) Буква *у* переправлена изъ *и*.

[3]) „Воевода X—XI вв., историческій предшественникъ тысяцкаго, княжь мужъ, стоящій во главѣ ополченія воевъ. Дружина тѣсно связана съ княземъ, и у княжихъ мужей бывала своя дружина. Но воевода упоминается въ походахъ, когда идутъ вои“. Прѣсняковъ, 193.

Вышата—отецъ Яня. „Этотъ Янь несомнѣнно тотъ самый, который въ лѣтописи упоминается нѣсколько разъ; мы находимъ его подъ 1071 годомъ въ качествѣ данщика Святослава, подъ 1089 въ качествѣ кіевскаго тысяцкаго, подъ 1093 въ качествѣ Святополкова военачальника, подъ 1106—въ качествѣ воеводы Святополча; подъ тѣмъ же 1106 годомъ сообщается о его смерти и погребеніи въ Печерскомъ монастырѣ, причемъ лѣтописецъ говоритъ, что онъ отъ него слышалъ многа словеса, „еже и вписахъ въ лѣтописаньи семь, отъ негоже слышахъ“. Послѣднее обстоятельство наводитъ на предположеніе, что отмѣченныя вставки въ разсказѣ о Владиміровомъ походѣ на Грековъ обязаны своимъ появленіемъ Яню, сыну Вышатину“. Шахматовъ, Разысканія, 443.

[4]) „Не могу не признать словъ „и поиде Володимеръ в лодьяхъ и придоша в Дунаи“ вставкою [a]) изъ другого разсказа: во-первыхъ „и поиде Володимеръ“ не согласовано съ дальнѣйшимъ „и поидоша ко Цесарюграду“; во-вторыхъ, здѣсь говорится о лодьяхъ, между тѣмъ какъ въ дальнѣйшемъ о корабляхъ; въ-третьихъ, совершенно не ясно, зачѣмъ упомянуто въ Повѣсти вр. л. о прибытіи („и придоша“) въ Дунай, когда съ этимъ прибытіемъ не связано никакихъ дѣйствій и слѣдствій“. „Сводъ 1448 сообщаетъ, что морская рать Владимірова состояла изъ Варяговъ и Руси; на Дунаѣ, куда направился флотъ, произошло несогласіе между Русью, желавшею высадиться на берегъ и идти сухимъ путемъ, и Варягами, порѣшившими идти къ Царьграду въ лодьяхъ; Греки, увидѣвши непріятеля, начали погружать въ море пелены Христовы съ мощами святыхъ; Божіемъ гнѣвомъ возмутилось море и разбило лодьи; Варяги обратились въ бѣгство“. Ibid. 226. По схемѣ А. А. Шахматова Новгородскій Сводъ 1448 г. имѣетъ связь съ одной стороны съ Общерусск. Сводомъ нач. XIV в. (откуда Ипатская лѣт.) и съ другой съ Новгородскимъ Сводомъ 1167 г. (Отъ Новгор. Свода 1448 г. дошли Акад. и Комиссіон. списки). Оба Свода: и нач. XIV в. и 1167 г. восходятъ черезъ Повѣсть вр. л. 1116 г. и Начальный Сводъ 1093 г. къ Древнѣйшему Кіевскому Своду 1039 г. Ibid. 226.

[5]) Русскіе потерпѣли пораженіе подъ Царьградомъ, а потомъ близъ Варны. Mem. populorum, II, 1012—16. Подробный разсказъ о на-

Примѣчанія: [a]) въ основной разсказъ.

шествіи Руси на Константинополь въ 1043 г.—въ исторіи Мих. Псёла (Bibliotheca graeca medii aevi, t. IV, изд. К. Сабою; ср. Васильевскій (Ж. М. Н. П. 1874, ноябрь, 107; 1875, мартъ, 89—92). „Уже послѣ отпуска плѣнныхъ и для скрѣпленія мира (1046) дочь императора Константина (наз. Анною, „гречкия", „мономахкия"), должна была стать (1046) женою брата Владиміра-Всеволода I, которому она оставила единственнаго сына—Владиміра (Мономаха) и дочь Анну (Янку). Позже (1073—1074) императоръ Михаилъ VII Дука обращался за помощью къ Всеволоду Ярославичу и русскіе князья (Владиміръ Мономахъ и Глѣбъ Святославовичъ) берутъ на себя усмиреніе Корсуня, чѣмъ только вызываютъ неудовольствіе въ послѣднемъ: Корсунцы захватываютъ русскія суда. Впрочемъ, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, Владиміръ Мономахъ смирилъ потомъ ихъ и заставилъ уплатить убытки. Въ это же время у Корсунцевъ является соперникъ въ торговлѣ—Судакъ. Нашествіе варваровъ (Печенѣговъ, Половцевъ, Татаръ), а затѣмъ возникновеніе генуэзскихъ колоній (въ XIII в.) окончательно подрываютъ значеніе Херсонеса. Такимъ образомъ Кафа (прежняя Ѳеодосія) и Судакъ становятся распорядителями приморской торговли (Херсонесъ Таврическій, В. Ястребова, К. Стар. 1883, VI, 37—48. Византійскія владѣнія на сѣверномъ берегу Чернаго моря въ IX и X вв., Ѳ. Успенскаго, К. Стар. 1889, XXV. О Судакѣ (Сурожѣ)—ж. Стефана Сурожскаго. *Лѣт. Зап. Арх. Ком., В. XI.* О походѣ Руссовъ на Сурожъ, Зап. Одес. Общ. ист., т. I, 1844, ср. Васильевскій, Рус. Визант. изсл. II, предисл.). Владиміръ Мономахъ, въ силу родства съ Леономъ Діогеновичемъ (зять его, противникъ Алексія Комнена) претендовалъ еще на болгарско-дунайскіе города. (Два письма императора Михаила VII Дуки къ Всеволоду Ярославовичу, Русск. Виз. отрывки, В. Васильевскаго. Ж. М. Н. Пр. 1875, № 12; Татищевъ, II, 156). Въ послѣдующихъ извѣстіяхъ мы встрѣчаемъ лишь свѣдѣнія о службѣ Русскихъ въ легіонахъ и во флотѣ и о неоднократныхъ посольствахъ къ русскимъ князьямъ о военной помощи. Уже въ 1160 г. императоръ Мануилъ Комненъ, вслѣдствіе натянутыхъ отношеній къ Венгріи, отправилъ посольство къ великому князю Ростиславу Мстиславовичу и просилъ у него помощи „въ силу заключеннаго между Русскими и Греками мирнаго договора"; а въ 1200 г. русскіе князья, по настоянію киевскаго митрополита, выступили на защиту Грековъ отъ вторженія Половцевъ (Кинамъ и Никита Хоніатъ. Stritter, II, 1023—24)". Иконниковъ. Оп. историограф. Т. II, к. I, Кіевъ. 1908, 129—130.

Приложеніе № 8.

Объ языкѣ и письмѣ издаваемаго текста Ипатской лѣтописи.

Ипатская лѣтопись написана подъ сильнымъ вліяніемъ книжнаго, ц.-сл. языка, такъ что на ряду съ фактами живого народнаго языка мы встрѣчаемся съ фактами ц.-славянскаго. А. А. Никольскій (О языкѣ Ипатской лѣтописи, Русскій Филологическій Вѣстникъ, 1899, №№ 1—4) отмѣчаетъ, между прочимъ, слѣдующія ц.-сл. особенности:

1) ъ и ь, которые въ эпоху Ипатскаго списка не имѣли значенія глухихъ гласныковъ, часто изъ подражательности книжному языку стоятъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ раньше стояли въ качествѣ глухихъ (л. 9, стл. *б*, 17—*изнесъше* и т. д., л. 11 об. стл. *б*, 21—*многьство* и т. д.).

2) Много неполногласныхъ формъ (л. 12 об. стл. *а*, 19—*страпь*, л. 19—стл. 9, 29—*хранимъ*, л. 13 об. стл. *б*, 10—*сребра* и т. д.).

3) Измѣненіе основныхъ группъ dj и tj въ *жд* вм. простого *ж* и *щ* вм. *ч*. (л. 14 стл. б, 22—*преждереченую*, л. 18, стл. *а*, 28—*хощемъ* и т. д.).

4) Въ формѣ род. п. од. числа *а* (*я*) вмѣсто *ѣ* (л. 9, стл. *б*, 16, *ризу святыя Богородица*, л. 14, стл. *а*, 28—*бурѧ* и т. д.).

5) Въ род. п. од. числа муж. рода прикладковъ—*аго* вмѣсто *ого* (л. 13, стл. *а*, 12—*другаго* и т. д.)[a].

6) Частое соединеніе задненебныхъ съ *ы* (правило для ц.-сл. языка), напр. л. 17 об. стл. *б*, 33, *варѧгы*, л. 13, стл. *а*, 31-*многыхъ* и т. д. Соединеніе *к* и *х* съ *ы* (л. 18 об. стл.-*б*, 6, *великыій* и т. д., л. 18 об.-стл. *б*., 1, *ветхыій* и т. д.)[a].

7) Въ спряженіи наст. вр. 2 лиц. почти всегда на *ши* (л. 12, стл. *а*, 28—*хощеши* и т. д.).

8) Вѣроятно ц. сл. форма изъ элеваго причастія и помогальнаго глагола въ имперфектѣ *(бѣша бо мьнози погыбли)*.

Въ языкѣ договоровъ ц.-сл. элементъ могъ быть особенно силенъ, такъ какъ очень вѣроятно мнѣніе Алексѣя Ивановича Соболевскаго,

---

Примѣчаніе: [a]) Эти черты пожалуй также старорусскія, но во всякомъ случаѣ здѣсь доля искусственности.

что переводъ съ греческаго былъ сдѣланъ на славянскій языкъ обычными переводчиками съ греческаго въ старое время,—Болгарами [a] (А. Соболевскій, Кирилло-Мефодіевскіе вопросы, Кіев. унив. записки, 1885. № 9, 308).

Оригиналъ лѣтописи, съ увѣренностью можно сказать, южно-русскаго происхожденія, и та часть Ипатской лѣтописи, къ которой относится издаваемый текстъ, надо думать, была переписана и можетъ быть не разъ—въ Галицко-Волынской землѣ.

Какъ на черту южно-русскую можно указать мѣну *у* и *в* (л. 14 об. стл. *а*, 28—*въскочить*, л. 17 об. 28—*усрѣте, въ насъ*). А. И. Соболевскій видитъ въ этомъ южно-русскую черту въ виду чрезвычайной рѣдкости ея въ сѣверно-русскихъ памятникахъ (А. Соболевскій, Очерки изъ исторіи русскаго языка, ч. 1. Кіевъ, 1884, 104).

Затѣмъ переходное смягченіе задненебныхъ—архаизмъ, уцѣлѣвшій въ малорусскомъ и бѣлорусскомъ нарѣчіи и только отчасти въ южновеликорусскомъ говорѣ (*на рѣцѣ, на руцѣ, нозѣ*); постоянство въ постановкѣ *ѣ* вънѣкоторыхъ случаяхъ въ слогѣ передъ мягкимъ согласнымъ (л. 14 об. стл. *а*, 16—о *полонѣныи* и т. д.); также въ конечномъ открытомъ слогѣ—*Олговѣ*; *овѣ* могло бы соотвѣтствовать малорусскому *овi*, вмѣсто ожидаемаго *ови*. Великорусскіе писцы, въ говорѣ которыхъ къ XV-му вѣку уже навѣрное не существовало никакой разницы въ произношеніи *ѣ* и *е*, все-таки сохранили до извѣстной степени эту черту южнорусскаго оригинала; но зато въ другихъ случаяхъ, какъ принадлежность пера сѣверорусскихъ переписчиковъ, отмѣчается безразличное употребленіе то *ѣ*, то *е* (*смерть* и *смѣрти, средѣ* и *посрѣдѣ*).

А что Ипатская лѣтопись была переписана на сѣверѣ Руси—лучше всего доказываетъ взаимная мѣна *ч* и *ц*, составлявшая характерную особенность новгородскаго говора, л. 14, стл. *б*. 31—*чѣну*, л. 21, стл. *б*. 20—*надъ руцьемъ*, л. 17 об. стл. *а*, 26,—*на ноць*).

Относительно письма Ипатской лѣтописи надлежитъ отмѣтить слѣдъ южнославянскаго вліянія, сказавшагося между прочимъ въ употребленіи чистыхъ гласныхъ безъ іотаціи (*великаа, большаа, крестьанамъ*). Явленіе это станетъ понятнымъ, если вспомнить что южнославянская мода у насъ особенно замѣтно проявилась въ началѣ XV-го вѣка, а Ипатскій списокъ лѣтописи былъ написанъ, судя по водяному знаку бумаги, въ двадцатыхъ годахъ XV-го вѣка.

Примѣчанія: [a] Слѣдуетъ имѣть въ виду Куника—*Ernst Kunik*. Die Berüfung der schwedischen Rodsen durch die Finnen und Slawen. Eine Vorarbeit zur Entstehungsgeschichte des Russischen Staates, S. Petersburg, 1844—45.

Южнославянское вліяніе сказалось и въ начертаніи буквъ. Въ Ипатской лѣтописи пишутся *еревые ы*, это черта болгарскаго полуустава XIV-го вѣка, хотя рукопись написана такъ называемымъ русскимъ полууставомъ, правда не вполнѣ выдержаннымъ (*ж* съ слабо развитой верхней частью или безъ нее; *з* съ хвостомъ откинутымъ вправо; *в* съ опустившейся въ уголъ верхней правой чертой; *т* съ неправильной крышкой, *ч* въ видѣ расщепа или съ очень незначительной ножкой; *ѡ* съ чертой на самомъ верху буквы; тоже ѿ; *а* съ хвостомъ; ѣ, ѣ съ носкомъ).

Говоря объ орѳографіи, замѣтимъ еще, что *і десятиричное* пишется лишь въ концѣ строки, по недостатку мѣста; что относительно рѣдкое іотованное *е* (є) и ѥ ставятся послѣ гласныхъ и въ началѣ слова, ѧ послѣ согласныхъ; *у* (безъ *о*)—послѣ согласныхъ, ѹ въ началѣ слова; ѹ̈ для написанія предлога *отъ*. Наконецъ, чтобы не замыкать строки согласной буквой, писецъ не разъ пишетъ ъ въ серединѣ слова.

Итакъ относительно издаваемаго текста лѣтописи слѣдуетъ заключить, что передъ нами памятникъ южнорусскаго происхожденія, написанный, въ особенности когда приводятся договоры съ Греками, подъ сильнымъ вліяніемъ книжнаго, ц. сл. языка. Впослѣдствіи памятникъ этотъ, не разъ переписанный въ Галицко-Волынской землѣ, былъ переписанъ и на сѣверѣ Руси, и въ такомъ видѣ, въ рукописи начала XV вѣка, дошелъ до насъ, отразивъ въ своемъ письмѣ южно-славянское вліяніе, именно тогда особенно замѣтно сказавшееся.

Приложеніе № 9.

СЛОВАРЬ

къ издаваемому тексту Ипатской лѣтописи.

абиѥ = *абьѥ* — тотчасъ
биричь — глашатай
ближика (м. и ж.) — ἐγγύτατος, ἐπιτήδειος, proximus, близкій, συγγενής, cognatus, родственникъ
бороненіѥ — помѣха, препона. *бороненіꙗ земнаго* — κατα βραχέων. Греч. βραχέα — мель, отмель
брашьно — пища вообще, снѣдь, βρῶμα, βρῶσις, τροφή, δαπάνη (также — мучное кушанье)
вабити — приглашать, звать, привлекать
велѣти — выражать желаніе, волю
витати — обитать
вои — воины, войско, силы; *итди вои* — итти войнами, т. е. итти на войну
волити — хотѣть, βούλεσθαι, θέλειν (имѣетъ и другое значеніе)
волость — власть, право; область, страна, земля, находящаяся подъ одной верховной властью (имѣетъ и другое значеніе)
выверечи, *вывьрчꙋ* — выбросить
глѧдати — βλέπειν, смотрѣть, видѣть
гость — купецъ (разъѣзжій)
даже — до тѣхъ поръ, пока (и др. знач.)
деместьникъ, *деместикъ* — δομέστικος, церковный чинъ
дѣлꙗ — по причинѣ (и др. знач.)
дѣтичь, *дѣтищь* — дитя
дꙋжии, *дюжии* — сильный
елико = *ѥлико* — сколько (и др. знач.)
емати — брать
епархъ — ἔπαρχος, начальникъ, правитель страны
епитимиꙗ = *епитемьꙗ* = *ѥпитимиꙗ* = *епитьмьꙗ* — ἐπιτιμία, собственно mulcta, poena, законное взысканіе, штрафъ, пеня, наказаніе
засобь — опять
заходити ротѣ — давать присягу
золотьникъ — золотая монета, νόμισμα
п единою — еще разъ

изламлять — несовершенный видъ къ *изломити*
имовитый — зажиточный
имѣникъ — имущество, богатство, добыча (и др. знач.)
имѣчьный — относящійся къ переему, къ хватанію: *имѣчьное* = *имьчьнокъ* — плата за переемъ
искѹсити — испытать
искѹсъ — πεῖρα, πείραμα, πείρασις, πειρατεία, πειρασμός, испытаніе, искушеніе; здѣсь—грабежъ, разбой
исповѣдати — разсказать (и др. знач.)
испълчитисѧ = *исплъчитисѧ* = *исполчитисѧ*—снарядиться, изготовиться; укрѣпиться противъ
казати — сказать, приказывать (и др. знач.)
казнь — наказаніе (и др. знач.)
какыи — какой, *кацѣмь* — какимъ
ключь (лат. clavis.) — οἴαξ, руль, кормило (и др. значеніе)
колодьникъ — плѣнникъ, узникъ, невольникъ
комонь — ἵππος, конь
кропиньный, кропиныи — сдѣланный изъ коприны, т. е. изъ шелка, по болгарски коприна—шелкъ
кѹвара = *кѹбара* — ναῦς, корабль
кѹна — денежная единица, (и др. знач.), *кѹны* — деньги
лимень = *лимѣнь* — лиманъ
литра — λίτρα, денежная единица.
льстивыи = *лстивыи* = *льстъвый* — хитрый, льстивый
любьзнивыи — склонный, пристрастный (и др. знач.)
лѣпьши, лѣпѣиши — лучшій; знатный, знатнѣйшій
мовь — баня, мытье въ банѣ
мыто — δῶρον, κέρδος, плата, награда, мзда; подать (и др. знач.)
мѣстьникъ — κεκτημένος, хозяинъ дома, владѣлецъ мѣста; обыватель (и др. знач.)
мѣсѧчина — μηναῖα, мѣсячное содержаніе
невѣголосъ — невѣжда, невѣжественный
нетии — племянникъ
обаче — однако, напротивъ того, но
обонѣпольныи (объ онъ полъ) — находящійся по ту сторону (моря)
обрѧженикъ — распоряженіе, завѣщаніе
овъ — этотъ
оли — когда (и др. знач.)
олѧдиа (должно быть χελάνσιον) — видъ судна

опакы — наизнанку, обратно, назадъ (и др. знач.)
оправлѧти — устанавливать право; судить, разбирать дѣло (и др. знач.)
опрочь = *опроче* = *опрочъ* = *опроцы* — кромѣ, исключая (и др. знач.)
остѫпити — окружить, осадить (и др. знач.)
отрокъ — княжескій тѣлохранитель и слуга (и др. знач.)
отътолѣ — послѣ того (и др. знач.)
паволока — дорогая ткань, штука матеріи (и др. знач.). Какъ полагалъ Эверсъ — искаженіе греч. βαβυλόνικον
пакость — разоренье, грабежъ (и др. знач.)
патрикии — патриціи
пьрсть = *прьсть* = *пьрьсть* = *персть* — прахъ, земля (и др. знач.)
повѣдѣти — разсказать, сказать (и др. знач.)
позьрѣти = *позрѣти* — посмотрѣть, взглянуть (и др. знач.)
поконъ — обычай, обыкновеніе (и др. знач.)
покосныи — благопріятный; удобный, пригодный
полоняникъ — плѣнникъ
пъртъ = *пъръть* = *пръть* = *портъ* — платье, одежда (и др. знач.)
потѧгнѫти — подвигнуться (и др. знач.)
похоронити — спрятать (и др. знач.)
прѣкы = *преки* — поперекъ, на перерѣзъ (и др. знач.)
приречи — прибавить (и др. знач.)
присыпати — насыпать, прибавлять
пьрѭ = *прѭ* — парусъ (и др. знач.)
прозвѫтеръ = *прозвитеръ* = *просвитеръ* — священникъ
проказа,—можетъ быть передача греч. διαφθορά, зло, вредъ, злодѣяніе, преступленіе (и др. знач.). См. 38 стр. настоящаго изданія, прим. 70.
раздно — по разнымъ мѣстамъ; очевидно лишь мудрёное написаніе по образцу *праздно*
растинати — разрубать, разсѣкать
ратьни — ратные, находящіеся въ войнѣ
рота — присяга, клятва
рѫхло — пожитки, движимое имущество; грузъ; товаръ (и др. знач.)
рѧдъ — договоръ, уговоръ, условіе (и др. знач.)
свѣтенъ — имѣющій хорошихъ совѣтчиковъ, предусмотрительный, сговорившійся, совѣщавшійся
селико — сколько
сенкель = *синкелъ* — греч. σύγχελλος, церковный чинъ при византійскихъ патріархахъ
сирѣчь — то-есть

сице — такъ
скедиꙗ = *скѣдь* (греч. σχεδία) — ладья
скора — шкура; мѣхъ, мѣха (и др. знач.)
съгрѣшеникъ — проступокъ, преступленіе
сълба = *сольба* — посольство (*сълъ* — посолъ)
сълбьное = *слебное* — посольское
сълстити — обмануть
среда = *срѣда* — середина (и др. знач.)
средовѣчь — человѣкъ среднихъ лѣтъ
съпотрѫжатисѧ — вмѣстѣ трудиться, помогать
стратилатъ (греч. στρατηλάτης) — военноначальникъ
сѫдъ (герм. sund.) — заливъ, Золотой Рогъ въ Константинополѣ
съборьныи = *соборныи* — соборный, каѳедральный
съсѫдъ = *съсѧдъ* (сосудъ) — орудіе (и др. знач.)
съсѣдатисѧ — усѣсться, сѣсть
таль — заложникъ
тать — воръ
тълковины = *толковины* = *тлъковины* (отъ *тълковати* — истолковывать, объяснять). Вѣроятно *толковина* — какъ *одина*.
тълстина = *тълъстина* = *толстина* — толстая, грубая ткань (и др. знач.)
ѫбрести — убѣжать, идя въ бродъ
ѫвѣдѣти — заповѣдать, повелѣть (и др. знач.)
ѫдъ — часть тѣла, членъ (и др. знач.)
ѫдължати = *ѫдолжати* — оставаться въ долгу
ѫзѣка — родственникъ — ища (и др. знач.)
ѫзорочиѥ — драгоцѣнныя вещи и ткани съ узорами
уи — дядя по матери
ѫкладъ — дань, налогъ (и др. знач.)
ѫрѧдити — назначить, опредѣлить (и др. знач.)
ѫрѧдъ — условіе, договоръ
ѫспѧти, ѫспьнѫ — „воспять“ — натянуть
ѫщититисѧ — защититься, укрыться
фоѳѫдиꙗ — восточная, златотканная матерія
челѧдь — рабы, слуги
ꙗти — взять: *вѣрѫ ꙗти* — вѣрить, довѣрять.

Изъ литературы предмета.

(Сокращенія: Ж. М. Н. П.—Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія; П. И. А. Н.—Извѣстія Императорской Академіи Наукъ по Отдѣленію русскаго языка и словесности. Т. К. Д. А. — Труды Кіевской Духовной Академіи; Ю. В.—Юридическій Вѣстникъ).

Аксаковъ К. С. Родовое или общественное явленіе было изгой? Сочиненія, Т. I. М. 1861.

Андреевскій Иванъ, О правахъ иностранцевъ въ Россіи до вступленія Іоанна III Васильевича на престолъ великаго княжества Московскаго. Спб. 1854.

Аристовъ Н. Христоматія по русской исторіи. Варшава, 1870.

Барацъ Г. М. Критико-сравнительный анализъ договоровъ Руси съ Византіей. Кіевъ, 1910.

Бестужевъ-Рюминъ К. Русская исторія, Т. I.

De Boor, Der Angriff der Rhos auf Byzanz (Byzantinische Zeitschrift, IV. Leipzig, 1895).

Брандтъ Р. Ф. Лекціи по славянорусской палеографіи. М. 1910 (см. пр. 12 наст. изданія).

Бѣловъ Е. Борьба великаго князя Кіевскаго Святослава Игоревича съ Іоанномъ Цимисхіемъ. (Ж. М. Н. П. 1873, XII).

Бѣлячевъ И. Д. Лекціи по исторіи русскаго законодательства. М. 1879.

Васильевскій В. Г. Замѣтка къ статьѣ П. П. Ламбина о годѣ смерти Святослава (З. И. А. Н. Т. XXVIII, 1876). Русско-Византійскіе отрывки (Ж. М. Н. П. 1874, XI; 1875, III, XII; 1877, I. 1878, I, II, III). Житія св. Георгія Амастридскаго и Стефана Сурожскаго. Труды В. Г. Васильевскаго, Т. I. Спб. 1908.

Веселовскій В. Н. Видѣніе Василія Новаго о походѣ Русскихъ на Византію въ 941 году (Ж. М. Н. П. 1899, I).Разысканія въ области рус. дух. стиховъ. Спб. 1888 (Прилож. къ XXXVII т. З. И. А. Н. 85, прилож. къ XLV, 327).

Владимірскій-Будановъ М. Христоматія по исторіи русскаго права. В. I. Кіевъ, 1908. Обзоръ исторіи русскаго права. Кіевъ, 1909.

Востоковъ. Описаніе рус. и слав. рук. Румянц. Музеума, 1842.

Гедеоновъ. Варяги и Русь. Спб. 1876.

Гильфердингъ А. Ф. Исторія Сербовъ и Болгаръ, Полное Собраніе сочиненій, Т. I. Спб. 1868.

Hirch Ferdin. Byzantinische Studien. Leipz. 1876.

Голубинскій Е. Исторія русской церкви, I. М. 1901.

Григорьевъ, В. В. О походахъ Руссовъ на Востокъ, Россія и Азія. Спб. 1876.

Грушевскій, М. Очеркъ исторіи Кіевской земли отъ смерти Ярослава до конца XIV столѣтія. Кіевъ, 1891, (гл. V, Торговля и поземныя сношенія). Кіевская Русь, Т. I. Спб. 1911.

Димитріу А. Къ вопросу о договорахъ Русскихъ съ Греками (Византійскій Временникъ, Т. П. Спб. 1895).

Довнаръ-Запольскій. М. В. Исторія русскаго народнаго хозяйства. Т. I. Кіевъ, 1911.

Дриновъ М. С. Южные Славяне и Византія въ X вѣкѣ. М. 1876.

Дьяконовъ М. Очерки общественнаго и государственнаго строя древней Руси. Спб. 1910.

Егуновъ А. Н. Взглядъ на торговлю древнѣйшей Руси (Современникъ 1848, № X).

Забѣлинъ Иванъ, Исторія русской жизни съ древнѣйшихъ временъ. Ч. П. М. 1879.

Загоскинъ, Курсъ исторіи русскаго права, Т. I. Казань, 1906.

Завитневичъ В. Великій князь Кіевскій Святославъ Игоревичъ и историческое значеніе его богатырскихъ подвиговъ (Т. К. Д. А. 1883, III).

Зернинъ А. Очеркъ жизни Констан. патріарха Фотія. М. 1878.

Знойко Н. Д. О походахъ Святослава на Востокъ (Ж. М. Н. П. 1908, XII).

Иванишевъ Н. Д. Сочиненія, Отд. 1. Кіевъ, 1876,

Иконниковъ В. С. Опытъ русской исторіографіи, Т. П. кн. I. Кіевъ, 1908.

Иловайскій Д. Разысканія о началѣ Руси. М. 1876.

Ипатьевская лѣтопись. Полное Собраніе русскихъ лѣтописей. Изданіе Импер. Археограф. коммиссіи. Спб. 1908.

Карамзинъ Н. В. Исторія государства Россійскаго, Т. I, Т. П.

Ключевскій В. Курсъ русской исторіи, Ч. I. М. 1908.

Козловскій И. П. Сношенія древней Руси (Варшав. унив. извѣстія 1911, V).

Костомаровъ Н. И. Преданія первоначальной русской лѣтописи, Собраніе сочиненій, кн. V. Спб. 1904.

V. Krug, Kritische Versuch zur Aufklärung der Bizantischen Chronologie mit besonderer Rücksicht aúf frühere geschichte Russlands. Sprb. 1810.

Крузе, Два первыя вторженія Руссовъ въ Византію (Ж. М. Н. П. 1840, XII).

Куникъ В. В., Записки готскаго топарха. Замѣтка о годахъ смерти великихъ князей Святослава Игоревича и Ярослава Владиміровича (З. И. А. Н. Т. XXVIII, 1876). Записка А. А. Куника (Лѣтопись занятій археогр. коммиссіи за 1895—99 годъ, В. XII. Спб. 1901].

Лавровскій Н. О византійскомъ элементѣ въ языкѣ договоровъ Русскихъ съ Греками. Спб. 1853.

Ламанскій В. И. Житіе св. Кирилла, какъ рел. эпич. произведеніе [Ж. М. Н. П. 1904, IV).

Ламбинъ Н. П. О годѣ смерти Святослава Игоревича (З. И. А. Н. Т. XXVIII, Спб. 1876). Дѣйствительно ли походъ Олега подъ Царьградъ сказка? (Ж. М. Н. П. 1873, VII). О Тмутараканской Руси (Ж. М. Н. П. 1874, I).

Лешковъ В. Русскій народъ и государство, Исторія русскаго общественнаго права до XVIII вѣка. М. 1858.

Линдеманъ І. К. Выводъ символическаго значенія обруча на основаніи поправки одного испорч. мѣста лѣтописи. Владиміръ. 1908.

Линниченко И. А. Современное состояніе вопроса объ обстоятельствахъ крещенія Руси (Т. К. Д. А. 1886, XII).

Липовскій А. Изъ исторіи Греко-Болгарской войны въ X—XI вв. (Ж. М. Н. П 1891, XI).

Ловягинъ Е. И. Двѣ бесѣды святѣйшаго патріарха Константинопольскаго Фотія по случаю нашествія Россовъ на Константинополь (Христіанское чтеніе 1882, IX и X).

Лонгиновъ А. В. Мирные договоры Русскихъ съ Греками, заключенные въ X вѣкѣ. Одесса, 1904.

Лопаревъ Хр. М. Старое свидѣтельство о положеніи ризы Богородицы во Влахернахъ въ новомъ истолкованіи примѣнительно къ нашествію Русскихъ на Византію въ 860 году (Византійскій Временникъ, II, 1895. См. Археолог. Извѣстія IX, X. М. 1895).

Мейчикъ Д. М. Система преступленій и наказаній по договорамъ Олега и Игоря и Правдѣ Ярослава (Ю. В. 1875, I, II, III).

Miklosich, Chronica Nestoris. Vindobona, 1860.

Мрочекъ-Дроздовскій П. Н. Исторія русскаго государственнаго права до конца XVII столѣтія. М. 1892.

Мулюкинъ А. С. Къ вопросу о договорахъ Русскихъ съ Греками (Ж. М. Юстиціи 1906, IX).

C. Müller, Fragmenta historicorum graecorum, T. V. Paris. 1870.

Наукъ. Lexicon Vindobonense. Petropoli, 1876.

Неволинъ, Исторія росс. гражд.законовъ, Т. III.

Никольскій А. А. О языкѣ Ипатской лѣтописи (Русскій Филолог. Вѣстникъ 1899, I—IV).

Никольскій В. О началахъ наслѣдованія въ древнѣйшемъ русскомъ правѣ. М. 1859.

Папандопуло-Керамевсъ А. Сборникъ греческихъ и латинскихъ памятниковъ, касающихся Фотія патріарха. Спб. 1899. В. I.

Платоновъ С. Ф. Лекціи по русской исторіи. Спб. 1909.

Погодинъ М. Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи, Т. I, III. Норманскій періодъ русской исторіи. М. 1859.

Повѣсть временныхъ лѣтъ по Ипатскому списку. Изданіе Археографической коммиссіи (фотолитографическимъ способомъ). Спб. 1871.

Поповъ Д. Исторія Льва Діакона Калоїскаго и другія сочиненія византійскихъ писателей. Спб. 1820.

Потебня А. Слово о полку Игоревѣ. Воронежъ, 1878 (стр. 90).

Пръсняковъ А. Княжое право въ древней Руси (Зап. ист. фил. фак. Имп. Спб. унив. Ч. XC. Спб. 1909).

Rakowiecki J. B. Prawda Ruska, czyli prawa wielkiego xięcia Iarosława Władymirowicza, tudzież traktaty Olga y Igora ww. xx. Kijowskich z cesarzami greckimi y Mstysława Dawidowicza x. Smoleńskiego z Rygą zawarte, których Texta, obok z Polskiém tłómaczeniem poprzedza Rys Historyczny Zwyczajów, Obyczájów, Religiy, Praw y Języka dawnych słowiańskich y słowiańsko-ruskich narodów. Król. Wars. Towarzystwa Przyiaciół nauk członka, T. I. w Warszawie, 1820 r. T. II, 1822.

Баронъ Розенъ В. В. Императоръ Василій Болгаробойца, извлеченія изъ лѣтописи Яхъи Антіохійскаго. Спб. 1883.

Самохваловъ Д. Я. Курсъ исторіи русскаго права. М. 1908.

Сергѣевичъ В. И. Лекціи и изслѣдованія по древней исторіи русскаго права. Спб. 1903.

Соболевскій А. И. Кирилло-меѳодіевскіе вопросы. (Кіевскія университ. Записки 1885, IX). Очерки изъ исторіи русскаго языка, Ч. I. Кіевъ, 1884.

Сокольскій В. В. О договорахъ съ Греками (Университ. Записки. Кіевъ, 1870, № 4).

Соловьевъ Сергѣй, Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, Т. I.

Срезневскій И. И. Договоры съ Греками, И. И. А. Н., Ш. Историческія чтенія о языкѣ и словесности. О договорахъ князя Олега съ Греками (Ibid. T. I. Спб. 1852) Матеріалы для словаря древнерусскаго языка. Спб. Слѣды глаголицы въ памятникахъ X в. (И. И. А. Н. VII. Спб. 1852).

Степановъ Н. В. Къ вопросу о календарѣ Лаврентьевской лѣтописи. М. 1910.

Суховъ А. А. Обычно-народныя и княжескія наказанія по древнерусскому уголовному праву (Ю. В. 1873, VII—VIII).

Стефановскій К. Разграниченіе гражданскаго и уголовнаго судопроизводства въ исторіи русскаго права (Ж. М. Н. П. 1873, II).

— *Терновскій Филиппъ.* Изученіе византійской исторіи и ея тенденціозное приложеніе къ древней Руси, В. I. Кіевъ, 1875.

Tobien E. S. Sammlung kritish-bearbeiteten Quellen der Geschichte des Russichen Rechts, B. I, Die Prawda Russkaja und die ältesten Tractate Russlands. Dorp. 1844 (Тоже Dorp. und. Leipzig, 1845).

Успенскій Порфирій, Четыре бесѣды Фотія святѣйшаго архіепископа Константинопольскаго и разсужденіе о нихъ архимандрита Порфирія Успенскаго. Спб. 1864.

Успенскій Ѳ. И. Русь и Византія въ X вѣкѣ Одесса, 1888. Патріархъ Іоаннъ VII Грамматикъ и Русь-Дромиты у Симеона Магистра (Ж. М. Н. П. 1890, I). Византійскія владѣнія на сѣверномъ берегу Чернаго моря въ IX и X вв. (К. Стар. 1899, XXV). Статьи въ Извѣстіяхъ Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ, Т. X. Софія, 1905. Тамъ же статьи Ѳ. И. Успенскаго и К. В. Шкорпила. Т. XIII, 1908, Раскопки въ Преславѣ (въ отчетѣ за 1905 г.).

Утинъ и Лазаревскій, Собраніе важнѣйшихъ памятниковъ въ исторіи древняго русскаго права. Спб. 1859.

Филипповъ А. Н. Учебникъ исторіи русскаго права (пособіе къ лекціямъ), Ч. I. Юрьевъ, 1912.

Чебышевъ Дмитріевъ А. О преступномъ дѣйствіи по русскому допетровскому праву. Казань, 1862.

Чертковъ А. Описаніе войны великаго князя Святослава Игоревича противъ Болгаръ и Грековъ въ 967—971 годахъ. М. 1843. О числѣ русскаго войска, завоевавшаго Болгарію и сражавшагося съ Греками во Ѳракіи и Македоніи въ 967—971 годахъ (Записки Одесскаго Общества исторіи и древностей, Т. I. Одесса, 1844).

Чертковъ Д. Т. О переводѣ Манассіиной лѣтописи на славянскій языкъ (Русск. историч. Сборникъ, издав. Общ. ист. и древн. россійскихъ, Т. VI. М. 1843).

Чернышевскій, Опытъ словаря Ипатіевской лѣтописи (И. II. А. Н. Т. II, 1853).

Шахматовъ А. А. Исходная точка лѣтосчисленія Повѣсти времен. лѣтъ (Ж. М. Н. П. 1897, III). Разысканія о древнѣйшихъ русскихъ лѣтописныхъ сводахъ. Спб. 1908. Хронологія древнѣйшихъ русскихъ лѣтописныхъ сводовъ (Ж. М. Н. П. 1897).

Шлецеръ, Несторъ. Русскія лѣтописи. Перев. Языкова. Спб. 1816.

Шестаковъ С. Къ вопросу о мѣстѣ крещенія св. Владиміра. Казань, 1908.

Shlumberger Gustave. Un Empereur byzantin au dixième siècle. Nicéphore Phocas. Paris, 1890. Замѣтка объ этой книгѣ (Кіевская Старина 1891). L'epopée byzantine à la fin du X-me siècle. Jean Tzimiscés. Les jeunes annees de Basile II le Tueur de Bulgares, 869—989. Paris, 1896.

Щегловъ Д. Первыя страницы русской исторіи (Ж. М. Н. П. 1876, IV).

Jagić V. Archiv für slavische Philologie, T. XXIII (580—585), 1912. Berlin.

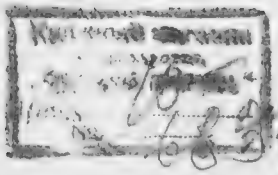
Ясинскій М. Н. Лекціи по внѣшней исторіи русскаго права, В. I. Кіевъ, 1899.

Ястребовъ Б. Херсонесъ Таврическій (К. Стар. 1883, VI).

Яцуржинскій Хр. Херсонесъ во время крещенія въ немъ св. Владиміра и дальнѣйшая судьба города (Кіев. Стар. 1888, іюль).

Эрбенъ К. Я. Объясненіе и исправленія нѣкоторыхъ темныхъ и испорченныхъ мѣстъ древнѣйшей русской лѣтописи (Сборн. статей, читан. въ Отдѣл. рус. языка и словесн. Имп. Ак. Наукъ. Т. VII, № 5, 1870).

Эверсъ Ф. Г. Древнѣйшее русское право въ историческомъ его раскрытіи. Перев. съ нѣм. Ив. Платонова. Спб. 1835.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Предисловіе.	3— 4
Текстъ договоровъ Русскихъ съ Греками и разсказа лѣтописи о предшествовавшихъ договорамъ походахъ Русскихъ на Византію при Игорѣ и Святославѣ (По Ипатскому списку).	5— 17
Примѣчанія къ тексту договоровъ Русскихъ съ Греками и разсказа лѣтописи о предшествовавшихъ договорамъ походахъ Русскихъ на Византію при Игорѣ и Святославѣ	19— 57
Приложеніе № 1. Походъ Аскольда и Дира на Царьградъ (по Ипатскому списку)	59— 66
Приложеніе № 2. Извлеченіе изъ бесѣдъ святѣйшаго Фотія, архіепископа Константинопольскаго, на нашествіе Россовъ.	67— 79
Приложеніе № 3 (къ примѣч. 1). Разсказъ о походѣ Россовъ на Византію въ 941-мъ году, включенный въ формѣ видѣнія въ житіе Василія Новаго, по рукописи Московской Синодальной Библіотеки № 249, XIV-го вѣка, л. 132 об. и сл.	81— 85
Приложеніе № 4 (къ примѣч. 1-му). Разсказъ Продолжателя Амартола о походѣ Россовъ въ 941-мъ году.	87— 90
Приложеніе № 5. (къ примѣч. 90). Извлеченіе изъ Исторіи Льва Діакона, а также изъ Кедрина и Зонары о войнѣ Грековъ съ Святославомъ.	91—118
Приложеніе № 6. Текстъ Ипатской лѣтописи о движеніи Руси на Грековъ при Владимірѣ Святомъ	119—126
Приложеніе № 7. Текстъ Ипатской лѣтописи о походѣ на Грековъ при Ярославѣ Мудромъ	127—131
Приложеніе № 8. Замѣчанія объ языкѣ и письмѣ издаваемаго текста Ипатской лѣтописи	133—137
Приложеніе № 9. Словарь къ издаваемому тексту Ипатской лѣтописи. .	139—144
Изъ литературы предмета.	145—150